
МИР РЕКИ
ФИЛИП ФАРМЕР
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
ЛЕГЕНДЫ МИРА РЕКИ

Легенды Мира Реки

Филип Хосе Фармер, Дэйн Хелсторм, Аллен Стил, Майк Резник, Барри Молзберг, Филлип Дженнингс, Гарри Тертлдав, Эд Горман

Аннотация
Филип Хосе Фармер, Дэйн Хелсторм, Аллен Стил, Майк Резник, Барри Молзберг, Филлип Дженнингс, Гарри Тертлдав, Эд Горман. Легенды Мира Реки. (Мир реки — 6)
Филип Фармер. Через темную реку
1
2
3
4
5
6
7
8
Примечание автора
Филип Фармер. Дыра в аду
Аллен Стил. Благословенная земля

1
2
3
4
5
6
Майк Резник, Барри Молзберг. Всяк человек бог
1
2
Филлип Дженнингс. Забавы Мира Реки
Гарри Тертлдав. Два вора
Эд Горман. Рай для дураков
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7

Аннотация

Добро пожаловать в Мир Реки! В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера! В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются все люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки…

Нет двух рассказов.

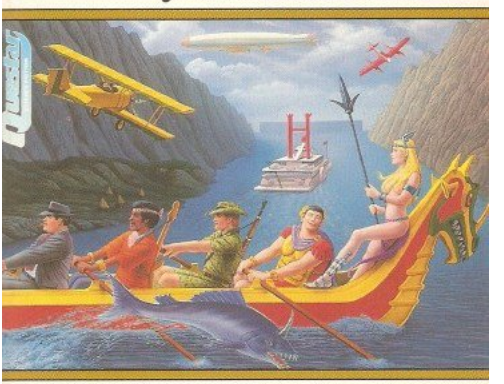
NEW JOURNEYS INTO THE REALM OF
THE *NEW YORK TIMES* BESTSELLING SERIES...

TALES OF RIVERWORLD

EDITED BY

PHILIP JOSÉ FARMER

THREE-TIME HUGO AWARD WINNER



WARNER BOOKS 36269-7 $4.99 U.S.A. ($5.99 CAN.)

Филип Хосе Фармер, Дэйн Хелсторм, Аллен Стил, Майк Резник, Барри Молзберг, Филлип Дженнингс, Гарри Тертлдав, Эд Горман

Легенды Мира Реки

(Мир реки — 6)

Филип Фармер
Через темную реку

Фармер продолжает забавляться. На сей раз он отследил свое генеалогическое дерево и подвёл к тому, что его предки имели непосредственное отношение к Миру Реки.

1

Как? Ты прописывал лимонный сок, чтобы лечить холеру? Ты вылечивал детей, которые не могли дышать так долго, что их личики становились синего цвета? И молодых женщин в истерическом припадке? Ты засовывал свой мизинец им в задний проход? Presto! Changeo! И они навсегда избавлялись от инфантилизма и от раздражения кожи?

— Что? Вы ищете женщину, которая, как предполагают, родила ребенка где-то на Реке? Ребенка? В этом мире, где все стерильны и ни одна женщина не забеременела? И вы верите, что это правда? А как насчет того, чтобы купить Бруклинский мост?

— Нет? Тогда как же насчет осколка от Истинного Креста? Ха-ха-ха! И вы верите, что этот ребенок, полученный в результате партеногенеза, — Иисус Христос, родившийся снова, чтобы спасти нас, жителей Долины? И вы пустились в путь вверх по Реке, чтобы найти этого младенца? Да за кого вы себя считаете? За одного из Троих Волхвов? Ха-ха! Вот потому-то доктор Эндрю Пэкстон Дэвис не останавливался подолгу ни на одном месте, пока

его не задержал Ивар Бескостный. Он бродил по Верхней Долине, редко останавливаясь, точно как на Земле, где он был бродягой из бродяг. В 1800-х в ранних 1900-х он бродил по многим городам Соединенных Штатов, Там он читал лекции и практиковался в своем искусстве врачевания, а иногда основывал колледжи по остеопатии. Денвер, Колорадо, Куинси, Миссури, Питтсбург, Пенсильвания, Цинциннати, Огайо, Лафайетт и Индиаполис, Индиана, Даллас и Корсикана, Техас, Бэйкер Сити, Орегон, Лос-Анджелес, Калифорния — и многие другие места. Потом он основал невропатию, эклектическую дисциплину лечения. В ней соединились все лучшие черты остеопатии, хиропрактики, магнетизма, гомеопатии и других систем безлекарственной медицины. Он пропагандировал это вдохновленное Богом Евангелие по всей стране. И написал четыре толстые книги, которыми пользовались остеопаты и офтальмологи и читались многими лечащими наложением рук по всем Соединенным Штатам.

— Из хождения взад и вперед по Земле и из бродяжничества вверх и вниз по ней. Это был ответ Сатаны Богу, когда Он спросил:

— Откуда ты взялся? Так нужно было бы сказать и об Эндрю Пэкстоне Дэвисе. Но Дэвис чувствовал

отвращение к Сатане, примером для него был Иов, который «был совершенен и прям, и тем, кто боялся Бога и сторонился зла». С тех пор, как Дэвис проснулся в Мире Реки, он страдал от мучений Иова. Все же, он не колебался в своей вере больше, чем Иов. Должно быть, этот мир сотворил Бог, но Великий Искуситель тоже здесь присутствовал. Для того чтобы это понять, достаточно взглянуть на здешних жителей. Жители Мира Реки чаще всего видели во сне потерянную Землю. Единственным исключением был кошмар о массовом воскрешении в День Великого Крика, когда все мертвые кричали одновременно. Ну и звук должен был получиться! Доктор Эндрю Пэкстон Дэвис часто просыпался, испуская стоны, иной раз крики, стряхивая с себя этот кошмар. Но бывало, что он видел другой сон, который расстраивал его куда больше. Например, ранним и все еще темным утром пятой годовщины Дня, он болезненно очнулся от внушенного Миром Реки кошмара. Не ужас, но стыд и унижение написали сценарий для этого драматического сна. Он получил диплом доктора медицины в медицинском Колледже Раша в Чикаго в 1867 году. Но, много лет проработав врачом в сельских местностях Иллинойса и Индианы, он стал недоволен своей

практикой. Он всегда был правдоискателем, а тут убедился, что новая наука и искусство лечения, установленные доктором Эндрю Тэйлором Стиллом, повсюду пробивает себе дорогу. Дэвис был одним из первых, кто закончил обучение в заново открытой школе остеопатии в Кирксвилле, Миссури, в 1893 году. Но, в результате исследований и исканий, он решил, что одной остеопатии недостаточно. Отсюда — его собственная наука и учрежденный им колледж невропатии в Лос-Анджелесе. Когда он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет от рака желудка — в его кошмарах повторялась в том числе и та долгая агония — он все еще был главой процветающего медицинского учреждения. Однако медицинская наука значительно усовершенствовалась со времени его рождения в 1835 до его смерти в 1919 году. И далее она развивалась с невероятной скоростью. Люди из последних лет двадцатого столетия, информировавшие его об этом, рассказывали Дэвису такие вещи, которые звучали чем-то вроде фантастических романов Г. Д. Уэллса. Тем не менее, в течение первых двух лет его пребывания в Мире Реки он с гордостью рассказывал врачам, которых встречал, о своих знаниях и свершениях. Он также укрепился в вере в новое

рождение Спасителя. Так много людей над ним смеялось, что он сделался крайне осторожным в своих рассказах докторам медицины о том, что практиковал искусство излечения. Он хотел бы стать столь же скрытным и в откровенностях о своей задаче непрофессионалам. Но как он смог бы найти Святую Мать и Святое Дитя, если бы Дэвис не рассказывал людям о том, как он их ищет? Этим утром Дэвис проснулся и лежал весь в поту, причиной которого вовсе не была температура. Через некоторое время он смутно припомнил один сон, предшествующий тому сну, который вызывал насмешки и глумление. Он стоял на вершине холма возле башни и как раз начал спускаться с холма, когда услышал, что его зовет король. Дэвис обернулся и посмотрел вверх сквозь сумерки, которые окутывали все его сны. С вершины башни на него пристально смотрел Ивар Бескостный. Как обычно, король слегка улыбается. Рядом с королем Энн Пуллен, королева не только страны Ивара, но и всех шлюх всего мира, высунулась в пространство с верхней стены. Ее обнаженные груди свисали над вершиной камня. Потом она подняла одну грудь и швырнула в Дэвиса. Внезапно рядом с этими двумя появился Шарко Стряпчий. Шарко, чело-

век, который был бы невероятно несчастен, если бы мог понять, как он отвратителен. Но Шарко неспособен был вообразить, чтобы он мог кому-то не понравиться. Ему не раз давали прочные доказательства: пинки, шлепки, проклятия — в том, что его любят вовсе не все, не раз его жестоко избивали. Все же его ум не воспринимал этих доказательств, а хранил свой собственный образ неоспоримым и несокрушимым. Эти трое были самыми значительными существами во время пребывания Дэвиса на земле Ивара. Он хотел бы посадить их в ракету и выстрелить ими куда-нибудь в звезды. Таким образом он бы предохранил их от нового возрождения где-нибудь на Реке — а тем самым, избежал бы новой встречи с ними. Кроме как в своих кошмарах, разумеется. Позже, через несколько часов после рассвета, Дэвис поднимался на холм к башне, закончив рыбную ловлю в Реке. Он ничего не поймал и потому был в дурном настроении. Вот тут-то он и встретил сумасшедшего, наряженного клоуном.

— Доктор Фаустролл, мы полагаем? Человек, говоривший до странного ровным голосом, протягивал невидимую визитную карточку. Дэвис посмотрел на кончики большого и указательного пальцев, как будто бы этот человек действитель-

но держал в них визитную карточку.

— Отпечатана огненными буквами, — объяснил этот человек. — Но, чтобы их увидеть, вы должны обладать огненным сердцем. Однако же, воображаемые овалы лучше всего видны в воображаемом неосвещенном треугольнике. Чем темнее место, тем ярче высвечивается шрифт. Как вы могли заметить, теперь утро, и солнце вполне ярко светит. По крайней мере, так кажется. Этот тип, как все нездоровые люди Земли, должен был быть воскрешен без малейших следов умственного заболевания, которым он страдал на Земле. Но он опять сошел с ума. На его лбу было начертано что-то вроде каких-то математических формул. Круги у глаз раскрашены желтым, а нос — черным. На верхней губе нарисованы зеленые усы. Рот покрыт ярко-красной губной помадой. На груди красовался вытатуированный голубой вопросительный знак. К веревке, свисающей с плеча и до самого живота, привязана сушеная рыба. Его длинные, густые и очень черные волосы были уложены в форме птичьего гнезда, и прическа держалась, слепленная серой грязью. А когда этот человек наклонил голову, стала видна верхняя часть яйца в этом гнезде. Дэвис легко смог его увидеть, потому что незнакомец

был меньше ростом, чем он. От движения головы яйцо не скатилось. Значит, оно, должно быть, приклеено рыбьим клеем к макушке. Деревянное раскрашенное псевдо-яйцо, понял Дэвис, предназначено для того, чтобы думали, будто его снесла кукушка. Вполне уместно. Незнакомец, безусловно, был кукушкой. Единственной одеждой этого клоуна было большое зеленое полотенце, обвязанное вокруг бедер. Серый цилиндр его грааля помещался повыше босой ступни. У большинства людей были мешки из рыбьей кожи, вмещавшие нехитрые пожитки. Мешка у этого типа не было, он обходился даже без оружия. Зато нес бамбуковую удочку. Незнакомец сообщил:

— На Земле мы были король Убу. Здесь мы доктор Фаустролл. Мы действительно заслужили этого повышения. Кто знает? Возможно, мы еще заработаем себе путь на самый верх и сделаемся Богом — по крайней мере, займем его пустующий трон. А в настоящий момент мы — патафизик, доктор патафизических наук, к вашим услугам. Это не особенно удобная степень, в некотором смысле, но во всех смыслах это степень высокая, она включает Фаренгейта и Келвина. Он начал укладывать свою воображаемую карточку в воображаемый карман воображаемого пиджака.

Дэвис сказал:

— Я ее возьму, — и протянул руку. Если отнестись к этому патафизику с юмором, чем бы ни была эта наука, это, по крайней мере, предотвратит его враждебное отношение. Дэвис поднял свою руку к обнаженной груди, чтобы изобразить, будто достает визитную карточку из внутреннего кармана пиджака. Он протянул ее:

— Эндрю Пакстон Дэвис, доктор медицины, Оф. Д., Н.Д:, Д.О., Д.Ц.

— А где же остальной алфавит? — спросил Фаустролл, все еще придерживаясь ровного тона голоса. Но притворился, будто взял карточку, прочел ее, затем положил в свой пиджак.

— Я сварил из него суп, — ответил Дэвис. Его голубые глаза подмигнули. Карие глаза доктора Фаустролла повторили подмигивание, он улыбнулся:

— Теперь, если вы будете так добры, чтобы проводить нас к правителю этого места, неважно, как ее — или его — имя, мы представимся, и, возможно, представим более, чём единственную нашу личность, и попросим места — или мест. Дэвис вздрогнул:

— Как? Вы не знаете, где находитесь? Стража вас не остановила? Как же вы прошли мимо них?

Доктор Фаустролл указал на невидимый предмет у своей правой ноги:

— Мы пронесли нас через границу в нашем чемодане. Стража его не заметила. Была полночь и облачно. Кроме того, мы дремали.

— Это должен быть очень большой чемодан, если вы в него поместились. Все вы?

— Он очень маленький, но там достаточно места для нас и для нашей совести, — объяснил доктор Фаустролл. — Мы вынимаем совесть из чемодана только тогда, когда намерены ею воспользоваться, что случается не часто. Или когда ее нужно проветрить. Он поднял грааль одной рукой, а другой — удочку. Дэвис прикрутил к талии полотенце и взялся за рукоятку своего граальчика. Его хорошее настроение испарилось. Этот тип начинал ему надоедать, а Дэвису не хотелось опаздывать на свидание с королем. Приняв серьезный вид, он сказал:

— На вашем месте я бы выбрался из этого места как можно быстрее и незаметнее. Если вы этого не сделаете, вы будете работать вместе с теми несчастными — вон там. Он показал на берег Реки. Фаустролл повернулся, чтобы внимательно рассмотреть массу потеющих, изможденных, орущих мужчин и женщин. Казавшиеся крошеч-

ными фигурками на таком расстоянии, они изо всех сил старались втащить или втолкнуть в Реку при помощи бревен с приделанными к ним колесами необработанный блок гранита в форме куба и размером с хорошее бунгало. Передняя стенка гранита стояла на двух деревянных катках, обильно смазанных рыбьим жиром, таким образом блок погружали в воду.

— Они строят пирамиду под поверхностью Реки? — предположил Фаустролл.

— Неужели вы должны нести такую бессмыслицу? — рассердился Дэвис. — А почему вы не спрашиваете, зачем я даю вам совет убираться отсюда со всей возможной быстротой, с какой только ваши ноги могут вас унести?.. То есть, если вы на это способны, в чем я сильно сомневаюсь.

— Не существует такая вещь, как бессмыслица, — не согласился Фаустролл. — На самом деле то, что вы называете бессмыслицей, содержит куда больше смысла, чем то, что вы называете смыслом. Или, возможно, не существует такой конкретной абстракции, которую мы обозначаем термином — смысл. Но ведь если нет смысла, так нет и бессмыслицы. Мы сказали.

2

Дэвис вдохнул:

— Если вы не возражаете рискнуть тем, чтобы попасть в рабство, и, возможно, подвергнуться пыткам, пошли со мной. Не говорите же, что я не пытался вас предупредить. Они стояли на краю покрытой травой, точно ковром, равнины. Теперь они начали подниматься по склону подножья холмов. Дэвис, рыжеволосый человек среднего роста и правильного сложения, за исключением слишком больших рук, вел своего спутника. Сумасшедший шел медленно, потому что он изучал окружающую местность. Хотя горы поднимались прямо до высоты в двадцать тысяч футов, холмы шириной в милю и такой же ширины должны по обе стороны Реки шириной в милю были типичны для большей части русла Реки, но не такова была человеческая деятельность. Многие мужчины и женщины вырезали большие блоки камня из вертикальной поверхности горы и спускали их с подножья. — Трава на пути тяжелых предметов была сокрушена, почва помята. Но трава была такая жесткая, что она не гибла. Недалеко от нижнего края основания горы лежали

дополнительные дубовые бревна на колесах, предназначенные для того, чтобы передвигать блоки через долину. Посередине долины несколько групп людей затягивали веревки, повязанные вокруг блоков, а другие люди суетились у задней стороны блоков. Когда их притащат к краю Реки, их поместят на колеса и спустят в воду. Как в большинстве мест, за несколько ярдов от берегов Река была мелкой, а берега всего на несколько дюймов возвышались над Рекой. А затем уровень дна внезапно опускался, точно скала, по крайней мере, на милю вниз, где находилось самое дно, где водилось множество рыб самых странных видов. Не только берег кишел людьми, но и сама Река была полна кораблей и лодок, маленьких и больших. И два громадных деревянных крана на берегу были близки к завершению. На другом берегу Реки происходило то же самое. Даже за то время, пока Фаустролл наблюдал, два гигантских каменных блока на той стороне соскользнули с колес в воду и исчезли. В потревоженной воде образовалось множество пузырей, которые лопались. Внезапно Фаустролл догнал Дэвиса.

— Мы не делаем выводов поспешными скачками, — заметил он, — и даже не подходим к ним шагом. Но нам кажется, что это рабочие

пытаются заполнить Реку. И не особенно в этом преуспевают.

— Дамбу строят, — объяснил Дэвис. Он ускорил шаг. — Ивар и тот, другой дурень на том берегу, король Арпад, намерены загородить течение каменными блоками, даже если это займет у них сто лет. Тогда они смогут препятствовать любым судам проскальзывать мимо стражи ночью. И еще они будут брать пошлину с торговых судов, плавающих вверх и вниз по Реке мимо этого места. А еще Ивар думает, что он сможет прорваться через горы к противоположной стороне долины. Он захватит страну на той стороне и будет ею править. А для торговли с другой стороной будет использовать туннель. И еще у Ивара есть мечта, что прорубание туннелей поможет открыть большие месторождения железа. Гордость идет перед неудачей. Он будет страдать участью известного Нимрода, который построил Вавилонскую башню, считая, что сможет завоевать хозяев неба…

— Как же им удается резать гранит кремневыми инструментами? — удивился Фаустролл.

— А им и не удается. Но эта территория благословенна — или проклята — подземными залежами меди и олова. Это единственное месторождение на тысячи миль в любую сторону

отсюда. Ивар и его армия викингов и франков захватили эти земли три года назад, вот почему у него есть бронзовые инструменты и оружие. Поднимаясь на холм, они услышали громкий взрыв — это взорвали скалу черным порохом. Когда они остановились на вершине, они услышали громкий звон. Под ними, за небольшой долиной, виднелся более высокий холм, на вершине его стояла большая круглая башня из гранитных блоков. Ее основание окружал ров. Под ними двоими в долине виделись кузницы, литейные мастерские, большие плавильни для изготовления руды, содержащей олово и медь, и круглые бамбуковые хижины, где жили рабочие, с крышами конической формы из листьев. Грохот, жара и вонь удушающей волной прокатились по двум наблюдателям.

— Люди притащили с собой с земли ад в это прекрасное место, — сказал Фаустролл. — Им бы искать духовного прогресса, а не материальных выгод и завоеваний. Вот почему, как мы верим, нас поместили в это чистилище. Конечно же, без науки патафизики им не удастся выполнить свою задачу. С другой стороны, влево или вправо, нам неизвестно, не получилось ли это все случайно. Но случайное не обязательно означает бессмыс-

лицу. Дэвис фыркнул, выразив свое презрение к этому замечанию.

— И что же такое патафизика? — спросил он.

— Друг наш и собрат-доктор, давайте-ка заполним брешь, образованную нашим разговором и нападкам на определение патафизики. Почти невозможная задача, ибо патафизика не может быть объяснена не в патафизических терминах. Патафизика — это наука о реальности, находящейся за пределами метафизики. Она лежит настолько далеко от метафизики, как метафизика лежит за пределами физики — в одном направлении, или в другом, или, возможно, еще в каком-нибудь. Патафизика — наука особая, о законах, управляющих исключениями. Улавливаете мою мысль до сих пор? Дэвис только закатил глаза.

— Патафизика, обратите внимание, может быть центром материи, патафизика — наука о воображаемых решениях. Но только воображаемые решения реальны. Дэвис простонал, как будто получил легкий удар ниже пояса.

— Для патафизики все предметы равны, — продолжал Фаустролл. — Патафизика, некоторым образом, наука хладнокровная. И это тоже — главный вопрос, по крайней мере, один из них.

То есть, все предметы патафизичны. И все же — немногие люди занимаются патафизикой.

— И вы хотите, чтобы я это понял? — спросил Дэвис.

— Не сразу. Возможно, никогда. И вот — последний замок, который требуется завоевать. За пределами патафизики нет ничего. Это последняя инстанция.

— Что означает? Фаустролл проигнорировал этот вопрос. Вместо этого он провозгласил:

— Она позволяет каждому мужчине, каждой женщине прожить свою собственную жизнь как исключение, не руководствуясь никакими законами, кроме как его (ее) собственными.

— Анархия? Так вы анархист?

— Оглянитесь вокруг. Мир был создан для анархии. Мы не нуждаемся ни в какой власти, кроме своей собственной. И все же люди не позволят нам быть, анархистами — пока что.

— Скажите это Ивару, — посоветовал Дэвис. Он засмеялся, потом добавил: — Хотел бы я увидеть его физиономию, когда вы будете ему это втолковывать.

— А-а, но что вы скажете о мозгах, прячущихся за этой физиономией? Есть у него мозги?

— О, мозги у него есть! Но его мотивы, приятель,

его мотивы! Они опустились с холма и затем поднялись на вершину другого, более крутого и высокого, чем предыдущие. Мост опустился, но у его внешнего конца оказалось много солдат. Большинство из них играли в настольные игры или в кости, вырезанные из рыбьих. Некоторые наблюдали за состязаниями по борьбе и шуточные поединки. Их конические бронзовые шлемы опускались до самого носа и покрывали частично щеки. Несколько человек щеголяли кольчугами, сделанными из бронзы или соединенных вместе деревянных колец. Все были вооружены мечами и кинжалами, у многих были копья. Кожаные щиты, обшитые бронзой, стояли рядом с ними. У специальной деревянной стойки находились тисовые луки и колчаны, полные стрел с бронзовыми наконечниками. Некоторые солдаты говорили между собой на эсперанто, другие — на варварских языках. Часовые по обе стороны от моста не сделали никакой попытки остановить этих двоих. Дэвис сказал:

— Я королевский остеопат, к королю Ивару. Так как вы со мной, они понимают, что на вас нападать не надо.

— Я люблю, когда на меня нападают, — обиделся Фаустролл. — Кстати, что значит — остеопат?

— Вы никогда не слышали об остеопатии? — Дэвис приподнял свои рыжеватые брови? — Когда вы умерли?

— В День Всех Святых, хотя я не святой в католическом смысле этого слова, в 1907 году. В Париже, который, возможно, вы слышали, находится во Франции, кто знает, на расстоянии скольких световых лет отсюда? Дэвис сказал только: «А-а!» Это объясняло безумие и вырождение. Он был французом, и, возможно, богемным художником, одним из тех аморальных безбожников, бедолаг, бесчинствующих в трущобах Монмартра или на Левом берегу, или еще где угодно, где только процветала подобная низменная жизнь. Один из этих дадаистов, или сюрреалистов, или кубистов, или как там их называют, чья безумная живопись, скульптура и писанина ясно показывали, что их создатели насквозь прогнили от греха и сифилиса. В этом мире никакого сифилиса не было, зато греха хоть отбавляй.

— А мой вопрос? — напомнил Фаустролл.

— Ах, да! Во-первых — это система лечения заболеваний, она основана на распространенной вере в то, что большинство болезней происходят от давления смещенных костей на нервы и тому подобное. Остеопаты борются с травматическим

давлением тем, что устанавливают правильное давление. Разумеется, в ней гораздо больше всего; чем только это. Вообще-то мне редко приходится лечить короля от чего-то серьезного, у него великолепное физическое здоровье. Можно так выразиться, что он держит меня — держит в рабстве, так будет точнее, — как королевского массажиста. Фаустролл поднял брови и спросил:

— Горечь? Недовольство? Ваша душа, она исходит желчью? Дэвис не ответил. Они прошли большую прихожую и поднялись по каменным ступеням узкой винтовой лестницы на второй этаж. Пройдя через маленькую комнатку, они ступили в очень большую, высотой в два этажа и очень прохладную. Бесчисленные отверстия в стенах пропускали сюда достаточно света, но сосновые факелы и лампы на рыбьем жире делали комнату наряднее. В центре на возвышении стоял длинный дубовый стол. Вдоль него расставлены были дубовые стулья с высокими спинками с резными изображениями норвежских символов, богов, богинь, змей, троллей, чудовищ и людей. Другие столы, поменьше, располагались вокруг большого, а в западной стене находился громадный очаг. Стены украшены были щитами, оружием и большим количеством черепов.

Около десятка мужчин и женщин стояли в ряд, ведущий к громадного сложения мужчине, сидящем на стуле. Сбоку о его стул опиралась дубовая рукоятка бронзового топора.

— Просители и жалобщики, — тихим голосом объяснил Дэвис Фаустроллу. — И преступники.

— А-а, — пробурчал Фаустролл. — Человек с Топором! — И добавил: — Название одной из наших поэм. Он показал на красивую блондинку с обнаженными грудями, сидящую на стуле с высокой спинкой за несколько футов от королевского трона.

— А она?

— Королева Энн, первая кобылица в стойле Ивара, — тихо объяснил Дэвис. — Не сердите ее. У этой потаскушки адский темперамент. Ивар Бескостный, сын полулегендарного Рагнара Волосатая Задница, бывшего премьером-супергероем эры викингов, поднялся со стула. В нем было, по меньшей мере, шесть футов шесть дюймов роста. Поскольку единственной его одеждой было голубое, как море, полотенце, его массивные плечи, руки, грудь, ноги и плоский перевязанный веревкой живот были открыты. Несмотря на его величину, из-за его быстрых и грациозных движений он больше напоминал пантеру, чем льва.

Единственным его украшением была широкая бронзовая лента вокруг правого предплечья. На ней были изображены три охотничьих рога, соединявшиеся вместе мундштуками и образовывающие трехногую фигуру. Трискелион был священный символ величайшего из северных богов, Одина. Длинные, волнистые, цвета красной бронзы волосы Ивара ниспадали на его очень широкие плечи. Его лицо во времена земной жизни Дэвиса называли бы «имеющим суровую красоту». Было, однако, в нем что-то коварное. Хотя Дэвис и не смог бы определить эту черту, которая заставляла его вспоминать о Братце Лисе, он всегда видел перед собой этого персонажа, когда перед ним был король. Ивар не был единственным военачальником девятого столетия после Рождества Христова во время датского вторжения в Англию. Там правило много местных королей, но обычно английские ораторы двадцатого века знали имя единственного из них. Это был Альфред, которого более поздние поколения будут называть Великим, хотя его сын и внук не меньше заслуживали этого звания. Хотя Альфред спас Уэссекс от завоевания, он не остановил датчан от того, чтобы они захватили большую часть остальной Англии. Ивар был

мастером-стратегом в первых датских армиях. Позже он сделался со-королем Дублина вместе с великим норвежским воином-победителем, Олафом Белым. Но династия Ивара правила Дублином в течение многих поколений. Когда Дэвис и Фаустролл приблизились к королю, Дэвис тихонько предупредил;

— Только не называй его Бескостным. Никто не может назвать его так прямо в лицо, чтобы не пожалеть об этом. Можешь называть его Иваром, хотя, как он мне поведал, в Норвегии его эпохи его имя было Ингвар. Языки меняются: Ингвар стал Иваром. Его прозвище в старой Норвегии было — Беспощадный, но на их языке это звучало похоже на «Бескостный». Более поздние поколения переиначили его прозвище. Но не называй его и «Беспощадным». Если же назовешь, ты обнаружишь, почему его так прозвали.

3

Доктор Дэвис был удивлен. Он был уверен, что король сейчас же погонит гротескно раскрашенного и болтающего чепуху француза в загородку для рабов. Вместо этого Ивар велел Дэвису приготовить помещение в башне для Фаустролла, хорошее помещение, не какую-нибудь крошечную и бедную каморку.

— Его научили боги, и он святой. И я нахожу, что он интересен. Последи, чтобы о нем как следует позаботились, и приведи его сегодня вечером на пир. Хотя эта обязанность была привилегией королевского стюарда, Дэвис не стал возражать. И даже не спросил Ивара, что он имел в виду, ссылаясь на богов. На Земле Ивар был высоким жрецом скандинавского бога Одина и продолжал ему служить, пока за несколько лет до смерти не был крещен и не перешел в христианскую веру. Дэвис считал, — возможно, этот напоминающий лиса датчанин решил, что ему не повредит это сделать. Ивар был человеком, способным использовать все лазейки. Но после того, как он воскрес на Реке, викинг отверг обе религии. Тем не менее, на него до сих пор оказывали влияние

обе, но куда сильнее та вера, которой он придерживался большую часть жизни. Ивар отдал свое распоряжение на родном языке, вместо эсперанто. Ивар называл эсперанто «этот монотонный, регулярный, скрипучий и грубый язык». Дэвис достаточно хорошо выучил древненорвежский, чтобы общаться с ним. Две трети говорящих на этом языке происходили из Дублина, где Ивар был королем викингской твердыни, пока он не умер в 873 году. Но большинство из этих людей были наполовину ирландцами, и на них в одинаковой степени влияли германский норвежский и кельтский гэльский. На последнем Дэвис умел говорить, хотя не так хорошо, как по-норвежски. Так как франки составляли одну четвертую населения Йварова королевства, будучи возвращены к жизни на той же территории, что и датчане, Дэвис немного знал и этот язык. Франки явились сюда из эпохи Хлодвига (умер в 511 г. н. э., в Париже), известный последующим поколениям как Кловис I. Он был королем западных, или салианских франков и завоевателем северной части римской провинции галлов. Эндрю Дэвис и Энн Пуллен, королева Ивара, были единственными англо-говорящими людьми в этом королевстве, кроме нескольких рабов. Дэвис разговаривал с

ней только тогда, когда не мог этого избежать. Это бывало нечасто, потому что она любила, чтобы он постоянно давал ей сеансы лечения, во время которых она делала все, что могла, чтобы расстроить его подробными историями многочисленных своих сексуальных встреч и извращений. И она нагло настаивала на том, чтобы он массировал ее груди. Дэвис отказался делать это и нашел поддержку у Ивара, которого, кажется, развлекала эта ситуация. Никогда Энн Пуллен не признавалась Дэвису, что ей известно, с какой силой он ее ненавидит. Оба, однако, прекрасно знали, как каждый из них относится к другому. Единственным препятствием для нее отправить его рабом в Каменоломни был Ивар. Хотя он слегка презирал Дэвиса, в глубине души он его любил. Он и уважал американца за его знания, особенно в области медицины, и любил слушать рассказы Дэвиса о чудесах его эпохи, о стальных лошадях, движущихся при помощи пара, о беспарусных кораблях, о телеграфе и радио, об автомобиле, аэроплане, о громадных состояниях, награбленных американскими баронами и о фантастической водопроводной системе. О чем Дэвис никогда не рассказывал Ивару, так это о том, что говорили ему врачи конца два-

дцатого столетия, которых он встречал — к его огорчению. То есть, то, что многое из лечения пациентов на Земле, введенного им, было основано на неверной медицинской информации. Однако Дэвис был убежден, что его невропатическое лечение, не использовавшее лекарств, оказало пациентам неизмеримые услуги. Безусловно, уровень их выздоровления был выше, чем у тех пациентов, которые прибегали к традиционным докторам и методам лечения. С другой стороны, врачи допускали, что в области психиатрии, уровень излечения душевнобольных африканскими врачами-колдунами был таким же, как и уровень пациентов психиатрических больниц. Это допущение, считал он, или недооценивало медицину двадцатого века, или переоценивало колдунов-докторов. Некоторые из его информаторов допускали, что большое количество физически больных людей поправляются без помощи врачей, или — могли бы поправиться без таковой. Дэвис объяснял это раскрашенному безумцу по пути в его комнату, хотя его и раздражало то, что ему приходится оправдываться. Фаустролл, кажется, не особенно интересовался. Он только пробормотал:

— Знахари — обманщики. Все обманщики.

Единственные истинные целители — это мы, патафизики.

— Я все еще не знаю, что такое патафизика, — сказал Дэвис.

— Она не нуждается ни в каком вербальном объяснении. Только понаблюдайте за нами, переведите наши физические движения и вербальные выражения в свет правды, векторы Я четырехмерной ротации в фоны правдивости.

— Братец, да тебе нужно иметь разумное основание для твоей теории, и ты должен выражать ее в ясных логических терминах!

— Красно твое лицо, но холодно в комнате! Дэвис поднял руки над головой:

— Сдаюсь. Не знаю уж, почему я вообще обращаю внимание на то, что ты говоришь! Мне бы следовало быть поумнее. Все же…

— Все же ты способен оценить, хотя и как в тумане, что истина исходит из моих слов! Ты не хочешь этого признавать, но не можешь не признать. Это хорошо. Большинство безволосых двуногих обезьян не имеет ни намека на это, никак не отзываются. Они, точно тараканы-пруссаки, потерявшие усики, а потому не могут ничего ощущать, пока не уткнутся своими хитиновыми головами в стену. Но шок от столк-

новения заставляет онеметь даже более слабые органы, при помощи которых они мыслят. Фаустролл взмахнул своей бамбуковой удочкой в сторону Дэвиса, вынуждая его отступить, чтобы не получить по носу костяным крючком.

— Теперь я пойду поищу жидкие тела для тех, кто дышит жабрами. Фаустролл вышел из комнаты. Дэвис пробормотал ему вслед:

— Надеюсь, пройдет много времени, пока я увижусь с тобой снова. Но Фаустролл был вроде дурной мысли, которую никак нельзя отогнать из головы. Через две секунды он уже снова пробрался в комнату.

— Мы не знаем, какова была история королевского остеопата на Земле, — спохватился Фаустролл, — или каков был твой квест, твой светящийся грааль. Есть один постоянный грааль — это Истина. Но есть и временный, и он может превратиться в постоянный (если вообще имеется что-нибудь постоянное), грааль, или необходимые предметы. Или золотое яблочко — это ответ на вопрос: Кто воскресил нас, поместил нас сюда — и почему? Извини. Это не вопрос, это вопросы. Конечно, ответ может быть и такой, что это вообще не имеет значения. Даже если так, нам бы хотелось знать. И опять-таки, как ты смо-

жешь найти ответы на все эти вопросы, если ты не мог их найти на Земле? Возможно, существа, которые ответственны за этот Мир Реки, знают ответы, которых мы так отчаянно искали на Земле. Мы убеждены, что эти существа из плоти и крови, хотя плоть может не быть протеином, а кровь может не содержать гемоглобина. Не то что Бог, который, если Он и существует, есть дух, и таким образом у него отсутствуют органы для образования звуковых волн, хотя Он, кажется, вполне способен производить гром и молнию и катастрофы, и, таким образом, должен быть способным образовывать собственные приспособления для устной речи, — не то, что Бог, эти существа должны иметь уста и языки, зубы и, некоторым образом, руки. А потому они смогут нам сказать то, о чем мы хотим знать. Если мы сможем их найти. Если они захотят открыться. Это наша теория — а мы никогда не теоретизировали беспомощно — наша теория, что Река со всеми своими поворотами и извивами образует гигантский иероглиф или идеограмму. И он будет, не то что иероглифы древних майя или египтян, его тотчас можно будет понять. Откровение придет со светом понимания, а не с падением звезд луны тогда, когда луна станет

кроваво-красной, а планеты расколются, надвое, и не с приходом Зверя, чей номер 666, и всех этих образов, пробужденных Святым Иоанном. Дэвис заговорил куда более горячо, чем рассчитывал:

— Чушь! В нашей первой жизни вера, и только вера имела ответы, вера в божественный труд, как сказано в Библии. Как на Земле, так и здесь.

— Но здесь-то нет Святого Писания!

— Есть — в нашем сознании! — громко возразил Дэвис. — Оно записано здесь! — и он постучал пальцем по виску.

— Как тебе известно, никакая жизнь после жизни, описанная в любой религии, не похожа на эту. Однако мы не спорим. Мы утверждаем истину и движемся дальше, оставляя истину позади себя — но также и неся ее с собой. Но истина достигнута тогда, когда человек перестает размышлять. Это сделать тяжело, признаем. И все же, если мы способны подумать о том, чтобы оставить мысль, мы сумеем перестать думать. Таким образом, когда барьер к постепенному ментальному осознанию сдвинут, молекулы истины проникают в диафрагму.

— Безумие! Чистое безумие! И богохульство! Фаустролл стал выходить из двери. Оглянувшись через плечо, он сказал:

— Мы идем, и все же это иллюзия. Память об этом событии остается в памяти. Так что — мы все еще здесь, мы не ушли. Эндрю Дэвис вздохнул. Ему, конечно, приходилось мириться со многими вещами. И почему он только не дал французу уйти и продолжать свое паломничество вверх по Реке? Почему? Для этого у него были веские причины. Во-первых, если бы француза поймали шатающимся во владениях Ивара, его бы сделали рабом — и, возможно, высекли бы. Во-вторых, если бы он все-таки выбрался из границ королевства, он все-таки не был бы в безопасности от того, что его не поймают через несколько дней. Королевства на протяжении пятидесяти миль вверх по Реке заключили между собой соглашение возвращать рабов в те государства, откуда те сбежали. В-третьих, он мог бы предпринять гарантированно надежный способ освобождения. Но для этого ему нужно совершить самоубийство. И тогда он воскреснет где-нибудь далеко, но мысль о том, чтобы покончить с собой, слишком тяжела, чтобы ее осуществить. Но, хотя сознание его знало, что он будет снова жить, тело отказывалось этому верить. Его клетки яростно сопротивлялись идее самоубийства; они настаивали на том, чтобы выжить. Более того, он отвергал идею самоубийства,

хотя она имела вполне рациональную основу. Как христианин он совершит грех, если убьет себя. Все ли это еще грех в Мире Реки? Он сильно в этом сомневался. Но его непредрасположенность к такому концу в течение всей его долгой жизни заставляло Дэвиса действовать так, как если бы это действительно был грех. Кроме того, если бы Дэвис покончил с собой, у него было столько же шансов быть воскрешенным в нижнем течении, сколько и в верхнем. Если бы такое случилось, он был бы вынужден проходить через ту самую территорию, где уже бывал. И его снова могли бы захватить и обратить в рабство в любом из сотни штатов, прежде чем он доберется хотя бы до страны Ивара. Если бы он проснулся далеко выше по Реке, Дэвис оставил бы цель своего квеста позади. И до того, как он дошел бы до самого конца Реки, он так и не узнал бы, то проскочил через место своей цели. И тогда ему придется снова проделать весь путь с самого начала. А что если история о женщине, которая дала жизнь ребенку в долине Реки, была ложной? Нет, этого Дэвис не до пускал. За его исканиями стояла не только вера, но и логика. Этот мир был окончательным испытанием для тех, кто верит в Иисуса как спасителя. Пройди это испытание — и следующая ступень

будет настоящим Раем. Или истинным Адом. Церковь Второй Попытки имеет некоторые ложные доктрины, и это — очередная ловушка, расставленная Сатаной. Но Дьявол достаточно изощрен, чтобы просунуть некоторые истинные доктрины среди ложных. Сторонники Второй Попытки не ошибаются, когда претендуют на то, что этот мир предложил всем душам человеческим еще одну возможность очиститься от духовной грязи. Но что эта церковь проглядела или преднамеренно проигнорировала, так это то, что она давала и Сатане вторую возможность заграбастать тех, кто избежал его когтей на Земле. Дэвис посмотрел в широкое сводчатое застекленное окно. С высоты, на которой он находился, он мог видеть холмы, равнину и Реку, а также холмы, равнину и горы на противоположном берегу. Арпад (умер в 907 году н. э.) правил территорией длиной в двенадцать миль. Он был вождем семи монгольских племен, называемых мадьярами, которые оставили бассейн реки Дон в 889 году н. э., те места, где расположится впоследствии Россия, и мигрировали к западу, к Паннойнийской равнине. Это была область, которая впоследствии станет Венгрией. Арпад воскрес среди того населения, которое было частично древними аккадами, а

частично юго-восточными азиатами из каменного века, и еще с десятью процентами самых различных людей. Хотя он был мадьяр, принадлежа к меньшинству здешнего населения, он стал королем благодаря силе его личности и своим безжалостным методам. Арпад был союзником Ивара, и кроме того партнером по проекту дамбы. Его рабы трудились дольше и в более тяжелых условиях, и с ними обращались куда более жестоко, чем с рабами Ивара. Норвежец не был так свиреп и более великодушно обращался с рабами. Он не хотел доводить их до восстания или до самоубийства. Рабы Арпада бунтовали дважды, и число самоубийств было среди них гораздо выше, чем среди рабов Ивара. Кроме того, Ивар не доверял Арпаду. Этого следовало ожидать. Ивар не доверял никому, и у него были причины не полагаться на мадьяра. Его шпионы докладывали ему, что Арпад в пьяном виде хвастался — а пьяным он бывал частенько — что убьет Ивара, как только дамба будет построена. Если норвежец и собирался прибегнуть к оружию и убить Арпада первым, он об этом молчал. Хотя временами он сильно пил, но язык свой придерживал. По крайней мере, он исходил из интересов государства. Дэвис же был убежден, что один из двух

королей не собирается ждать окончания работ по строительству дамбы. Когда-нибудь, возможно, в течение двух последующих лет, один из них нападет на другого. Дэвис, по принципу, что из двух зол следует выбирать меньшее, надеялся, что Ивар одержит верх. В идеале, хорошо бы, чтоб каждый из них сверг другого. Что бы там ни случилось, Дэвис намеревался бежать с этой территории в сумятице битвы.

4

Должно быть, Дэвис смотрел в окно дольше, чем ему казалось. Фаустролл покинул башню и спускался с холма, держа удочку на плече. И за несколько шагов позади него пробиралась неизбежная шпионка. Женщина по имени Гроа. Она тоже несла удочку, и Дэвис наблюдал, как она позвала француза. Тот остановился, и они начали беседовать. Через минуту они уже шагали к Реке бок о бок. Гроа была рыжеволосая красавица, дочь норвежского викинга из девятого столетия, Торстейна Рыжего, сына Олафа белого, и странной женщины Ауд Глубокомысленной. Торстейн был убит в сражении после того, как завоевал северную часть Шотландии. Именно это событие заставило Ауд эмигрировать в Исландию и сделаться предшественницей большинства исландцев двадцатого века. Без сомнения, Торстейн жил где-то на Реке и воевал с какими-нибудь врагами, пытаясь захватить над ними власть — или, в ином случае, он воевал, чтобы не дать врагу власти над собой. Власть была главной действующей силой человечества на Земле. Как на земле, так и здесь. До сих пор. Пока Спаситель, — Спа-

сительница? — не вырастет и не выполнит волю Божию над Его созданиями. Должно быть, Ивар приказал Гроа, чтобы она завлекла француза. Ей требовалось узнать, правдива ли его история. Хотя король, казалось бы, принял Фаустролла как имеющего для него ценность, он, наверное, задавал себе вопрос, не послан ли этот человек Арпадом, чтобы убить его. Гроа его испытает, прощупает и, если будет необходимо, пойдет на то, чтобы переспать с ним. Она — похотливая бабенка. После она обо всем доложит Ивару. Дэвис вздохнул. Что за жизнь эта жизнь после смерти! Почему нельзя устроить так, чтобы каждый жил в мире и доверии. Если уж люди не могут все полюбить друг друга, они могли бы, по крайней мере, быть терпимыми. Нет, они не способны на это по той же причине, по какой не могли так жить на Земле. Это в натуре у Homo Sapiens. Во всяком случае, в натуре большинства мужчин и женщин. Но… здесь их условия так отличаются от земных! Все! Так устроено, что никто не должен тяжко трудиться ради хлеба насущного, никто не нуждался в доме и прочих предметах первой необходимости. Если бы люди могли все быть пацифистами, если бы они были честными и сочувствовали друг другу, не нужно было бы,

чтобы ими управляли другие. А француз-то прав, хотя Дэвису не хотелось бы признаваться в этом даже самому себе. Предоставленная новому типу людей, анархия могла бы здесь быть полезной. Очевидно, кто бы ни поместил сюда человечество, он устроил Долину Реки так, что люди, не нуждаясь в том, чтобы проводить много времени за работой, имели достаточно времени, чтобы совершенствовать себя духовно. Но только те, кому-то понятно, стали бы совершенствовать себя, изменились бы к лучшему и дошли бы до любой стадии, которую приготовил для них Кто-то. Этот Кто-то, однако, должен быть Бог. Дэвис в этом ни капли не сомневался, для него вовсе не было тайной идентификация создателя этого места. Большой тайной было только то, почему он устроил этот промежуточный дом для однажды умерших вместо райского обиталища, описанного в Библии. Для себя Дэвис допускал, что Библия довольно туманно описывала особенности этого убежища для спасенных, для святых. Она куда конкретнее относительно жилища грешников, проклятых. Почему же, если столь многие люди ропщут, Бог не дал им какого-то утешения? Какого-то знака? Какого-то маяка, к которому люди могли ринуться как мотыльки могут лететь к

свету? Хотя это и не лучшее из сравнений, теперь Дэвису оно пришло на ум. В любом случае, где знак, маяк, писание в небесах? Дэвис знал. Это рождение ребенка у девственницы. В мире, где мужчины и женщины стерильны, одна женщина составила исключение. Она забеременела от Святого Духа и зачала. Бог совершил чудо. Младенец, как говорили, женского пола. Сначала, услышав это, Дэвис был шокирован. Но, спокойно поразмышляв на эту тему и призвав на помощь логику, попытавшись преодолеть свое первоначальное представление, он сделал вывод, что не следует расстраиваться или лезть на рожон. На Земле Спаситель был мужчиной. Здесь — женщина. Почему бы и нет? Бог справедлив, а он, Дэвис, кто такой, чтобы допрашивать Божественное Существо?

— Дэвис! — позвал его сзади грубый голос. Он подскочил и резко крутанулся, больно ударившись головой. На пороге стоял Шарко-крючкотвор, вечный и верный раб, о ком Дэвис грезил ночью.

— Подними свою задницу, Дэвис! Великая Блудница Вавилонская желает, чтобы ты провел с ней сеанс лечения! Живо!

— Вот скажу я королеве, как ты о ней отзыва-

ешься, — пообещал Дэвис. Он вовсе не собирался этого делать, просто хотел посмотреть, как побледнеет этот льстивый тип. Что он и сделал.

— А, так она тебе не поверит, — сказал раб. — Она терпеть тебя не может. Скорее уж мне поверит, чем тебе. Да и сомневаюсь я, чтобы она была оскорблена. Примет это за комплимент.

— Если бы это не было противно моей натуре, я дал бы тебе сапогом в зад, — заметил Дэвис. Раб, цвет лица которого восстановился, фыркнул, повернулся и, хромая, начал спускаться в зал. Дэвис вышел из комнаты. Он наблюдал за этим человеком, спускаясь вслед за ним. Хотя Шарко был воскрешен в возрасте своих двадцати пяти лет, а зрение его восстановилось до единицы, теперь он представлял собой настоящую развалину. Сломанная в нескольких местах правая нога никак не срасталась, нос его так и не восстановился после того, как сместилась переносица. Он не мог как следует дышать из-за своего носа и из-за того, что у него все еще были смещены несколько ребер. Один глаз был выбит — и так и не восстановился полностью. Лицо его постоянно перекашивалось и дергалось от тика. Все это происходило из-за того, что его избили рабы, над которыми он служил надсмотрщиком. Не в

состоянии больше терпеть его удары, пинки и другое несправедливое обращение, они поработали над ним однажды поздней ночью — и таким образом выпустили наружу свою ненависть к нему. В его хижине оказалось слишком темно, чтобы он мог опознать напавших, хотя он, как и все остальные, знал тех из своих людей, которые были злоумышленниками. Если можно было бы по справедливости считать их злоумышленниками. Большинство можно было так назвать, хотя их поступок был оправдан как самозащита. Ивар тоже так решил, когда он выслушал свидетелей. Он решил, что Шарко нарушил правила, установленные королем. Эти правила были введены ради эффективности труда, вовсе не из человечности. Но они были нарушены, и спина Шарко кровоточила от сорока ударов плетки из рыбьей кожи. Все рабы надсмотрщика наносили ему по удару. Наблюдая за процессом, Ивар остался весьма доволен. Шарко тогда опустился в звании до раба в каменоломнях. Но его увечья не позволяли ему работать хорошо, и через шесть месяцев его назначили башенным рабом. Помимо прочих обязанностей, Ивар пользовался им как скамьей, когда ему хотелось присесть в таком месте, где стул был недоступен. Крючкотвором же его

прозвали из-за рассказа одного из его земных клиентов, который ныне оказался гражданином Иварова королевства. Клиент этот рассказывал, как Шарко обвел его вокруг пальца, и он, клиент, не смог найти в суде справедливость. Этот бывший клиент был среди тех, кто избивал Шарко. Крючкотвор был достаточно нескромен, чтобы поделиться с некоторыми приятелями своими планами мести тем, кто так несправедливо с ним поступил. Хотя Дэвис и не думал, что он заслужил ненависть Шарко, он был среди намеченных для какой-то ужасной мести. Крючкотвор был не настолько полон бахвальства, чтобы говорить даже о том, что отомстит Ивару. Он знал, что произойдет, если король услышит об этой угрозе. Шарко согнул спину, подволакивая одну ноги и бормоча что-то себе под нос, продолжая идти через зал. Он был истинный Калибан, как подумал Дэвис, шагая вслед за этим чудовищем по залу к крутой винтовой лестнице. Дэвис чувствовал себя крайне неуютно. Ему казалось, что события в этом королевстве близки к точке кипения. Назревающий конфликт меду Арпадом и Иваром, появление гротескного и беспокойного Фаустролла, рост напряженности между ним, Дэвисом, и королевой, да еще ненависть Шарко

добавляла к ситуации кое-что, от чего она могла кончиться взрывом в любое время. Дэвис это чувствовал. Хотя логически он не мог предсказать, что извержение вулкана произойдет скоро, он его предвидел. Или, возможно, это ощущение было вызвано его внутренними конфликтами. Он сам готов был разорваться изнутри — и исчезнуть, так как очень уж хотел дождаться подходящего момента для бегства. На Реке ждали его мать-девственница и младенец. Они-то этого, конечно, не знали. Но Дэвису предстояло сыграть большую роль в событиях, которые приведут к открытию второго Спасителя в этом мире. Хотя, вероятно, было чистой воды эгоизмом так думать, но Дэвис был в этом убежден. Он вошел в большую комнату, где ждала его королева Энн. Она лежала на остеопатическом столе, который сконструировал Дэвис. Но, обнаженная и распростертая там, она выглядела так, как будто бы ждет любовника. Две ее прислужницы хихикнули, когда увидели Дэвиса. Они были чернокожими, а на Земле прислуживали арабской семье начала двадцатого века. После воскрешения они прожили свободными всего год, а теперь снова стали рабынями. Они должны были сочувствовать Дэвису, наблюдая его унизительные обязанности. Вместо того они

развлекались.

5

— Помассируй мне мышцы бедер с внутренней стороны, — велела Энн. — Они у меня немеют. Она говорила тихо, а между фразами громко смеялась. Ее необычайно яркие цвета зеленых листьев глаза не отрывались от лица Дэвиса. Хотя он старался сохранить на своей физиономии невыразительность, ему очень хотелось рявкнуть на нее, плюнуть ей в лицо, а потом пусть бы его вырвало прямо на ее тело. Иезавель! Алая Женщина Великая Блудница Вавилонская!

— Когда постоянно лежишь на спине, вращая тазом, надолго задрав кверху ноги, эти мышцы очень перегружены, — объяснила она. — И почти такое же напряжение, когда я сверху. Иногда мне приходится отдыхать между постоянной крутней вниз-вверх и вращением бедрами. Но потом я опускаюсь на него сфинктерной мышцей, так что по-настоящему я передышки-то не получаю. Ведь это сфинктер, да, доктор? Дэвис так хорошо знал человеческое тело, что ему не надо было смотреть, что он делает в данный момент. Он отвернулся от нее, полузакрыл глаза, продолжал мять ее плоть. Какая у нее мягкая кожа! Какие

мускулы! Иногда, если он находился в подобном полудремотном состоянии между сном и явью, он осознавал, что его пальцы работают с плотью. Не ее плотью, разумеется. Такой рефлекс происходил из-за памяти пальцев, помнивших тысячи тел, с которыми он работал на Земле.

— Не придвигайся слишком близко к личной собственности короля, — предостерегла она. — Дотронешься до нее — и король может тебе руки отрубить. Если бы он так поступал, подумал Дэвис, десятки мужчин в этом королевстве стали бы безрукими.

— Не больно-то ты мужчина, — заметила королева. — Настоящий мужской член поднял бы это полотенце до самой талии, так что край бы разорвался. Девчонки-рабыни захихикали, хотя не понимали по-английски. Но они долгое время слышали подобные фразы на эсперанто. Они поняли, что королева говорит что-то колкое и унижающее. Дэвис представил себе, как его руки смыкаются вокруг горла королевы. Много времени не потребовалось бы.

— О, Господи! — начал он молиться сразу же. — Избавь меня от подобных грешных мыслей!

— Может быть, — предложил он, — помассировать тебе колени? Они, кажется, очень

напряжены. Энн нахмурилась и уставилась на него тяжелым взглядом. Потом улыбнулась и рассмеялась:

— О! Так ты предлагаешь?.. Да, сделай это. Я провела много времени на коленях. Но когда они на подушке, это не так трудно. Однако вместо того, чтобы прийти в ярость, как он ожидал, она развеселилась. Кроме того, королева выглядела в каком-то смысле торжествующе, Как будто бы специально добивалась, чтобы он сказал что-то оскорбительное для нее, даже косвенный намек был победой. Однако, возможно, она вовсе не рассматривает его реплики как оскорбление. Шлюха вполне могла бы подумать, что он делает ей комплименты. А ему-то какое дело до того, что она думает? Если быть честным перед самим собой, для него это значило много. Если бы ее не останавливал Ивар, она могла бы устроить ему невыносимую жизнь, мучить его, сделать с ним или ему все, что хотела. Дэвис не слышал о том, чтобы она была жестокой, за исключением поддразнивания в сексуальном плане, которое нельзя ставить в один ряд с убийством или пытками. Но Дэвис не имел гарантии, что она не сможет такой стать. Особенно в обращении с ним. Энн Пуллен была его землячка, американка, хотя

всегда вызывала у него тошноту. Энн родилась около 1632 года в Мэриленде, в семье квакеров, но, когда члены ее семьи вместе с остальными перешли в епископскую церковь, она отправилась в ад. Это были ее собственные слова. Четырежды она была замужем за владельцами табачных плантаций в Виргинии и Мэриленде. Она пережила всех своих мужей. И неудивительно, думал Дэвис. Она любого мужчину изведет, если не своими непрекращающимися сексуальными требованиями и неверностью, так темпераментом и своеволием. Большей частью она жила в Вестморлендском графстве, Виргиния, между Потомаком и рекой Раппаханнок. В ее эпоху в этой области была масса густых лесов и больших болот, но дороги отсутствовали. Путешествовать можно было главным образом по реке или по ручьям. Да и плантации не напоминали то, во что они превратились позднее. Там не было красивых, снабженных большим количеством колонн построек и широких хорошо содержавшихся лужаек. Дома собственников были скромными, конюшни сложены из бревен, а куры и свиньи бродили по двору. Воровство свиней было обычным дело даже для собственников плантаций. Деньги были редки, главной единицей для рас-

четов служил табак. Люди обладали необычайно горячим темпераментом и любили судиться, хотя неизвестно, почему. По собственному своему свидетельству Энн была однажды приговорена к десяти ударам плеткой по обнаженным плечам из-за ее клеветнических и скандальных речей против некоего мистера Пресли. Кроме того, однажды она напала на жену своего брата голыми руками. Было зафиксировано в Книге Записи Событий графства в 1677 году, что Энн Пуллен поощряла свою дочь Джейн стать «самой примечательной и заметной шлюхой в Виргинии». Но Дэвис вынужден был допустить, что в строгом смысле этого слова она вовсе не была шлюхой. Она прелюбодействовала потому, что ей это нравилось, и денег за это не брала. В Книге Записей также говорится, что мать Джейн, Энн Пуллен, развратила собственную дочь тем, что поощряла ее совершать адюльтеры и опрокидывать весь институт брака. Муж дочери, Морган Джонс, более чем однажды (как зафиксировано в суде) запрещал любому мужчине, развлекающемуся с Джейн, вывезти ее из графства, или увезти ее по реке или ручью. Было также записано, что Энн Пуллен объявила, будто бы у Джейн не было никакого мужа в то время, поскольку Джонс умер,

и она (Энн) не понимает, почему бы ее дочери не получать удовольствие от этого мира точно так же, как любой другой женщине. Кроме того, Энн было безразлично, кто был отцом ребенка ее дочери, поскольку некий Уильям Элмс увез ее в Англию, как он и обещал. Энн была феминисткой задолго до этого движения, единственной пионеркой его в те дни, когда это было опасно. Была она также распутницей, хотя Дэвис считал, что это автоматически следовало из ее желания женского равноправия. Однако такие земные отношения не должны появляться в Мире Реки. Даже Дэвис соглашался, что, настаивая на некоторых ограничениях подобной точки зрения, Энн определенно выходила за их пределы. В семимильных сапогах. Королевство Ивара было устроено по образцу Старой Норвегии. Поскольку женщины (но не рабыни!) в дохристианскую эру имели намного больше прав, чем таковые в христианских странах, они имели даже еще больше прав в Мире Реки. Во всяком случае, в этом королевстве. Теоретически Энн могла бы развестись с Иваром по простому заявлению, что она этого желает, и при этом могла взять с собой свое имущество. Не половину королевского, то есть, принадлежащего королю. Свой граальчик,

свои полотенца, свои личные принадлежности и рабынь — все это принадлежало ей по праву. Но развод, кажется, им не угрожал. Ивара Энн сильно развлекала, даже когда на него сердилась, и он получал удовольствие от ее раскованных и талантливых занятий любовью. Ивар знал, что у нее есть любовники, но ему, кажется, на это было наплевать. Он сомневался, чтобы Энн с каким-нибудь любовником стала составлять заговор, чтобы убить его. Она хорошо знала, с какой стороны ее вагина намазана маслом. Так что Эндрю Дэвис вынужден был страдать от того негодования, какое она на него обрушивала. Тем временем, он мечтал о божественным путем родившемся ребенке далеко в верхнем течении Реки. Он пытался еще и придумать безопасный способ покинуть эту страну. И думал о том, как избежать того, чтобы его захватили другие держащие рабов государства, находящиеся между ним и его целью. Выполняя свой христианский долг, он пытался молиться за Энн, но молитвы эти звучали так неискренне даже для него самого, что Дэвису было понятно: Бог не обратит внимания на его просьбы простить Энн и позволить ей увидеть Свет. Когда ее процедура была закончена, Дэвис вышел из комнаты, как он делал всегда. Он

был зол, раздражен, с него лился пот, желудок его бунтовал, а руки тряслись. О Боже, сколько я еще должен это выносить? Я молю Тебя, не продолжай же больше подвергать меня злу и искушению проклинать Тебя, как Ты делал с Иовом! Ровно в полдень грейлстоун во дворе башни изверг гром и молнию. Дэвис вышел из той комнаты, где он ждал, когда это произойдет. Стоять во дворе возле камня означало рискнуть слухом. Хотя его грааль наполнился отличной едой и питьем, аппетита он не чувствовал. Тем, что не съел сам, он поделился с приятелями за большим столом в зале. Чашу с бренди, пачку табаку и сигареты с марихуаной он отложил в сторону. Он мог бы сохранить для себя половину спиртного и гвозди для гроба, но лучше он отдаст их Эйштейну Болтуну, главному сборщику налогов у Ивара. Таким образом Дэвис платил свои налоги вдвойне. Это давало ему возможность почти половину месяца выливать алкоголь в канаву и крошить сигареты. Дэвис проделывал это тайно, потому что многие пришли бы в ярость, узнав о таких потерях. Они бы доложили королю, а тот конфисковал бы дополнительный «товар» и наказал его. Никогда в течение своих двух жизней Дэвис не пробовал спиртного и не курил. Вообще-то на Земле он не

пил даже ледяной воды, потому что она влияет на здоровье. Он терпеть не мог потакать королю и его порокам. Но, если бы он того не делал, он бы пострадал от «кошки-девятихвостки» или сделался бы рабом в каменоломнях. Или его ждало бы и то, и другое. В тот вечер, вскоре после заката, Дэвис отправился в большой зал, построенный недалеко от берега. Именно там Ивар предпочитал ужинать, выпивать и бражничать среди своих приятелей и приживалов. (Дэвис вполне допускал, что сам он числился среди последних. Но у него не было выбора). Зал был выстроен в древнем викингском стиле: единственная громадная комната, с личным столом Ивара на возвышении и во главе других столов, стоявших на полу. Такое возвышение не использовалось на Земле у полудемократичных викингов. Это было новшество, введенное Иваром. Опорные столбы украшены были резьбой, изображающей головы людей, богов, животных и символы, взятые из древней религии. Среди этих часто повторяющихся изображений встречались добывающие золото карлики, драконы, змей Мидгарда, обвивающий всю Землю, кони, медведи, инеистые великаны, Тор с его молотом, одноглазый Один — иногда с его воронами Хугином и Мунином на плечах, —

свастики, повернутые вправо, рунические фразы и Скидбландир, магический корабль, который после использования можно было сложить и унести в мешке. Сегодня, как и всегда, мужчины и женщины слишком много пили, и разговаривали поспешно и яростно, хвастовство и высокопарные фразы гремели в зале; люди ссорились, а иной раз и дрались. Ивар давно запретил дуэли со смертельным исходом, потому что в них он потерял слишком много хороших воинов. Но враждующим не возбранялось идти друг на друга с кулаками и драться ногами, а король не хмурился, если кому-то выбивали глаз, повреждали яички, отрывали уши или откусывали носы. Хотя это отнимало потом три месяца, но глаза, носы и уши снова вырастали, а яички сами по себе восстанавливались. Дэвис привык к этим вечерним сборищам, но не любил их. Да еще то и дело до него доходил тошнотворный запах пуканья, сопровождаемый громким хохотом и похлопыванием по бедрам. Королева Энн, сидевшая по левую руку от Ивара, хохотала едва ли не громче всех, когда проявлялась эта примитивная форма юмора. Сегодня она закрутила полотенце себе вокруг шеи, концы его чуть прикрывали груди. Но она не больно-то заботилась, чтобы держать

их так, как подобает. Со всеми другими запахами смешивался еще аромат пойманной в Реке рыбы, зажаренной наполовину только с одного конца. Дэвис, будучи королевским остеопатом, сидел за королевским столом. Он бы предпочел такой стол, какой стоял бы как можно дальше от этого, если бы только мог. Это дало бы ему возможность тихонько улизнуть после того, как все слишком напьются, чтобы заметить его. Однако сегодня он был заинтересован в том, чтобы наблюдать и по возможности подслушивать разговоры доктора Фаустролла и Ивара Бескостного. Француз сидел по правую руку от короля, на самом почетном месте за столом. Он внес в этот пир удививший всех вклад в виде пойманной им рыбы, гораздо больший, чем остальные рыбаки. Однажды, когда общий гул немного ослаб, Дэвису удалось услышать, как Ивар расспрашивает Фаустролла о причинах его удачи.

— Это не удача, — ответил француз. — Это опыт и умение. Плюс врожденная сноровка. Мы жили главным образом рыбой, которую ловили в Сене, когда жили в Париже.

6

— Париж, — повторил Ивар. — Я был там с моим отцом Рагнаром; сыном Сигурда Хринга, когда мы, норвежцы, приплыли вверх по Сене в марте, а франки не ожидали викингов в такое раннее время года. Год был 845, так мне говорили. Правитель франков, Карл Лысый, разделил свою армию надвое. Я посоветовал отцу напасть на меньшие силы, что мы и сделали. Мы убили их всех, за исключением ста одиннадцати пленников. Этих мой отец сейчас же повесил, всех разом, в жертву Одину, на островке в Сене, а другая часть франкской армии наблюдала за нами. Должно быть, полные штаны наложила от ужаса. Мы дошли дальше, до самого Парижа, городок-то оказался куда меньше, чем тот громадный город, о котором мне рассказывали остальные. В Пасхальное воскресенье, самый святой день для христиан, мы штурмовали Париж и убили многих из тех, кто поклонялся Спасителю. Один был к нам добр. Ивар улыбнулся под стать саркастическому тому своего голоса. Он не верил в богов, языческих или христианского. Но Дэвис, внимательно наблюдая за ним, увидел выражение его лица и прищур

глаз. Вероятно, они выражали ностальгию, или, возможно, какую-то бездонную тоску. Дэвис уже видел это выражение десятки раз до сегодняшнего вечера. Мог ли безжалостный и безумный охотник до власти тосковать о чем-то ином, чем то, чем он теперь обладает? И не желал ли он также избавиться от этого места и его ответственности, и от всегда грозящей опасности, что его убьют? Имел ли он, подобно Дэвису и Фаустроллу, цели, какие многие посчитали бы за идеалистические или романтические? Не хотелось ли ему избавиться от своих ограничений и стать свободным? В конце концов, могущественный властитель такой же пленник, как раб.

— Одноглазый Один нас благословил, — повторил Ивар, — хотя, возможно, это просто было совпадение, что у Карла Лысого вышли серьезные осложнения с другими франкскими государствами и с его амбициозными братьями. Вместо того, чтобы воспрепятствовать нам идти вниз по Сене, он заплатил нам семь тысяч футов серебра, чтобы мы оставили его королевство. Что мы и сделали, хотя вовсе не обещали не возвращаться туда позже. До сих пор Фаустролл не прерывал короля, хотя время от времени на его физиономии показывалось отвращение. Он пил быстро и

много, кубок его никогда не пустовал. Раб за его спиной хорошо следил за этим. Раб еще и давал французу сигареты, после того как тот покончил с собственным запасом. Раб был Шарко, очевидно, ему поручил король сегодня прислуживать Фаустроллу. Шарко хмурился, то и дело его губы шевелились. Слова его тонули в оглушающем шуме — и хорошо, подумал Дэвис. Дэвис то умел читать по губам — и английский, и эсперанто. Знал бы Ивар, что говорит Шарко, он бы его высек, а потом зачислил его в команду мойщиком гальюнов. Наконец, француз со стуком поставил свою деревянную чашу на стол, отчего все окружающие, в том числе и Ивар, вздрогнули.

— Ваше величество нас извинит, — произнес он громко.

— Но вы все тот же, что были на Земле. Вы ни на дюйм не прогрессировали; вы все тот же распроклятый варварский пират, вы по-прежнему оскорбляете других, вы все тот же старый лицемер, который умер в Дублине. Но мы не оставляем надежды относительно вас. Мы знаем, что философия в ее практической форме патафизики — ворота к истине для вас. И, хотя на первый взгляд, вы кажетесь простаком-дикарем, мы-то знаем, что вы — гораздо больше этого. Нас в этом

убедил наш короткий разговор в Зале. Многие, сидящие за столом, в том числе Дэвис, были скованы, точно морозом, хотя они повращали глазами в сторону друг друга, а затем уставились на Ивара. Дэвис ожидал, что тот схватит свой боевой топор, всегда находившийся у него под рукой, и отхватит Фаустроллу голову. Но викинг даже не покраснел, и сказал только:

— Мы побеседуем с тобой позже об этой философии, которая, мы надеемся, содержит больше мудрости и меньше чепухи, чем речи всех этих ирландских попов, мужчин в женских юбках! «Мы» Ивара Дэвис понял как подражание и поддразнивание Фаустролла. Затем Ивар поднялся, молчание последовало за тремя ударами в громадный бронзовый гонг. Ивар заговорил громко, голос его раздавался во всех углах громадного зала:

— Пир закончен! Сегодня мы собираемся рано лечь спать, хотя я подозреваю, что многие из вас не уснут до тех пор, пока кое-что у вас не перестанет подниматься! Толпа зароптала от удивления и разочарования, но за этим последовал смех над королевской шуткой. Дэвис состроил гримасу в отвращении. Энн, видя его выражение лица, широко улыбнулась.

— Мы еще не все съели и не все выпили, — продолжал Ивар, — не по этой причине я прекращаю пир. Но мне пришло на ум некоторое время тому назад, что завтра — трехлетняя годовщина основания моего королевства. Это был день, когда я, раб грязного тирана скоттов Эокайда Отравителя, поднял восстание вместе с Арпадом, тоже рабом, и с двумястами рабов, большинство которых сидят теперь на почетных местах в этом зале. Мы тихо задушили стражников вокруг зала Эокайда. Он со своими телохранителями все спали, чтобы прошло действие опьянения, находясь в безопасности, как они считали, в своем зале с толстыми стенами на высоком холме. Мы сожгли бревенчатое строение и убили тех, кто умудрился выйти из огня. Всех, кроме Эокайда, а его мы захватили в плен. На следующий день я казнил его, вырезав у него на спине орла, так же, как я поступил с королем Эллой из Йорка и с королем Эдмундом из Восточной Англии, с некоторыми другими моими врагами, которых я принес в жертву Одину. Дэвид содрогнулся. Хотя ему никогда не приходилось видеть своими глазами этот особый способ казни, он множество раз слышал о нем. Жертву укладывали лицом вниз, его позвоночник разрезали, а легкие вытягивали из него и укладывали

у него на спине, образуя грубое изображение орла с распростертыми крыльями.

— Я решил, что мы должны все рано лечь спать, а завтра рано встать. Рабы получат выходной день, им дадут много еды и питья. Все будут праздновать. Мы все поработаем, чтобы добыть много рыбы, а вечером начнем празднество. Устроим игры и соревнования в стрельбе из лука, в метании копий и в борьбе, а те, кто на кого-нибудь злится, смогут бороться со своими врагами до смертельного исхода, если таково будет желание. В ответ на это толпа громко закричала и загудела. Ивар поднял руки в знак призыва к молчанию, потом добавил:

— Отправляйтесь спать! Завтра мы будем веселиться и благодарить богов, кто бы они ни были, которые создали этот мир, за то, что мы свободны от жестокого правления Эокайда, мы свободные люди! Толпа разразилась радостными криками, а потом устремилась прочь из зала. Дэвис, держа в одной руке свой грааль, направлялся к башне и был уже на полпути подъема на первый холм, когда за его спиной раздался ровный голос Фаустролла:

— Подожди меня! Мы пройдем остальной путь с тобой вместе! Дэвис остановился. Через некото-

рое время француз, не спеша, поравнялся с ним. Тяжелые испарения виски, смешанные с запахом рыбы, окутывали его, и слова он произносил не совсем внятно:

— Mon ami! Mia amico! [1] То, что наступает на пятки дня — это прекрасно, разве не так? Существа, которые сжигают в ночной вазе свои неземные призраки, как это вдохновляет! Мудро — выше человеческой мудрости, они с нами не имеют ничего общего. Но они великодушны в своем великолепии!

— Гмм-м! — произнес Дэвис.

— Весьма наблюдательное замечание. Скажи мне, друг мой, как ты думаешь, что является истинной причиной того, что Ивар прекратил пир?

— Что?

— Не доверяю я козлу, который ведет за собой тех, кого можно стричь. Государственные деятели и политиканы, генералы и адмиралы, они редко открывают свои истинные намерения. У Бескостного на уме что-то такое, что не понравится его врагам. И его людям тоже.

— Какой ты циничный, — заметил Дэвис. Он

---

[1] Примечания: 1
Мой друг (франц., итал.).

посмотрел через Реку. Долины и холмы в королевстве Арпада были темными, за исключением рассеянных костров часовых, да на верхушках сигнальных бамбуковых башен горели факелы на расстоянии полумили друг от друга, образовывая линию длиной в десять миль.

— Циничный? Синоним для опыта. И для того, чьи глаза долго были открытыми и чей нос чутко улавливает испорченность, как нос шерстистого существа, которое некоторые считают другом человека. Помни, наш вождь происходит из страны, где что-то, подгнило, если перефразировать Эйвонского Барда. Они снова пошли. Дэвис спросил:

— Что такого сказал Ивар, чтобы пробудить твои подозрения?

— Ничего — и все. Мы ничего не принимаем на веру. Значение слов и выражение лица, твердость предметов, постоянство вселенной, то, что огонь всегда жжет кожу, что определенная причина всегда приводит к определенному результату, а то, что поднимается вверх, должно опуститься. Не всегда это оказывается неизбежно. Он размахивал вокруг себя цилиндром своего грааля, чтобы все это перечислить. Дэвис не чувствовал себя склонным беседовать о метафизике или

вообще о чем-нибудь. Тем более, не с этим типом, который говорил бессмыслицу. Но он принял приглашение Фаустролла присесть во дворе башни и некоторое время поболтать. Возможно, он сможет выяснить, почему Фаустролл подозревает, будто Ивар что-то задумал. Не то, чтобы это составляло какую-то разницу. Что он может сделать здесь, чтобы что-то изменилось? Возле ряда факелов, воткнутых между кирпичами стены, стоял столик. Они сели. Француз открыл свой грааль и вытащил металлический сосуд, до половины налитый виски. Дэвис взглянул на формулу, начерченную краской на лбу у этого странного человека. Он посещал лекции по дифференциальному исчислению в медицинском колледже и был знаком с обозначениями. Но, если не знать, к чему относятся символы, невозможно понимать, что они обозначают, или как их употреблять. Он прочел: «0 — a + a + 0 =…» Фаустролл сказал:

— Значение этой формулы? Бог в точке на касательной между нулем и бесконечностью.

— Что обозначает? Фаустролл произнес ровным голосом, как будто бы когда-то запомнил наизусть из лекции:

— Бог по определению не имеет изменения, но нам должно быть позволено…

— Это что, очень долго? — спросил Дэвис.

— Слишком долго для сегодняшней ночи — и вероятно, для вечности. Кроме того, мы лучше выпьем. Мы можем ясно все себе представить, но наше тело устало и мозг не работает на все восемь оборотов. Дэвис поднялся:

— Тогда отложим на завтра. Я тоже устал.

— Да. Ты лучше сможешь понять наши тезисы, если у нас будет перо и клочок бумаги, чтобы их изложить. Дэвис пожелал французу спокойной ночи и оставил его сидящим за столом и уставившимся на темный виски, как будто бы это был хрустальный шар, раскрывающий будущее. Он направился наверх, в свою крошечную комнатушку. И только у самой двери вспомнил, что сбился в своем разговоре с Фаустроллом. Француз его запутал. И так и не сказал Дэвису, что он заподозрил насчет Ивара. Дэвис пожал плечами. Завтра он выяснит это. То есть, если язык этого безумца опять не заведет в сторону. Прямая линия для француза не является кратчайшим путем между двумя точками. В самом деле, он, возможно, отрицает полностью ценность Евклидовой геометрии. У Дэвиса также появилось беспокойное ощущение того, что почти психопатическое поведение Фаустролла скрывает весьма

острый ум и знание естественных наук, математики и литературы, намного превосходящие его собственные. Его нельзя было рассматривать как просто ненормального. Дэвис толкнул незапертую дверь на деревянных петлях. Выглянул сквозь незастекленное отверстие во тьму, освещенную лишь переполненным звездами небом. Но это освещение было такое же, если не сильнее, как свет полной земной луны. Сначала все казалось мирным. Все, кроме часовых, отправились спать. Потом Дэвис заметил тени, движущиеся в долине под башней. Когда глаза его привыкли к этому бледному освещению, он увидел, что в этой тени скрывается большое количество людей. Сердце у Дэвиса внезапно сильно забилось. Захватчики? Нет. Теперь он увидел Ивара Бескостного в коническом бронзовом шлеме и в длинной кольчуге, с боевым топором в руке, вот он спускается с холма по направлению к скоплению людей. Позади него идут его телохранители и советники. Они тоже вооружены и в броне. У каждого по два бронзовых меча, упрятанных в ножны, кроме того, многие несут; копья и боевые топоры. У других — сосновые факелы и мешки. В мешках, как сразу догадался Дэвис, — пороховые бомбы. Фаустролл оказался прав. Никакого празд-

нества завтра не будет — разве что пир в честь победы. Король солгал, чтобы скрыть военную операцию. Тем, кто — пока что — в операции не участвует — солгали. Но избранным воинам приказали собраться тайно в определенное время. Внезапно звездный свет был закрыт легкими облаками. Облака быстро начали темнеть. Дэвис больше не мог видеть Ивара и вообще никого из людей. И вот послышался звук отдаленного грома, и первый зигзаг молнии показался на севере. Вскоре разъяренный дождь и электрическое неистовство, которые часто случались по ночам, окажутся в королевствах Ивара и Арпада. Как волки на овечье стадо, подумал Дэвис. А Ивар и его армия станут вроде древних ассирийцев, кинувшихся с холмов на евреев, как писал этот поэт — как же его? [2] Но кого собирается убивать Ивар?

---

[2] Примечания: 2

Дэвис вспоминает стихотворение Дж. Г. Байрона «Поражение Сеннахериба» (из цикла «Еврейские мелодии», 1815 г.):

«Ассирияне шли, как на стадо волки,
В серебре их и злате сверкали полки»…

7

Ветер плевался дождевыми каплями в окно, прямо в лицо Дэвису. Скользнула новая полоса тьмы и отрезала от поля зрения Дэвиса людей. Гром грохотал ближе, точно угрожающий бандит. Стрелы молний, короткие вспышки лучей фонаря Господня (искали ли они честного человека?) с шумом освещали место действия. Дэвису удалось разглядеть Ивара и его людей, которые бежали через вершины ближайшего холма к Реке. Он видел и другие массы людей, точно гигантские амебы, сползали они с холмов на равнину. Это были воины, спешащие присоединиться к Ивару. Более крупные скопления жителей долин, ожидающие прихода короля, были, как оказалось, материнским корпусом амебы. Новая вспышка — и разрывающая небо полоса, на этот раз ближе, открыла большое количество лодок в плавнях, которые были пустыми долгое время. Эти лодки, должно быть, приплыли недавно с верхнего течения. Много судов около самого берега: гребные лодки, долбленые челноки, катамараны, килевые суденышки, драккары, торговые суда с широкими парусами — галеры. Паруса их были свернуты,

и все они ощетинились копьями. Воины Ивара со всех частей королевства пробрались сюда под покровом ночи. Конечно, должны быть еще части, которые будут атаковать противоположный берег, владения Арпада, вверх по Реке. Атака, вероятно, направлена против мадьярского королевства. Теперь Дэвис не понимал, почему он так удивлялся и гадал, что задумал король. Однако Ивар был непредсказуем, и было рискованно держать пари о любых его дальнейших ходах. Секретность, с какой выполнялась операция, производила на Дэвиса сильное впечатление. Он и понятия о ней не имел, а ведь он часто бывал в обществе короля. Операция хотя в ней участвовали тысячи людей, которые каким-то образом не открыли ее планы своим женам, поистине была крайне впечатляющей. Но молнии собирались раскрыть вторжение арпадовым часовым. Разве только некоторые из людей Ивара перешли Реку раньше и убили часовых. Через некоторое время центр бури бушевал над территорией, хорошо видной Дэвису. Теперь воины сгруппировались у берега и садились в лодки. Так часто и ярко сверкали молнии, что Дэвис мог видеть продвижение нападающих. Они казались ему многоногими фигурами, а отдельные люди в них не, были вид-

ны на таком расстоянии сквозь пелену дождя. Дэвис втянул в себя воздух. На противоположном берегу Реки тоже готовился к сражению флот. Через несколько секунд позади войск Ивара на берегу стали собираться еще группы людей. Дэвис простонал и пробормотал:

— Арпад сыграл подлую игру! Силы Арпада собрались дальше, выше по Реке, и теперь крадутся вдоль берегов, чтобы подойти к флангу Ивара. Желающий захватить врага врасплох сам оказался застигнут врасплох; хитрую лису перехитрили. Мадьяр собирается зажать своего прежнего союзника между двумя силами. Но это легче спланировать, чем выполнить. Люди Ивара, находящиеся на берегу, хотя и были застигнуты врасплох, но не побежали. Они яростно сражались, а их береговые силы численно превосходили силы врага. Скоро воины Ивара в лодках присоединятся к тем, которые сражаются на берегу. Ош плыли к открытому берегу и к заводям со всей скоростью, на какую только способны весла. Хотя сидящие в лодках не могут вернуться к берегу так, чтобы люди быстро высадились, они все-таки смогут все выйти на берег до того, как следующие силы врагов прибудут с противоположного берега. И они опрокинут засаду

— если только Ивар имел к этому отношение. Он был очень холодным и быстрым мыслителем. Его люди, ветераны многих сражений, легко не ударяются в панику. Тем временем, флот Арпада находился примерно в четверти мили от места своего назначения. Командир, который, как догадывался Дэвис, был сам Арпад, не такой человек, чтобы отставать от своей армии, имел две альтернативы. Он мог приказать, чтобы лодки возвращались на берег и там ждали неизбежного истребления от войск Ивара. Или же Арпад мог продолжать плыть прямо вперед, надеясь, что участники засады задержат людей Ивара на достаточно долгое время, чтобы ему успеть высадить на берег свою армию. Дождь усилился. Теперь Дэвис видел битву как сквозь загрязненные очки. А затем, пять или шесть минут спустя, ливень начал ослабевать. Худшее осталось позади, буря утихала, но гром и молния все еще свирепствовали над землей. Постепенно звездный свет между тучами обнаружил, что в схватку вмешалась третья сила. Это был большой флот, который должно быть, недавно обогнул изгиб Реки на расстоянии полумили к северу. Дэвис не мог распознать, кто были моряки. Но единственно, кто мог подойти с севера, было войско Торфинна

Раскалывающего Черепа. На Земле Торфинн был графом Оркнейских островов и части северной Шотландии. Хотя он был могучим воином, о чем свидетельствовало прозвище, он умер в 963 году в собственной постели. «Соломенная смерть», как называли ее норвежцы, не была той судьбой, к которой он стремился. Только те мужчины, которые были убиты в сражении, попадали в Вальхаллу, Зал Убитых, где днем герои бились друг с другом ежедневно, и убитые воскресали, чтобы сражаться на следующий день; где еда и хмельной мед были лучше, чем что бы то ни было на Земле, и где по ночам Валькирии Одина вывинчивали мозги пьяных героев. Но Торфинн проснулся в долине Реки вместе с остальными: с храбрыми и трусливыми, с монархами и рабами, с уважаемыми и презираемыми, с честными и бесчестными, с искренними и лицемерами, с учеными и невеждами, с богатыми и бедными — и со счастливыми и несчастными. Однако же оказалось, что Мир Реки во многих отношениях похож на Вальхаллу. Мертвые вставали на следующий день после смерти, — хотя редко в том же месте, где они умерли; пища и питье были великолепными; роковые раны быстро зажили; отрезанная нога или выбитый глаз снова

отрастали; встречались женщины таких сексуальных качеств, о каких не слыхали в Вальхалле. Конечно, валькирии никогда не жаловались и не надоедали, но ведь они были мифическими существами, а не реальными. А кто был он, Эндрю Пэкстон Дэвис, пацифист, христианин и добродетельный раб, что он делает, стоя здесь и наблюдая за битвой между язычниками? Теперь, теперь, именно теперь — время сбежать. Он живо сунул свои немногие пожитки в мешок из рыбьей кожи и схватил рукоятку своего грааля. Как араб в ночи, я украдкой ухожу, подумал он. За исключением того, что мне не надо складывать свой шатер, которого у меня нет. Он быстро вышел из своей каморки и заторопился вниз по узкой винтовой лестнице. Он никого не встретил, пока не вышел во двор. Там Дэвис разглядел впереди темную фигуру. Он остановился, сердце его заколотилось сильнее, чем если бы это было вызвано бегом. Но вспышка молнии обнаружило лицо той особы, которая взывала в нем такой страх.

— Доктор Фаустролл! Француз попытался отвесить поклон, но вынужден был ухватиться за край стола, чтобы не упасть вниз лицом.

— Доктор Дэвис, я полагаю? — пробормотал он. Американец собирался поспешно миновать его,

но задержался из-за человеколюбивого импульса. Он сказал:

— В Ахероне волнения, дорогой мой друг. Теперь пора нам обрести свободу. Ивар собирался совершить вероломную атаку против Арпада, но Арпада осенила та же самая идея — выступить против него. Расплачиваться нужно дьяволу, и Торфинн, союзник Ивара, только что появился. Воцарился хаос. Мы имеем отличную возможность убраться отсюда во время этой неразберихи. Фаустролл приложил руку ко лбу и простонал:

— Вверх по Реке? Наши главные цели — стремиться к тому, что, возможно, не существует?

— Подумай, друг! Ты что, хочешь остаться рабом? Теперь настало время, мы получили единственную возможность, какой у нас вообще когда-либо может быть! Фаустролл наклонился, чтобы взять свой грааль и удочку. Он снова застонал и произнес:

— La merde primitive! Дьявол, использует нашу голову как наковальню.

— Я иду, — предупредил Дэвис. — Ты можешь идти со мной или нет, как желаешь!

— Твоя забота о нас трогательна, — откомментировал француз. — Но мы действительно не должны бежать. Хотя мы побывали в зависимо-

сти на всю жизнь, мы никогда не были рабом. Не то что миллиарды с ограниченным и свиноподобным мозгом, мы всегда были свободны. Далекая вспышка слабо осветила Фаустролла. Его глаза вращались, как будто бы он пытался разглядеть что-то неуловимое.

— Тогда оставайся здесь и будь свободен в своих несчастных узах! — закричал Дэвис. — Я чувствовал, что мой долг сообщить тебе, что происходит!

— Ты самый надоедливый человек, какого я когда-либо встречал! Овод по-своему приносит пользу, особенно если он снабжен не только передним, но и задним жалом. Дэвис фыркнул и отправился прочь. Но, как только он начал спускаться с холма, на котором стояла башня, он услышал, что Фаустролл зовет его.

— Подожди же нас, друг мой! Если ты и в самом деле таков. Дэвис остановился. Он не мог утверждать, что ему нравился этот гротескный тип. Но… что-то в абсурдном французе взывало к нему. Возможно, подумал Дэвис, это говорит во мне врач. Этот человек сумасшедший, и я должен о нем позаботиться. Может быть, я смогу когда-нибудь его вылечить. Но более вероятно, это что мне не хочется остаться одному. Компа-

ния безумца лучше, чем никакой. Иногда. Гром и молния обрушились на долину. Через несколько минут яркие зигзаги и грохочущий шум будут вне поля зрения и слуха. Тогда, как почти всегда бывает, как будто бы где-то закрыли клапан. Тучи исчезнут минут через тридцать — или около того. И наполненное звездами небо прольет свой бледный огонь на бледное оружие воинов и на их темную кровь. И это сделает зрелище более легким для Фаустролла и для него, Дэвиса. Теперь Дэвис смутно слышал пугающие его звуки сражения. Резкие пронзительные крики, лязг мечей, бой барабанов, а потом — рев черных пороховых бомб, разрушающих себя во взрыве света. Дэвис также осознал, что башня, в которой, как ему казалось, нет ни одной живой души, полна жизни, точно встревоженный муравейник. Силуэт Дэвиса был высвечен многими факелами большого количества людей, устремившихся с башни. Среди них бежала и Энн Пуллен. Она набросила себе на плечи тяжелое полотенце, и еще одно, длинное, обернула вокруг талии. Но ее побелевшее лицо и струящиеся вниз светлые волосы были живыми под пламенеющим факелом, который она держала высоко. Другие люди пробегали мимо Дэвиса на своем пути вниз с холма. Был там

Шарко, бежавший со скоростью, которую позволяла ему его волочащаяся нога. В одной руке он нес грааль, в другой — меч, а большой мешок был приторочен к его боку. Люди, очевидно, бежали или чтобы присоединиться к Ивару в сражении, или найти место, откуда они могли бы наблюдать его вблизи. Более вероятно — второе. Если они подумают, что дела оборачиваются против Ивара, они тоже убегут. Дэвис выхватил факел у какой-то рабыни, когда она мчалась мимо него. Она протестовала, но не стала с ним драться. Дэвис высоко держа факел, указал на Реку:

— Пошли! Легче сказать, чем сделать. Как раз когда они достигли края равнины, они вынуждены были остановиться. Мимо пробиралось большое количество мужчин, многие несли факелы. Дэвис взглянул на круглые деревянные шлемы, обшитые кожей и покрытые перьями, широкие темные лица, глаза с глубокими складками. Он простонал. Затем воскликнул:

— Еще люди Арпада! Это, должно быть, второй фланг! Они не были мадьярами, но солдатами из старинных горожан Сибири, служившие Арпаду, образовывавшие десять процентов населения королевства. Они выглядели куда более похожими на американских индейцев, чем на эскимосов

или чукчей. Группа в шесть или семь человек оторвалась от остальной массы и галопом помчалась к ним. Дэвис взвыл:

— Беги! — и сам помчался назад, вверх по холму. Сзади послышался топот босых ног по мокрой траве и влажной грязи. Но это оказался Фаустролл. Когда он наполовину поднялся на холм, Дэвис оглянулся назад. Их больше не преследовали захватчики. Обнаружив, что этих двух мужчин им не убить так легко, они снова присоединились к армии. Через некоторое время они с Фаустроллом перестали взбираться на склон холма, а спустились на край равнины. В течение десяти минут свет звезд затуманился облаками.

— Пора искать лодку, — предложил Дэвис. Медленно и крадучись они шли между хижинами. То и дело приходилось обходить трупы. Большинство из них были женскими, но некоторым из женщин удалось убить вторгшихся врагов до того, как их зарезали.

— Никогда не кончающаяся история, — вздохнул Дэвис. — Когда они научатся прекращать убийства, насилия, грабежи? Неужели не могут понять, что это ничего им не дает? Не могут…

— Они не понимали на Земле, откуда им понять это здесь? — спросил Фаустролл. — Но может

быть, здесь это увязающий процесс. Мы имеем не только вторую попытку, но множество шансов. А потом, в один прекрасный день — пуфф! Злые, мелочные, вредные и лицемерные исчезнут! Давай надеяться, что это не означает, что здесь не останется никого. Или, возможно, это способ, благодаря которому все так и сбудется. — Он вдруг умолк, показал и объявил: — Эврика! Здесь было множество лодок, причаленных к берегу или стоящих на якоре за несколько футов от него. Они выбрали себе каноэ с небольшой мачтой. Но, как раз когда они сталкивали каноэ с травы в воду, они вздрогнули от воя, раздавшегося у них за спиной:

— Подождите! Бога ради, подождите! Я хочу с вами! Они обернулись и увидели, что за ними ковыляет Шарко. Он тащил еще второй мешок, довольно большой, у себя за спиной. Несомненно, подумал Дэвис, он наполнен добычей, награбленной Шарко по дороге. Несмотря на страх, его предательская натура взяла верх. Дэвис сказал:

— Здесь нет места для троих. Тяжело дыша, Шарко остановился в нескольких футах от них.

— Мы можем взять лодку и побольше. И он быстро повернулся, глядя вниз по течению. Отдаленный шум неожиданно стал слышаться с более

близкого расстояния. Свет звезд упал на темную и неразличимую массу, приближающуюся с юга. Крики и звяканье бронзы усиливались оттуда. На несколько минут шум перестал двигаться по направлению к Дэвису. Затем звуки прекратились, и группа людей опять стала приближаться, теперь гораздо быстрее. Кто бы ни были эти люди, гнавшиеся за сбежавшими, их убили. Но позади тех из них, кто остался жив, слышались шум и крики. Люди, бежавшие в сторону Дэвиса, побежали.

— Возьмем одну из лодок! — завывал Шарко. — Они все схватят, и у нас ни одной не останется! Дэвис подумал, что это хороший совет, но он вовсе не намеревался брать этого нытика с собой. Он продолжал помогать французу сталкивать каноэ. Оно соскользнуло в воду. Но к нему, разбрызгивая воду, подобрался Шарко, зашвырнул туда свой грааль и мешки и начал забираться сам. Дэвис схватил мешки и бросил их в воду. Шарко взвыл от ярости и нанес кулаком удар по подбородку Дэвиса. Оглушенный, Дэвис пошатнулся назад и упал в воду. Когда он, брызгаясь, поднялся, он увидел, что Шарко идет за мешками. Он прыгнул в лодку и выбросил оттуда грааль крючкотвора. Это заставило Шарко закричать

еще громче. Без грааля он должен или умереть с голоду, или обходиться той пищей, которую ему удастся выпросить, и рыбой, которую поймает. Фаустролл, все еще стоя в воде, согнулся пополам от хохота. Гнев Дэвиса отступил и сменился отвращением к себе самому. Он терпеть не мог Шарко, но презирал себя за то, что его ненавидит и за то, что вышел из себя. Трудно действовать по-христиански, когда имеешь дело с такими «неряхами-мешочниками» (это слово он узнал от живших в конце двадцатого века). Но у него больше не было времени сосредотачиваться на собственных ошибках. Бегущие мужчины остановились совсем близко к нему. Они казались сильно запыхавшимися, хотя это было не единственной причиной их остановки. Это были Ивар и около пятидесяти его норвежских и франкских воинов, да еще с десяток женщин. Одной из них была Энн Пуллен. Ивар истекал кровью, хотя не был тяжело ранен, а с боевого топора, которым он все время размахивал, тоже капала кровь. Он, вероятно, часто пускал его в ход против преследователей. Некоторые из его людей спорили и доказывали, что не надо останавливаться. Сначала Дэвис вообще не понял, что произошло. Послушав некоторое время, пока он залезал в

каноэ, он понял их ситуацию. Очевидно, тыловая атака застала Ивара врасплох. Но его люди были сплоченными, а воины Арпада отступили. Как только это произошло, Арпад во главе своего флота начал штурмовать берег. В свалке рукопашного боя Ивар убил Арпада.

— Я отрубил ему руку с мечом, — кричал Ивар. — И тогда его войска растерялись и побежали. Мы их перебили!

8

Но у Торфинна Раскалывающего Черепа были свои планы. Он отправил часть своей армии обежать западный берег. Пока они это выполняли, он атаковал тыл Арпадова флота. Это отчасти объясняло панику среди людей Арпада на восточном берегу. Затем Торфинн решил — а может быть, он принял это решение уже давно — предать Ивара. Таким образом, он стал бы хозяином не только своего королевства, но и земель Арпада и Ивара. Ивар со своими солдатами не ожидали предательства, но быстро сориентировались и яростно сражались. И все-таки, они были вынуждены бежать, и охотничьи псы Торфинна лаяли совсем у них по пятам. Ивар вскричал по-норвежски:

— Предатель! Предатель! Нет веры, нет веры! Торфинн поклялся Одином на священном кольце, что мы с ним — братья! Дэвис не мог не улыбнуться при всей своей тревоге. Из того, что он знал о северных королях и их братьях, он был убежден, что нет ничего необычного в том, что они пытаются убить друг друга. На самом деле, это типично для большинства королевских родов средневековья, независимо от национальности.

Да, он находится среди варваров, и он только что собирался освободиться от них, когда Норны распорядились иначе — чтобы солдаты догнали его. Нет, подумал он, это вовсе не Норны, три Судьбы древней скандинавской религии в облике трех женщин. Это Бог так определил. Я так долго был среди викингов, что начинаю думать так же, как они. Тем временем Ивар перестал бредить. В одном из внезапных перемен настроения, характерных для него, он смеялся над собой:

— В конце концов, Торфинн только сделал то, что мог бы проделать и я, если б у меня были условия. Воспользоваться случаем — и повернуть события! Захватить власть! Власть! Фаустролл, сидевший теперь в каноэ, позвал его:

— Ваше величество, достойный потомок великого короля Убу! Мы верим, что власть — это то, что мотивирует почти все поступки людей, и власть является более значительной причиной для самых рациональных и лживых поступков, чем религия, хотя то и другое никак не связаны! Вы — истинный сын Адама, не говоря о Еве, и, возможно, потомок того падшего ангела, который видел, что дочери людские прекрасны, и шли к ним, и возлежали сними! Иди, иди, иди, сын наш! Размышляй над властью, поклоняйся ей,

слушайся десяти тысяч ее заповедей! Но мы — глас вопиющего в пустыне! Кричать о джунглях, удобренных никогда не кончающейся жаждой власти в ее десяти тысячах проявлений, — вот истинное дерьмо вселенной!

— Но все же — иногда имеется Святой Грааль. Ищите его, находите его, хватайте его! Спасайтесь посредством его! В Граале вы найдете величайший фонтан власти! Но он делает все остальные виды могущества бессильными! Советники Ивара болтали между собой, когда Фаустролл говорил, но умолкли, когда их вождь поднял руку. На некотором расстоянии, недостаточно большом, чтобы успокоить взвившиеся нервы Дэвиса, раздавались крики воинов Торфинна, которые бежали вслед за беглецами.

— Бога ради! — буркнул Дэвис. — Давайте сядем в лодку и уплывем!

— И странный же ты человек, доктор Фаустролл! — закричал Ивар. Тронутый, какими-то богами тронутый. Ты, должно быть, послан ими! Или случаем, о котором я так много слышал от людей более поздних времен, с тех пор как пришел в этот мир. Как бы то ни было, ты послан мне. Так что, вместо того, чтобы тебя убивать, что принесет мало пользы, разве что избавиться от

твоего присутствия, да и тогда ты можешь мне попасться снова, — я поеду с тобой. Возможно… Ивар помолчал с секунду, пока остальные рядом с ним сильно встревожились. Затем он заревел:

— По лодкам! Никто не возражал, хотя немногие из самых агрессивных воинов вздохнули. Они разобрались по суденышкам, хотя и без паники. Ивар громко выкрикивал команды, распоряжаясь, кому в какую лодку сесть. Дэвису он скомандовал быть вместе с Фаустроллом и Энн Пуллен, заняв самое большое судно с местами для четырнадцати гребцов. Ивар сел на руль, когда гребцы начали свою работу, и развернули большой парус. Ивар громко расхохотался и объявил:

— Норны снова мне улыбнулись! Это, должно быть, те лодки, которые люди Арпада пригнали на берег для атаки на фланге! Дэвис, Пуллен и Фаустролл сидели на скамье как раз рядом с рулевым. Француз воскликнул:

— Возможно, это знак от них, чтобы вы навеки оставили эту территорию!

— Как? Чтобы я позволил Торфинну с его тролличьим сердцем каркать, будто он победил Ивара Рагнарссона? Он заорал по-норвежски на воинов, которые все еще не сели в лодки:

— Эй, вы там! Хельги, Кетиль, Бьорн, Транд!

Столкните пустые лодки в воду! Поглумимся-ка над нашими врагами, Пока они в бешенстве пляшут на берегу и произносят проклятия и угрозы, которые повредят нам не больше, чем плевки против ветра! Хельги Умник взревел: Бескостный их без лодок Оставил, без добычи. Безголовый Торфинн, Будешь без удачи! Те, кто был достаточно близко, чтобы слышать, разразились хохотом. Ивар тоже смеялся, пока не подавился, что успокоился Дэвиса, который, услышав вису, встревожился. Датчане выходят из себя, когда кто-нибудь употребляет прозвище, которое они не желают слышать.

— Слова мне нравятся, — признал Ивар. — Но, Хельге, размер у тебя подкачал. Скверно. Но если принять во внимание, что мы спешим, и что размер у тебя всегда хромает, как будто бы это новорожденный жеребенок, пробующий скакать… Он снова хохотал несколько минут. Потом, опомнившись, взревел:

— Гребите, как будто дочь Локи, ведьма Хель, хватает вас за лодыжки холодной, как у покойника, рукой, чтобы стащить вас в ад. Согните спины, как будто вы — лук Улла, а ваши руки — стрелы бога длиной в сто лиг! Грести, грести, грести! Бывали, наверное, гребцы такие же неутомимые,

как норвежцы, но не было гребцов лучше. Но эти люди побывали в рукопашном бою, а ничто не требует столько энергии. Тем не менее, они налегли на весла так, как будто бы всю долгую ночь спокойно спали. Их враги на берегу остались далеко позади. Звездный свет мерцал на громадной массе вдоль восточного берега, движущейся вверх по Реке. Позади они оставили около полумили. Флот Торфинна, по крайней мере, часть его, рьяно пустился вслед. Не так уж рьяно, наверное, поскольку его воины тоже утомились от битвы.

— Направимся в королевство моего брата, Сигурда Земля-В-Глазу! — громко велел Ивар. — Это далеко, но наши преследователи устанут раньше нас. Тогда мы будем в безопасности и сможем бездельничать, пить густое сладкое лишайниковое пиво и ликер из грааля, сколько душа попросит. Мы также восполним там недостаток красивых женщин. Или vice verga.[3] Гребцам не хватало дыхания, чтобы расхохотаться, хотя некоторые пробовали. Сигурд был одним из немногих людей, которым Ивар доверял и, вероятно, был его единственным достойным доверия братом. В молодости он был могучим викингом. Но, достиг-

[3] Примечания: 3
Наоборот (франц.)

нув среднего возраста, повесил свой меч на стену и стал мирным и справедливым правителем Сьеланда, самого крупного датского острова. Королевство, которое Сигурд основал, придя в Мир Реки, находилось в четырехстах милях от земель Ивара. Однажды Сигурд навещал своего брата, а Ивар гостил у него дважды. Дэвис каждый раз виделся с Сигурдом. Стройный, хитрый, на белке правого глаза красное родимое пятнышко, из-за которого Сигурд и получил свое земное прозвище. Родимое пятно прошло, когда он очутился здесь, а прозвище осталось. Мысли Дэвиса прервали какие-то крики у него позади. Он встал и оглядел приподнятую рулевую палубу. К лодке, где находились Хельги и еще трое, в воде приближался человек. Хотя Дэвис не мог разглядеть пловца, он понял. Что это должен быть Шарко. Очевидно, он просил взять его в лодку. Но гребцы смеялись, проплывая мимо, и вскоре Шарко, все еще крича, остался позади. Волна сочувствия пробежала по Дэвису. Шарко был лгун, мошенник, хвастун, задира и трус. Но все же — этот человек не мог поверить, что есть люди — и таких много, — которые его не любят. Мысль была патетической, и Дэвис в ту минуту пожалел его. Дэвис сел и посмотрел на Энн, которая сидела рядом с ним.

У нее надо головой было повязано маленькое голубое тонкое полотенце, точно шарфик, какие женщины на Земле Носят в церкви. У нее на лице застыло странное выражение, смесь нежности и тоски. Или это так показалось Дэвису, хотя кто знает, о чем думает эта сучка. И все же — она выглядела, точно мадонна, мать младенца Иисуса, изображенную на росписи, которую Дэвис видел в церкви. Интересно, подумал он, не так ли она выглядела, когда была ребенком. Что стерло с ее лица эту нежность, эту доброту? И тут она повернула голову и спросила:

— Какого черта, на что это ты глазеешь, похотливая деревенщина? Дэвис вздохнул, находя удовлетворение в том моменте, когда он жалел ее из-за ее утраченной невинности. И ответил:

— Да ни на что особенное.

— Воображаешь, что можешь со мной так разговаривать, раз мы оказались рядом, — огрызнулась она. — Но я этого не забуду.

— Ваше величество напоминает короля Людовика XIV французского, о котором кто-то сказал, что он никогда ничего не забывает, — сказал Дэвис. Потом добавил, затаив дыхание: — И тот же человек сказал, что король никогда ничему так и не научился.

— Что-о? Как не по-христиански с моей стороны, подумал Дэвис. Почему я не могу научиться подставлять другую щеку? Не надо было ей ничего говорить. Молчание мучеников. Позже Ивар перевел четверых с задней лодки на свою. Поздним утром ведущая лодка флота Торфинна оказалась далеко впереди остальных. За час до полудня она оказалась на расстоянии летящей стрелы от судна Ивара. Ивар повернул лодку кругом, сбил стрелами семь человек, протаранил врага и взял на абордаж. Дэвис и Фаустролл сидели на своих местах, когда кипела битва. Энн Пуллен ранила нескольких человек их своего женского лука. Какова бы она ни была, подумал Дэвис, храбрости ей не занимать. Но надеюсь, что она не повернется и не застрелит и меня. Ивар потерял шестерых, но убил всех врагов, кроме тех, кто попрыгал в Реку. Остальные лодки Торфинна еще не показались. Ивар захватил лодку противника и оставил свою. Он со своей командой продолжали плыть дальше с веселыми песнями. К тому времени, как они добрались до Сигурдова королевства, они прошли, по крайней мере, через сорок кошмаров наяву. Или так почудилось Дэвису, хотя норвежцы просто наслаждались этими кошмарами. Одни битва следовала за другой,

и одно бегство за другим. Государства на сотни миль вверх по Реке от бывшего королевства Ивара тоже находились в состоянии кровавой бойни. Войны на земле Ивара, кажется, заразили насилием другие страны, ни одна из которых не была стабильной. Рабы бунтовали, а короли и королевы пытались воспользоваться ситуацией, чтобы нападать друг на друга Дэвис считал, что только эта полуанархия способствовала тому, что флот Ивара продвинулся так далеко. И даже при этом все суда, кроме четырех, первоначально вышедших в путь, были потоплены или захвачены. Те, кто все пережил, жили рыбой, которую они ловили, плывя вверх по Реке. То и дело, их отпускали на сушу, чтобы они пополнили свои граали. Но, даже когда люди выглядели мирными и дружественными, викинги нервничали. За улыбками их хозяев могли таиться планы захватить гостей в рабство.

— О Господи, — молился Дэвис, — прошу Тебя, останови это убийство, разбой и насилие, муки сердечные, грабежи, ненависть и разврат. Сколько это может продолжаться? Так долго, как люди позволят себе совершать все эти ужасные деяния, подумал он. Господь не собирается вмешиваться. Но, если так, он имеет в уме своем благую цель.

Через несколько часов после рассвета флот прибыл в королевство Сигурда. Или — туда где оно было. Совершенно очевидно, что и оно разорвано на части борьбой, войну, кажется, принес сюда ветер. Мужчины и женщины, напившись пьяными, резвились, размахивая оружием и несколькими отрубленными головами. Большинство бамбуковых хижин и деревянных построек горели, повсюду валялись трупы. Как только флот приблизился к берегу, целая орда забралась в лодки и начала грести по направлению к судам Ивара.

— Кто они такие? — удивился Ивар. И тут же спохватился:

— Неважно. Плывите дальше!

— А где же ваш брат? — спросил Дэвис.

— Он, наверное, спасся бегством. Надеюсь на это. Чтобы с ним ни случилось, спасти его я не могу. Нас слишком мало. После этого он много часов молчал, расхаживая взад и вперед по небольшой палубе. Он много хмурился, а один раз ударил себя в грудь ладонью. Однажды он испугал всех людей в лодках, закинув голову назад и завыв продолжительно и печально. Бьорн Огрубевшая Нога, стоящий около Дэвиса, осенил себя Торовым молотом и задрожал.

— Крик самого великого волка Фенриса исходит

из его горла, — сказал он. — Ивар действует так, словно собирается стать берсерком! Готовьтесь защищаться. А еще лучше — прыгайте в Реку! Но Ивар прекратил выть и огляделся вокруг, как будто бы его только что перенесли сюда из-за миллионов миль. Затем он зашагал к переднему краю палубы и воззвал:

— Остеопат! Клоун! Давайте сюда! Неохотно, зная о том, что действия норвежца непредсказуемы и часто их следует ужасаться, Дэвис поднялся по короткой лесенке вместе с Фаустроллом. Дэвис не догадывался, о чем думает Фаустролл, но он сам был готов последовать совету Бьорна. Ивар посмотрел на них сверху, на лице его возникло какое-то выражение, которое невозможно было прочесть.

— Вы двое низкого ранга, но мне случалось наблюдать, что даже у раба может быть больше мозгов, чем у его хозяина. Я слышал, как вы говорили каждый о своих поисках — дух их, признаюсь, я не понимаю. Но вы меня заинтриговали. Особенно когда вы говорили о тщетности и пустоте вечной борьбы за то, чтобы завоевать больше земли, больше собственности и больше власти. Возможно, вы правы. На самом деле, я не знаю. Но несколько минут тому назад какой-то

дух овладел мной. Возможно, меня схватил бог, который нас создал, кто бы он ни был. Неизвестный и безымянный бог. Чем бы ни было это странное состояние, я вдруг почувствовал себя опустошенным, как будто бы мой мозг и кровь вылились из меня. Это ужасное ощущение скоро прошло, и я увидел смысл вашей мудрости. И в этот самый миг я был ошеломлен бесполезностью всего, что я до сих пор сделал. Я понял, что устал вечно сражаться за то, чтобы получить власть, а потом воевать за то, чтобы иметь еще больше власти. Слава кажется золотой. Но на самом деле она свинцовая. Он улыбнулся им, потом посмотрел им через головы на север. Когда Ивар опять заговорил, он продолжал смотреть мимо них. Это выглядело так, подумал Дэвис, как будто бы Ивар рассматривает что-то и в самом деле очень величественное. Фаустролл тихонько прошептал:

— Он видит, как туманна соединительная точка между нулем и бесконечностью. Дэвис не успел ничего сказать, потому что Ивар уставился на него и на француза. Когда Ивар говорил, он требовал полного вашего внимания, и чтобы его не прерывали. Но Дэвис подумал — нет, это не то, что бы оно ни значило. Это… не могу вспомнить греческий теологический термин… это означает

полное внезапное перерождение духа. Похожее на изменение состояния духа и цели, которое Савл испытал на дороге к Дамаску… он фанатически преследовал христиан… великий свет появился, даже когда он замышлял смерть для всех христиан… он упал ненадолго, парализованный… когда же очнулся, он стал ревностным учеником Христа. Внезапно, неожиданно, непредсказуемо ни для кого. Воодушевление, торопящее вас к Северному Полюсу, поворачивает вас помимо вашей воли и направляет к Южному Полюсу. Были зарегистрированы похожие мистические или психологические преображения духа. Дэвис ощутил ужас. Только через несколько секунд холод, который прошел по его коже, исчез. Однако, напомнил он себе, этот неожиданный поворот не всегда совершался к добру. Хотя это случалось редко, тут совершался поворот от добра к злу. Как будто бы Сатана, подражая Богу, тоже дотрагивается до его души.

— Бог не говорил словами, — продолжал Ивар. — Но ему и не надо было слов. Он сказал, что я должен идти верх по Реке, пока не приду к ее истоку, неважно, как далеко он окажется. Там я найду мощь сверх всякой мощи.

— Всегда так — мощь, власть, — буркнул Фа-

устролл. Он произнес это так тихо, что Дэвис едва расслышал его, и Дэвис был уверен, что до Ивара слова француза не дошли.

— Вы оба, меситель больной плоти и насмешник над все что люди считают здравым смыслом, — сказал Ивар, — тоже имеете свои цели. Один хочет найти младенца, рожденного девственницей. Другой надеется отыскать истину, которая ускользает от всех людей от самого рождения человечества. — Он сделал паузу, потом продолжал: Хотя вы не воины и взгляды у вас странные, вы можете быть чем-то вроде спутников, в которых я нуждаюсь для долгого пути. Что вы скажете? Тон его был таким, словно он оказывает снисхождение этим приглашением. Но все же он рассматривал его как комплимент. Фаустролл ответил:

— Король Убу и два его шута в поисках Святого Грааля? Ну что же, я с удовольствием пойду с тобой. Дэвис не колебался:

— Почему бы и нет? Возможно, мы все ищем одно и то же. Или, если это не так, мы найдем одно и то же.

Примечание автора

Очевидно, что приключения этой троицы будут иметь продолжение и будут включены в том II мировой антологии Мира Реки. У меня сильное ощущение, исторической непрерывности, которое усилилось, пока я изучал свою генеалогию. К настоящему моменту у меня имеются 275 доказанных американских предков и несколько европейских. Так что я решил — почему бы не использовать некоторых из них в Мире Реки, где живут теперь все, кто когда-либо жил и умер? Я так и сделал. Таким образом, все названные по именам герои этой истории, кроме Фаустролла (Альфреда Жарри) и Шарко, мои прямые предки. Доктор Эндрю П. Дэвис — мой пра-пра-дедушка (1835–1919). Он был выдающимся человеком, эксцентричным правдоискателем и новатором. Энн Пуллен — моя девять раз прабабушка. Согласно судебным отчетам, она была настоящим исчадием ада, вспыльчивая и распутная женщина в эпоху, когда было крайне опасно для женщины быть такой. Что до моих отдаленных предков, Ивара Бескостного и других викингов, мужчин и женщин, их ныне живущие потомки в 1991

году насчитывают много миллионов. Разумно принять на веру, что, по крайней мере, три четверти моих читателей могут быть в числе этих потомков.

Филип Фармер
Дыра в аду

Данте Алигьери стоял в большой отхожей яме. По краям ямы бегали собаки, мочились на него и гадили.

Его перо часто устремлялось в Ад. Теперь он, которому полагалось бы быть в Раю с его обожаемой Беатриче, попал в яму — такую, как описал в «Чистилище».

Годами он искал на Реке единственную женщину, которую когда-либо по-настоящему любил, свет его жизни и его поэзии. Теперь он находился в темнице, куда засадил его человек, которого он по-настоящему ненавидел. Яма площадью в восемь квадратных футов и глубиной двенадцать футов находилась на вершине холма. Стенки ее были из дубовых стволов, наклоненных вовнутрь. (Весь мир, думал он, имеет наклон внутрь и держит меня в тюрьме). Яма была в тени, за исключением того времени, когда солнце светило прямо над головой. О, благословенное солнце! О, быстро движущееся солнце! Остановись на своем пути!

По самые лодыжки в сточных водах стоял Данте Алигьери, с опрокинутым кверху лицом. Рассвету уже час. Скоро появится проклятый враг Данте, Бенедикт Каэтани, папа Бонифаций VIII с 1294 по 1303. Данте узнает, что Бонифаций приближается, потому что он слышит лай и вой псов. И все же — нет собак в этом месте, которое может быть Чистилищем, а может быть — и Адом. Через несколько минут он застыл. Тявканье, лай и вой звучали слабо. Как будто бы он только что различил звуки, исходящие из трех голов Цербера, противного природе пса Сатаны, охранявшего вход в Чистилище. Вскоре эти звуки сделались громкими, и он увидел владельца собак.

— Еще одно данное Господом утро, — провозгласил Бонифаций. — Время мне первый раз помочиться. Я крещу тебя, синьор Алигьери, во имя тех, кого ты с такой ненавистью отправил в Ад!

С закрытыми глазами Данте вытерпел дождь, который обрушился на него отнюдь не с небес. Минуту спустя он открыл глаза. Папа сбросил свое одеяние и деревянную тиару в форме пчелиного улья. Собаки — обнаженные мужчины и женщины, стоящие на руках и коленях или на руках и пальцах наг — рыскали вокруг краев ямы.

Ошейники из рыбьей кожи были прикреплены к своре, которую держали мужчины и женщины двора Бонифация. Кобели, стоящие у края ямы и параллельно с ней, задрали по задней лапе, чтобы облегчиться в чистилище. Бонифаций навис над ямой своими ягодицами, в то время как двое слуг держали его за руки, чтобы он не упал назад.

— Во имя тех, кого ты несправедливо поместил в Ад в своей порочной поэме, даю тебе хлеб и вино лишенных благословения! Ешь это и славься в пресуществовании твоего павшего бога, Люцифера!

И тут же дюжина собак опорожнила содержимое своих кишечников. Только стоя в центре ямы, можно было избежать того, чтобы в тебя попали.

После года такой жизни, думал Данте, он должен быть задохнуться нечистотами, ежедневно выливаемыми в яму. Но множество червей, поедающих экскременты, держали их уровень на высоте его лодыжек. Бонифаций выпрямился было, но снова согнулся, когда несколько рабов стали лить воду между ягодицами папы. Тем временем, собаки лаяли, выли, скулили и визжали.

Данте закричал:

— Да заставит тебя Бог вечно носить железную тиару, раскаленную добела, в Его гневе!

— Данте Алигьери никогда не научится! — взвизгнул папа.

— Ему ли пасть на колени, этому непреклонному флорентийцу, и умолять прощения у тех, с кем он обошелся жестоко и несправедливо? Нет, не ему! Его ум — такое же дерьмо, как то, в котором он живет! Ты совершил богохульство, когда написал обо мне в «Чистилище», будто бы я нахожусь в Аду, когда я еще был жив! Даже Господь не помещает людей в Ад до того, как они умрут!

— Ты был и есть воплощение зла! — вскричал Данте. — разве человек, служащий Богу, сотворит собак из людей, неважно, какова их вина!

Бонифаций взвизгнул:

— На колени, свинья, гвельф проклятый, сознайся, что ты несправедливо обошелся со мной, покайся истинно! Тогда сможешь продолжать путь, чтобы искать твою любимую Беатриче! Хотя тебе следовало бы искать Бога, а не такую шлюху, как она!

— Фиг тебе! — заорал Данте. И он откусил свой большой палец и запустил в Бонифация.

— Данте сам себя осудил сидеть в яме; он признается в своей вине и грехе. Так продолжай же страдать в своем справедливом наказании!

Тут папа, рабы, охранники и свора собак ушли.

Четверо стражников остались, дабы убедиться, что он не найдет никакого способа покончить с собой.

Сегодня ночью, как каждую ночь, разразится такой ливень, что он сможет лечь в воду и утонуть. Проделать это будет означать совершить непрощаемый грех, такой грех, который автоматически принесет проклятие душе. Будет ли это грех в этом мире? Ведь здесь, если человек умирает, он вновь поднимается к жизни через двадцать четыре часа, хотя вдалеке от того места, где умер. Есть ли это в таком случае грех — убить себя? Логика говорит, что нет. Все же, он не мог быть уверен. То, что Бог запретил на Земле, должно быть запрещено и в этом мире. Или заповеди здесь каким-то образом изменены, чтобы подходит условиям?

Не отстраняясь от хлюпающей мягкой жижи у себя под ногами, он шагал взад-вперед. Раздумья его перешли от не имеющего ответа вопроса к самоубийству в этом мире и конфликтам, кипевшим во время его жизни. Когда он был спокоен и логичен, что бывало не часто, он говорил себе, что кровавые ссоры между гибеллинами и гвельфами или между темными и светлыми гвельфами насчет политико-религиозных убеждений не

имели никакого значения теперь.

Громадное большинство бунтовщиков никогда и не слыхали об этих конфликтах — и зевали бы от скуки, если бы им об этих распрях рассказали. Только на этой территории, где жили итальянцы его эпохи, старая ненависть свирепо разгоралась. Все же ее следует забыть. В долине Реки возникают гораздо более важные проблемы, которые требуют решения. Если с ними не разобраться, спасения им не достигнуть.

Но не смог ни забыть, ни простить.

Ровно в полдень загромыхали грейлстоуны. Эхо, разносимое горами, едва успело утихнуть, когда он услышал, что к нем приближаются собаки. В скором времени лай и вой, смешанные с щелканьем плеток, раздавались над ним и вокруг него. Данте посмотрел вверх, прикрывая глаза от солнца. Крик вырвался из его груди, он упал на колени. Потом произнес:

— Беатриче.

Бонифаций обнаженный стоял у края ямы с плеткой и руке, он объявил:

— Твой долгий поиск окончен, синьор! Сегодня утром работорговцы доставили сюда твою возлюбленную шлюху! Вот она, славная сучка, которая должна гореть в пламени!

Данте отвел глаза, но заставил себя снова взглянуть. И снова закричал от ужаса.

Она, обнаженная, стояла на четвереньках. Она плакала, ее лицо настолько исказилось, что он не смог бы узнать ее. Но нечто, какой-то божественный элемент, что-то вроде молнии, блеснувшей между небом и землей, озарило его сознание, исходя от нее. Он мгновенно понял, что это Беатриче.

Бонифаций, ухмыляющийся, как лиса перед тем, как съесть цыпленка, потянул ее за свору и пнул под ребра, хотя и не сильно. Она послушалась его приказа подойти к самому краю ямы и встать очень близко. Потом он передал поводок стражнику и встал на четвереньки позади нее.

— Сучку надо брать сзади, — крикнул он. Она закричала:

— Данте!

Другой стражник взмахнул плетью и огрел ее по плечам.

Она опять закричала.

— Не разговаривать! — приказал Бонифаций. — Ты бездушная псина, а собаки не разговаривают!

Он устроился над ней. Она закричала, когда он проник в нее.

Данте снова и снова подскакивал вверх и выл,

как собачонка. Но он не мог прыгнуть так высоко, чтобы схватиться за край.

— Смотри, смотри, грешник! — приказывал Бонифаций.

— Я не пес, но я оседлал, точно кобель, сучку, которую ты так любил!

Данте хотел закрыть глаза, но не мог.

И тогда Беатриче потянулась вверх и подняла вместе с собой Бонифация. Хотя стражник свирепо дернул за поводок, он не смог ее остановить. Она в этот момент была сильна, как будто ангел отмщения влил в нее свою священную свирепость.

Она повернулась кругом и ухватилась за Бонифация. Крича и визжа, оба свалились в яму, поводок вырвался из руки стражника. Она устроилась на папе верхом и ударами заставила его пустить ветры. И тут же начала рвать его нос зубами. Она перестала кусаться только когда копье, брошенное стражником, вонзилось глубоко ей в спину.

Она произнесла, задыхаясь:

— Мать тв… хочу… умереть навсегда, — и скончалась.

Стражники закричали на Данте, чтобы он отошел от папы.

Тот спихнул труп женины в сторону и с трудом поднялся на ноги. Данте, плача от горя и ярости, вытащил копье из своей любимой и воткнул его острие в брюхо папе. Потом дернул его и начал поворачивать. Стражник, который только что спрыгнул в яму, побежал к Данте с копьем наперевес, но поскользнулся в нечистотах и тяжело упал лицом вниз.

Данте поднял копье, чтобы пронзить стражника. Он колебался. Если он убьет стражника, его тоже пронзят копьем. Но слуги папы сделают это только для того, чтобы помучить его, а после, вероятно, опять бросят его в яму.

Когда стражник, поскользнувшийся в нечистотах, попытался встать, Данте вскричал:

— Беатриче! Подожди меня!

Он упер тупой конец копья в бревенчатую стену, а острие вонзил себе в желудок. Несмотря на агонию, он продолжал надвигаться на острие, пока оно целиком не вошло в него. Он совершал грех самоубийства. Но это был единственный способ бегства. Если он действительно отправится в Ад из-за своего злодеяния — если это было злодеяние — он охотно уплатить полную цену.

Беатриче находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Потом, в течение двух минут,

она исчезла. Но ее можно будет снова найти. Хотя бы пришлось искать ее сто лет, он найдет ее. Конечно же, Бог понимает его великую любовь к ней. Не станет же он ревновать из-за того, что его создание, Данте Алигьери, любил Беатриче больше, чем он любил своего Создателя.

Последняя мысль Данте растворилась во тьме. Прости… не хотел так…

Аллен Стил
Благословенная земля

На одном из островов Мира Реки выступает супергруппа. В составе — Джон, Сид и Кейт. Короля того острова звать Элвис, и жизнь у них развесёлая. Однако Джона беспокоит вопрос — куда же подевался Джим, про которого ни слуху, ни духу.

1

— Мне не хватает моего золотого зуба, — сказал Кейт.

Он сидел на краю дубового помоста, болтая ногами над бамбуковой планкой. У «Зомби Мерси» был перерыв во времени репетиции. Несколько титантропов, рабочих сцены, нашли себе занятие, проверяя электрический кабель, не прогорела ли изоляция из рыбьей кожи, и перестраивая массивные громкоговорители.

В звуковой кабине, установленной в середине амфитеатра на открытом воздухе, король разглагольствовал перед каким-то несчастным техом о периодически повторяющихся проблемах питания для микрофонов; ему не было слышно ни слова из того, что говорилось, но унизанный кольцами королевский указательный палец качался взад и вперед, и голова теха поочередно кивала, качалась, кивала, качалась, как будто бы отмечая время: да, сэр Элвис, нет, сэр Элвис, да, сэр Элвис, нет, сэр Элвис…

— Зуба у тебя не хватает…

Сидя рядом с Кейтом, прислонившись спиной к монитору, Джон прикурил кривой «косячок» от

зажигалки и втянул дым в легкие.

— Ну и что? У меня вот очков не хватает.

— Ну-у, ты всегда был очень похож на эльфа в этих очках…

— Конечно же, нет, — буркнул Джон. На секунду он задержал дыхание, потом сделал выдох. У них за спиной Сид уныло отрабатывал начальные пассажи «Анархии в Соединенном королевстве» на своем бас-кларнете. Брайана нигде не было видно, как обычно. — И кстати, я никогда не верил этой истории о том, как ты разбил себе рот, когда въехал на «кэдди» в бассейн в Холидей Инн…

— Вовсе не «кэдди», — настойчиво возразил Кейт, — это был чертов «линкольн континенталь», и я так здорово сломал себе передний зуб, когда вылезал из воды и карабкался на борт, убегая от медноголовых…

— Да, да. Слыхали мы всю эту жалобную историю много раз. — Джон передал косячок Кейту. — И вовсе я не выглядел эльфом в очках. Терпеть я не мог эти контактные линзы, которые Эпштейн заставил меня носить.

— Слышно о нем что-нибудь в последнее время?

— Нет, с тех пор, как он присоединился к даои-

стам… кроме того, Йоко нравились очки…

— Ой, Бога ради, парень, когда ты прекратишь болтать о своей старушке? — Кейт поднял одну из барабанных палочек и рассеянно почесал ею свою загорелую спину. — Я хочу сказать, что ты становишься большим котом, чем Фрэнк Синатра…

— Господи! — Джон строго посмотрел на него. — А что, Синатра здесь?

Кейт передернул плечами:

— Не то чтобы я слыхал о нем. Просто поговорка, которую я подцепил у одного из янки. — Он сделал сильную затяжку и передал окурок Джону. — Пигпен меня научил так говорить, — припомнил он. — Или это был Лоуэлл…

— О'кей, так со мной регулярно бывает… — Джон мрачно посмотрел на пустые бамбуковые скамейки перед сценой. Рассеянно полез под килт и почесался. — Но мне все равно ее не достает, — сказал он нежным голосом. — Хорошая баба была. И певица тоже хорошая.

Кейт состроил гримасу, но мудро удержал рот закрытым. С мгновение они оба помолчали, слушая, как Сид с трудом продирается через «Боже, храни королеву», — версия панков, которую трое других членов «Зомби Мерси» отказывались ис-

полнять во время представлений. Кейт наклонил голову в сторону парня.

— То есть, я хочу сказать, ты считаешь — юный мистер Ритчи тоскует по Нэнси? — спросил о тихим голосом. — Эта мерзавка была просто отрава. Даже когда она показалась здесь два месяца назад, он велел ей отвалить, не то он опять ее проведет…

Голова Сида вздернулась:

— Не говорил я! — закричал он. Джон взглянул на него через плечо:

— Полегче, парень, — буркнул он. — Этот, не от мира сего, всего только шутит.

Сид не довольствовался объяснением. Он схватил гитару, снял перевязь с плеча и швырнул инструмент на сцену, напугав одного из титантропов.

— Вы, старые пердуны, меня тошнит от вас, — пробурчал он, шагнув к занавешенной двери, ведущей на сцену.

— Так давай, стошни, — сказал ему вслед Кейт. — Только сначала убедись, что ты не делаешь это опять прямо в посудину со своим ланчем. Ха-ха-ха-ха-ха!

Маниакальный смех Кейта был одной из немногих черт, которые так нравились в нем Джону.

Он стряхнул с себя печальные воспоминания о физиономии своей жены, когда подошел, чтобы взять косячок из пальцев Кейта.

— Вовсе он не скучает по Нэнси, — сказал он, — но я полагаю, он скучает по поездке верхом на старой белой лошадке.

— Точно так же. Это его, в конце концов, и прикончило, — Кейт нахмурился, задумчиво постучал барабанными палочками у себя между ногами. — Начинаю думать, что-то же самое сделало и спиртное, которое я лакал…

— Вы оба целыми неделями покупали его друг другу, насколько я припоминаю…

— Да. Так и есть. — Озорная улыбка снова появилась на его добродушной физиономии. Я-то хоть состариться умудрился, пока начал брюзжать. А этот парнишка — да он едва достаточно взрослый, чтобы бриться…

— Надеюсь, я помру, прежде чем состарюсь, — пропел Джон.

— Роджер был трепач, и Пит тоже. Бык слишком мало говорил, и слава Богу…

— И правда. Что я чувствую насчет Джорджа… — Ах-ха-ха-ха-ха! Господь предпочитает басистов… или кларнетистов! — Кейт поднял палец, чтобы пощупать свой молодые неповре-

жденные передние зубы. — Но мне, знаешь ли, все еще не хватает моего переднего зуба. Он был такой классный. Птички считали, что он сексапильный. Думаешь, я смогу найти другой…

— Эй! Вы что себе воображаете, что вы тут делаете? Джон и Кейт оглянулись на звук баритона с южным акцентом. Король выходил из правой кулисы, хлопая в ладоши, чтобы призвать к вниманию.

— Черт, — буркнул Джон, потихоньку гася окурок у себя за спиной и загораживая его ладонью.

— Мне казалось, я предупреждал, — заревел Король, никаких наркотиков во время работы!

Кейт непонимающе глядел на него:

— Но мы не работаем, друг, — произнес он безумно мягким голосом. — Мы чай пьем. — Он показал на полуденной солнце. — Вот, видишь? Время чаепития.

Лицо Короля посинело от злости.

— Не вижу, чтобы тут было накрыто к чаю, сынок! Все, что я здесь вижу — это чертова марихуана, которую я велел вам не курить во время репетиций! Ну, так верните сюда Сида и Брайана, и чтоб вы были уверены, что вечером сможете так играть, что от вас только задницы останутся, потому что сегодня после обеда пароход прихо-

дит, слышите вы меня?

— А кто у них звезда? — спросил Джон.

— Другой оркестр! — заорал король. — И они-то останутся звездами всю неделю, потому что вы, английские дырки в заднице, не можете свое дерьмо при себе удержать, а вот американские парни могут, и не нравится мне ваше отношение, и я считаю, все вы играете, как английские педики, и мне начхать на то, что вы были из Битлов…

— Говоря откровенно, — прервал его Джон, — мне тоже.

Эти слова заткнули его собеседника, но Джон не мог отказать себе в том, чтобы поиграть в ножички немножко подольше. Он прочистил горло, опираясь подбородком на ладонь правой руки.

— А скажи-ка, — спросил, он, — все еще злишься на меня за свои фильмы?

Король нахмурился, но ничего не сказал; он никогда не был искусен в быстрых ядовитых ответах. Кейт скрыл ладонью свою мечтательную улыбку.

— Черт бы побрал долбаных английских уродов, — наконец проворчал он и начал пробираться назад к пульту. — Думаете, что это вы изобрели рок-н-ролл…

Солнце высветило буквы, выложенные из

полудрагоценных камней на спине его жилетки: ЗД — Займись Делом. Джон наблюдал, как уходит Король, некоторым образом печалясь за него. Года два назад, когда Элвис начинал ими руководить, он еще обладал полученной сразу после воскрешения стройностью, красотой и сексуальностью, оставшимися от зрелых годов его Солнечной Студии. Теперь он опять начинал становиться тучным, к общему негодованию, только еще хуже: он давал своим волосам расти как попало, и зад его отвисал под килтом. Хуже всего, что он превратился в зеркальный образ своего старого менеджера, хотя без искупающих качеств полковника. И петь он совершенно не мог. Зато он был Королем Благословенной Земли; если вам не хотелось быть рыбаком, фермером или рабом, вы играли по его правилам.

— Он был куда симпатичнее до того, как умер, — прошептал Кейт.

Джон засунул бычок в рот и задумчиво пожевал его, собирая на язык остатки жженой травки. Потом встал и грубо хлопнул барабанщика по плечу.

— Все мы были симпатичнее, — ответил он. — Теперь давай, друг. Назад, к жернову.

— Рок-н-ролл, — прошептал Кейт.

2

Остров был известен как Благословенная Земля. Через тридцать лет после Дня Воскрешения это было единственное место в мире, где можно было услышать живой рок-н-ролл, и существование его в значительной степени обеспечивали влиятельность и божья искра Элвиса. Он кое с кем договорился из власть имущих, набрал в команду титантропов, за два-три года отыскал воскресших музыкантов, сделал переводы песен… И вот наконец Элвису удалось организовать небольшую колонию на маленьком островке за сто миль вверх по Реке от Пароландо, нераскрытом скоплении грязи и камней, где обретались два невостребованных грейлстоуна. Не совсем неожиданно он решил назвать этот, остров Благословенной Землей. Так его и занесли на пароходные карты, название, под которым он стал известен сотням тысяч жителей Долин, услышавших о нем…

Остров Благословенная Земля имел только одно приносящее прибыль занятие: рок-н-ролл, исполняемый живо и громко. Элвис оказался достаточно оборотист, чтобы не посадить свои

оркестры на речные пароходы и не отправить их в концертные туры вверх и вниз по великой Реке; существовало еще слишком много нецивилизованных мест, где его группы могли потерять не только граали и с таким трудом организованное оборудование, но и жизни. Вместо того он благоустроил остров и дал знать, что супергруппы играют на нем шесть вечеров в неделю, восемь месяцев в году, и пускай все желающие приезжают к нему. Билеты можно приобрести на пристани в обмен на все, в чем нуждается пятьдесят постоянных жителей Острова Благословенная Земля, будь то рыба, материя, обработанные металлы, инструменты, открытые граали, речные продукты, дополнительное спиртное и сигареты, новые зажигалки, драгоценные и полудрагоценные камни, поклонники (особые поклонники) за неделю торговли получали доступ в обнесенный частоколом амфитеатр острова Благословенная Земля.

Каждую неделю к пристани причаливал другой пароход, выгружал очередных сто с лишним пассажиров, которые совершали торгово-обменную поездку вверх или вниз по Реке через Остров Благословенная Земля. Они окружали свои грузы на причале, потом отправлялись в торговые будки

на подветренном берегу острова, где находился грейлстоун для посетителей. Допускалось пребывание на Благословенной Земле ровно на неделю, с разрешением за дополнительную плату посещать амфитеатр. Однако, поскольку все оружие конфисковывалось на причале титантропами и посещение амфитеатра было скорее приятным, немногие отказывались платить. Это было место, где многие воскрешенные могли провести настоящие каникулы в новом мире.

Разумеется, Благословенная Земля имела свои обязательства и необходимость кое-что оплачивать. Надо было не только давать взятки соседним проживающим на Реке национальностям, чтобы они защищали постоянных жителей острова от вражеских нашествий, но и все театральное оборудование — от электрогитар до относительно простых приспособлений для улучшения звука и до гидроэлектрогенераторов, которые обеспечивали все энергией, — подлежало налогам, отдаваемых жителям Пароландо и Новой Богемии, которые, в свою очередь, получали львиную долю от прибылей Острова Благословенная Земля. В результате такой системы на острове было довольно мало возможностей для персональных благ постоянным жителям острова. Так как

считалось, что Король часто держит многих под наблюдением, трудно было бы не работать как следует. То есть, если стирание пальцев до кости игрой на грубых медных струнах ежевечерне нельзя считать работой…

На Благословенной Земле было два постоянных оркестра, и они каждый вечер в концертный сезон менялись. Один оркестр — американцы, Возрожденный Уондер Крик: Лоуэлл Джордж, певец и гитарист; Дуан Оллмен, гитарист; Берри Окли, басовая гитара, Род «Пигпен» Мак-Куэн, аккордеонист и гармонист, Деннис Уилсон, барабан и — когда она была трезва и способна добраться до сцены — Дженис Джоплин, вокалистка. Крикеры придерживались стиля графства Мэрии, который находил теплый прием у большинства жителей Долины, учитывая аграрные условия, с которыми они столкнулись со Дня Воскрешения; нетрудно было добиться успеха исполнением «Гордой Мэри» или «Смотри, как Река течет».

С другой стороны — «Зомби Мерси», которые находились в явно невыгодном положении. Им досталось смешанное наследство групп Битлз, Роллинг Стоунз, Ху и Секс Пистолз, и квартет мог справляться всего с несколькими номерами, приемлемыми для среднего уровня жителя Долины,

но звук у них больше приближался к исполнению Британского Нашествия (обоих из них), выдаваемый гитарами хард-рок, который, кажется, не устраивал большинство публики. Песни вроде «Холодный турок» и «Как мне надоели США» не говорили много публике, так удалившейся от проблем героина или Дядюшки Сэма. Отсюда — оба оркестра имели противоположные репутации. Если Дженис начинала бессвязно бормотать под действием лишайникового вина, с ней рядом всегда находился ее старый друг Пигпен, который ее выручал. А «Зомби Мерси» заслужили себе дурную репутацию тем, что на сцене иной раз начинали тузить друг друга, а за сценой устраивали кулачные бои и выяснения отношений… а Сид не мог отрицать, что иногда плевался в передние ряды публики, если слышал от них презрительные насмешки.

Не раз Элвиса спрашивали покровители Благословенной Земли, почему нельзя найти и нанять других воскресших рокеров. Обычно Элвис отделывался тем, что бормотал: «неплохая идея, друг, я над ней подумаю» или — «мы, знаете ли, выправляем контракт» — но настоящая причина состояла в том, что те музыканты, которых отыскали за долгий период его поисков талантов,

были единственными, кто до сих пор считал, что они имеют отношение к музыке. Джими Хендрикс был жив, но местом его пребывания стал теперь Соул Сити, где он изредка играл блюзы в дуэте с Робертом Джонсоном; никто из населения за пределами штатов африканского наследия никогда не слышал их исполнения. Хэнк Уильямс и Пэтси Клайн женились и владели фермой по нижнему течению, как и их ближайший сосед, Большой Боппер. Ронни Ван Зандт и Стив Гэйнс стали рыбаками; Бадди Холли и Ричи Вэйленс содержали небольшую авиакомпанию, полеты по Новой Богемии. Боб Марли имел репутацию революционера, тайно путешествующего по Долине Реки с целью вдохновлять и организовывать восстания угнетенных наций-рабов повсюду, где только он и его шайка проафриканцев могла их найти. Бон Скотт стал безнадежным наркоманом, бродягой без грааля, везде, где только мог, он садился на корточки и выпрашивал необходимые продукты и предметы в любой деревне, которая готова была его принять.

И никто не знал, что случилось с Джимом Моррисоном… если он на самом деле умер в Париже, когда все поверили, что так с ним и произошло.

3

Незадолго до заката грейлстоун распределял обед с обычными своими звуками и яростью. Поскольку публика сняла свои граали, титантропы отворили деревянные ворота в частоколе амфитеатра и позволили вновь прибывшим войти внутрь. Между тем, под факелами, окружавшими сидячие места, сотня вновь воскрешенных сидела на бамбуковых скамьях или стояла, ожидая, что оркестр займет места на сцене. Летний вечерний бриз доносил разные смешанные запахи — жареной рыбы, лишайникового вина, табака и сигарет с марихуаной — вместе с негромким жужжаньем голосов, нетерпеливыми свистками и хлопаньем ладоней. Звуки и запахи рок-н-ролла.

— Десять минут до начала, Джон.

Джон вернул занавес из рыбьей кожи на место: он раздвинул его на полдюйма, чтобы взглянуть на публику от входа за сценой. Он обернулся, чтобы посмотреть на костлявую молодую женщину, которая тихонько подошла к нему сзади.

— Уже прижал его для тебя, любовь моя, — сказал он терпеливо.

Она в явном смущении замигала; он ущипнул

складку на занавесе:

— Видишь?

Мэри Уэст Винд покраснела и опустила глаза в пол, смутившись из-за того, что вовремя не поняла предерзостный намек. Джон широко улыбнулся ей, чтобы показать, что он ничего такого не имел в виду, и она заметно успокоилась. Мэри Уэст Винд была цветущим ребенком из Сан-Франциско, пока шесть таблеток ужасного ЛСД не отправили ее навсегда на земляничные поляны. Здесь, на Благословенной Земле она служила рабочей сцены и дежурной поклонницей для обоих оркестров. Однако она была такая милая и невинная, что ни один из рокеров — и даже Сид, даже в самые распутные моменты — не осмеливался изнасиловать ее, хотя Джон полностью осознавал, что она отдает ему особое предпочтение.

— Король меня просил поручить тебе разыскать Брайана, — робко поведала Мэри. — Хочу сказать, я знаю, где он, но я не могу… хочу сказать, я не должна…

Джон вздохнул и протер ресницы большим и указательным пальцами. Зрение у него теперь стало совершенным, но ему все еще не хватало его очков. Точно как у Кейта с его прогнившим

золотым зубом.

— Знаю, знаю, — пробурчал он. — Проклятье… ладно уж, пойду поищу нашего искателя приключений.

Он начал отходить от занавеса; Мэри почтительно отступила, чтобы дать ему пройти к короткой лесенке, ведущей в артистические уборные. Повинуясь внезапному импульсу, Джон наклонился и по-братски быстро клюнул ее в щеку.

— Всегда стой на своем, дорогая, — шепнул он ей на ушко.

Мэри захихикала и опять покраснела, пока Джон скакал вниз по ступенькам.

Помещение за сценой было длинным деревянным сараем, разделенным на отдельные уборные и большую «зеленую комнату», помещавшуюся как раз позади выхода на сцену. Члены группы «Возрождение Уондер Крик» собирались в зеленой комнате, ожидая своего вечернего выхода. Дуан репетировал щипки на отсутствующей гитаре, Берри, Лоуэлл и Пигпен играли в покер, Деннис дремал на кушетке в углу, а Дженис, как всегда, начинала напиваться. Как и сам Джон, все они нарядились в простые килты, сандалии и рубашки или жилетки из кожи морского окуня.

Давно миновали дни тщательно продуманных театральных костюмов, вместе с вытянутыми в длину лимузинами и перегруженными дорогами, шампанским в охлажденных ведерках и подаваемыми обедами из пяти блюд, хрустальными бокалами для пунша, наполненными кокаином, и агентами, которые указывали в контракте непременные пять фунтов конфет MM's, да еще чтобы вытащили все красненькие…

С другой стороны, не хватало также многих людей, обычно болтавшихся прежде в помещении за сценой: излишне пестро одетых диск-жокеев, фотографов-неудачников, готовых запечатлеть вас, пока фотоаппарат вспыхивает вам прямо в лицо, так что фотография может быть опубликована в следующем номере «Биллборд», студийных репетиций, загромождающих коридор, движения руками и плечами в попытке затолкать втершихся сюда раболепных победителей местных состязаний с копиями альбомов, которые вы больше всего ненавидите, бормочущих пустомель, пристающих к вам, когда вы пытаетесь проложить себе путь в туалет, и, конечно же, поклонников с их спутанными волосами и разбитыми губами, которым не терпится трахнуть рок-звезду, так чтобы они смогли описывать

это событие еще десять лет в своих воспоминаниях; или, по крайней мере, заставить своих регулярных любовников невероятно ревновать. Учитывая все это, Джон был только счастлив, что все эти водные и претенциозные обычаи теперь удалены со сцены. Оставалась только музыка, чистая и простая, точно в заброшенном розовом саду, очищенном от лоз с широкими листьями и удушающими сорняками… Хотя некоторые вещи остались такими же…

Он прошел через зеленую комнату и спустился в короткий и узкий коридорчик к артистическим уборным. Сид был в своей комнате, очевидно, распростерся на кровати, его гитара прислонена к стене. Джон просунул голову в дверь, просунул пальцы в рот и резко свистнул.

— Вставай, вставай, убийца юный! — заорал он. — Время концерта!

Ресницы Сида зашевелились:

— Пошел ты… чертов хиппи, — пробормотал он из глубины своих наркотических галлюцинаций.

Но Джон уже вышел в зал, прошел по короткому боковому коридорчику, ведущему к двери на сцену. Внизу он услышал голоса, но не остановился, чтобы посмотреть. Вероятно, Король

взывает к силам ада ради кого-то другого, ради воображаемого или истинного проступка…

Дверь комнаты Брайана была заперта. Джон остановился и приложил ухо к пробковой панели; он слышал изнутри слабые стоны удовольствия между биением тела о тело. Он усмехнулся: Брайан занимается своим обычным предконцертным делом. И каждый вечер новая девушка; все, что ему для этого требовалось, это заглянуть в ближайший лагерь зрителей и поискать, пока не найдет птичку, которая не станет возражать, чтобы ее трахнул человек, учивший Мика Джаггера петь. Если бы все жители Долины не стали стерильными в День Воскрешения, Брайан, вероятно, целую деревню населил бы своими незаконнорожденными отпрысками к сегодняшнему дню… Но хватит — значит хватит. Пора работать. Джон набрал в легкие побольше воздуха, потом подавил желание заорать. Вместо этого он тихонько постучал костяшками пальцами в дверь, зажал свой нос большим и указательным пальцами, другой руки. Телеграмма для мистера Джонсона! — объявил он в нос. Облегченный вздох и женское хихиканье с той стороны двери.

— Иду! — весело отозвался Брайан.

— Уверен, что идешь, — обрадовался Джон. —

Осталось пять минут!

— Увидимся в полпятого. Опять подавленный смех.

— Прекрасно, сэр.

Джон мог не беспокоиться о том, чтобы Брайан вовремя пришел на сцену, это Сид доставлял всем сплошные неприятности. Теперь надо найти Кейта; еще ниже он мог слышать сверхактивное «ратта-тап-тап» — удары барабанных палочек по мебели. Кейт был наэлектризован и готов к представлению, как обычно. Ну, если только он снова не устроил полный погром в своей комнате… Когда он повернулся, чтобы пройти по коридору в другую сторону, Джона напугал тяжелый удар по его плечу. Он подскочил на полфута вверх, потом обернулся, чтобы обнаружить массивную волосатую фигуру титантропа, загородившую коридор.

Джон облокотился о стену, ухватившись рукой за колотящееся неистово сердце.

— Ой… Билли, это ты, — едва выдохнул он. — Ты меня вусмерть напугал, друг.

Билли был один из титантропов, которые работали на острове. Хотя у оркестров и групп редко возникали проблемы с людьми из слушателей, которые искали бы пути к артистическим уборным, Элвис настаивал на том, чтобы один из

титанов был записан в штат как обеспечивающий безопасность.

Билли охранял дверь выхода, мимо которой Джон только что прошел. Никакого списка гостей было не нужно: если Билли называли имя — как делал Брайан каждый вечер — Билли помнил это имя неделями, даже месяцами, и пропускал его носителя. А если кто-нибудь пытался его надуть или проложить мускулами путь к уборным, таким посетителям обычно давали урок перелета через частокол.

— Шозалею ваш бешпокоить, — произнес Билли с обычным своим акцентом, — но кто-то у двери наштаивает ваш видеть. Билли выглядел раздраженным, как если бы только из-за того, что ему приходилось сгибаться почти пополам, чтобы не стукнуться о потолок своим громадным черепом. Джон вздохнул: положение звезд рока умерло в этой жизни после смерти, но это обстоятельство все еще не препятствовало некоторым ревностным любителям стремиться получать автографы в самое неподходящее время.

— Скажи им, я уже собираюсь на сцену и повидаюсь с ними позже, — начал он.

— Он шкажал, он лучче повидает ваш шейчаш, — настаивал Билли. Прежде, чем Джон успел

ответить, он добавил: — Он ш Черкви Второй Попытки, шкажал, што ш тех пор ваш жнает.

Билли сделал паузу, затем еще добавил:

— Он шкажал, это вазно. Шкажал, его имя — Дзим. Джон растерянно смотрел на Титана:

— Джим? Я не знаю никого по имени…

Он осекся. Долгую-долгую секунду Джон простоял, таращась на Билли, пытаясь осознать, что он сказал ему. Когда до него дошло, что это значило, первым его импульсом было громко закричать, чтобы примчались Кейт и Брайан… черт, не только они, но еще и Дуан, и Пиг, и Дженис, и Мэри Уэст Винд, и кто-нибудь еще, кто помнил это волшебство, любого в пределах слышимости его голоса, кто помнил Ящерного Короля.

Джон вобрал в себя воздух.

— Извини, — пробормотал он, потом проскользнул под правую подмышку Билли и медленно пошел назад к пересекающему путь коридору. Позади он слышал нервный стук барабанных палочек, слабый женский вскрик оргазма. Все вокруг него было звуком: треньканье немых струн Дуановой гитары, чей-то смех над устарелой шуткой, отдаленное хлопанье ладоней в публике, ждущей увидеть ожившие легенды их прошлого. Джон пустился галопом…

Он остановился на перекрестке коридоров, вылупившись на открытую дверь. Свет факелов снаружи высветил фигуру в длинном одеянии, полуразличимую, стоявшую за дверью… Никто его, тем не менее, не окликнул. Никто не сделал жеста узнавания, никто не сделал знакомого движения по коридору ему навстречу. Только похожая на монаха фигура в строгом коричневом платье, на шее у которой висело спиральное ожерелье из рыбьей кости, ждала на самом пороге уборной. В темной яме капюшона лицо, в котором чудилось что-то знакомое, впервые увиденное много лет тому назад в Торонто, когда их имена вместе красовались на афише…

— Джим? — прошептал он. — Джим, неужели это ты?

— После концерта, Джон. — Голос звучал очень низко, но ошибки быть не могло — это тот самый голос. — Приходи сюда, когда отыграешь.

И фигура растаяла в тенях, дав двери снова медленно затвориться.

Джон глазел на нее до тех пор, пока Кейт не стукнул его одной из своих барабанных палочек и не напомнил ему, что люди ждут. Впервые за тот промежуток времени, который хоть кто-то мог помнить, Джон опоздал выйти на сцену.

4

Концерт «Зомби Мерси» продолжался около часа; никто не удивлялся, а меньше всех — Джон, что выступление вышло неудачным.

Джон давным-давно уже понял, что истинной проблемой группы было то, что при всей расстановке звезд, все ожидали услышать свой любимый репертуар Битлз, Роллинг Стоунз или группы Ху, или Секс Пистолз. Однако между возможностями членов каждого оркестра была большая разница, которая не могла быть легко преодолена тем, что все они были британские рокеры; это все равно что ждать сотрудничества Нэта Кинга Коула и Джими Хендрикса лишь на том основании, что они оба — черные американские музыканты.

В то время как для Кейта, например, было возможно в совершенстве выстучать атомную атаку во вступлении к мелодии «Я вижу на целые мили», Джон затруднялся в пении слов. Хотя Джон и Брайан были вполне счастливы исполнять «Рубиновый вторник» — единственную песню, общую для двух их групп, — Кейт почти засыпал на своих барабанах, а Сид строил гримасы на публику, по-

казывая, как ему скучно. Джон отставал от Сида в песне «Анархия в Соединенном Королевстве»; Брайан строил страшные рожи при маниакальном звуке басов и ударах по струнам гитар, а Сид с трудом выдерживал деревянные духовые инструменты Брайана при исполнении «Не всегда получишь то, что хочешь». Единственная песня, в которой все четыре музыканта сыгрались вместе, была «Суета-маята», несмотря на то, что было совершенно ясно: этот номер публика все еще связывала с Чарльзом Мэнсоном; даже когда оркестр выдавал повторные аккорды, слишком многие лица слушателей выглядели так, словно на сцену вдруг выползли четыре гигантских таракана. Мэнсон и его оркестранты буквально испортили эту песню на веки-вечные. И только когда три остальные члена группы покидали сцену, чтобы дать Джону спеть «Вообрази» в качестве финала, толпа зрителей, казалось, просыпалась от ступора, в котором сидела с остекленевшими глазами, и даже подхватывали припев. Хотя это вовсе не было так уж неожиданно: именно эта песня затрагивала струнки в сердцах жителей Долины, которые, в конце концов, оказались возрожденными в мире без границ, стран или флагов. В заключение песни Джон вставал из-за

самодельного пианино среди растущих аплодисментов, один раз раскланивался — и благодарно покидал сцену.

Все в полном составе уже слонялись по зеленой комнате; Кейт боролся врукопашную с Дуаном, Брайан начал разговор с Дженис, Берри и Деннисом, а Сид молча устроился в уголке, вылупившись на всех присутствующих с презрением некогда бывшего в моде панка. Джон прошел мимо них совершенно незамеченным, остановился возле своей уборной, чтобы положить гитару на кровать, потом несколько мгновений постоял, нерешительно вглядываясь в пакет, обернутый рыбьей кожей, лежавшей на столе.

— Что за черт, — пробормотал он про себя.

Затем он вытащил из пакета косячок, вышел из комнаты и направился вниз по коридору, к выходу.

Билли занимал свой пост, сидя возле открытой задней двери на громадном дубовом табурете. Когда Джон появился, великан вскочил.

— Он вше здет ваш, — доложил он. — Я шпрошил, мозет он в васу комнату пойдет, но он не жахотел.

— А, черт… извини, Билли, вше в порядке, — титантропический акцент Билли был некоторым

образом заразителен. — Поговорю с ним за дверью.

Билли понимающе кивнул. Джон похлопал его по волосатому предплечью и вышел из здания.

Окруженная деревьями территория позади сценического сарая была темной, ее освещали только два мерцающих наполовину выгоревших факела, обозначавшие путь к внешним домам. Джон слышал ритмические удары ладоней публики, вызывавшей вторую группу выйти на сцену. Глаза его привыкли к полутьме после ярких огней сцены и стали оглядывать тени.

— Джим? — тихонько позвал он. — Эй! Джим? Закутанная фигура, которую он видел раньше, вышла из тени дуба.

— Здесь, — сказал спокойный голос внутри поднятого капюшона.

Джон сделал шаг вперед, затем нерешительно остановился.

— Если это в самом деле ты, — ответил он, — дай мне увидеть твое лицо.

После секундного колебания руки этого существа задвигались в темных складках его одеяния и опустили капюшон. Еще через мгновение он ступил еще дальше в полосу света, демонстрируя себя Джону.

Это был и в самом деле Джим, но совсем не тот Джим, которого он помнил. Его темные волосы больше не спускались до плеч, вместо того они были коротко подстрижены, очень коротко, почти как у монаха. Лицо все еще отличалось поразительной красотой, но знакомое сияние мужественного мальчика совершенно исчезло, оставив только нейтральное, почти блаженное выражение. Джим, во всяком случае, умер, раздавленный пьянством, его внутренние ощущения были похищены алкоголем и наркотиками.

Теперь он выглядел снова омолодившимся, но выглядел как закутанный в плащ силуэт, стоящий в этом скудном освещении, точно он материализовался из одной из поэм Уильяма Блейка, который произвел на него, студента факультета искусств, громадное впечатление.

— Ты немного изменился, — констатировал Джон.

Глаза Моррисона блеснули под тяжелыми веками:

— Мы никогда не были с тобой близки, Джон, так как же ты можешь судить, насколько я изменился? — Он поднял руки, рукава соскользнули вниз. — Может, я всегда такой и был.

Джон усмехнулся:

— Никогда не видел тебя в таком одеянии на обложке альбома «Роллинг Стоунз». — Джим только во все глаза глядел на него, нисколько не развеселившись. Джон вытащил косячок, который он прихватил, выходя из своей комнаты. — Не присоединишься ли ко мне для небольшой затяжки? — Джим не ответил. — Что, больше не употребляешь наркотики, а? А что если нам пойти и подцепить каких-нибудь девчонок в таком случае? — Ответом снова было молчание. — Ну, почему бы тебе не пойти со мной и не найти дело для твоего члена, в память о старых временах, а?

Глаза Джима на секунду зажмурились, он как бы сдерживал себя.

— Я теперь вне всего этого, — ответил он невыразительно.

— Но — да, ты прав. Я переменился.

— Вот я и то заметил, — Джон вставил в рот косячок, прикурил от зажигалки и втянул в себя терпкий дым. В одной жизни человек носит облегающую черную кожу и французские шелковые рубашки, а в следующей украшает себя мешковиной и золой. Фокусы. — Ты концерт слышал? — спросил он, выдыхая через нос.

— Слышал.

— Не совсем, конечно, восторженный отзыв… —

Джон наклонил голову в сторону двери. — Эй, а почему бы тебе не войти — и я тебя представлю другой группе? Большинство из них думает, что ты не исполнял этого, но они с удовольствием дадут тебе посидеть среди них. Господи, ты же, по крайней мере, сможешь получше них исполнить «Зажги мой огонь».

Слабая попытка улыбнуться.

— Вероятно… но я больше не пою.

— Правда? — Джон начал было следующую затяжку, но внезапно почувствовал себя дураком. Он наклонился, чтобы выплюнуть окурок в траву, потом отбросил его подальше. — Какая потеря… — Он сделал паузу, глядя в сторону неиспользованного окурка. — Знаешь, наверное, я тебе не говорил, но ты был действительно очень, очень хорош. Я даже чуточку завидовал твоему голосу. И некоторые вещи, которые ты писал, особенно стихи…

— Не для того я сюда пришел, Джон.

— Так какого дьявола ты сюда пришел, Джим? — Джон в запальчивости сложил руки на груди и уставился на ученика. — Пришел, чтобы важно постоять тут и посмеяться в рукав над дураком, который все еще поет пять вечеров в неделю «День триппера»?

— Я не смеюсь над тобой.

— Боже! — вскричал он, внезапно по горло сытый этим разговором. — Ты рассуждаешь, как вонючий священник! Джон импульсивно резко повернулся и начал пробираться назад, к двери. Он уже был почти внутри сарайчика. Билли, приподнявшись с табурета, готов был отойти у него с дороги — когда Джон так же импульсивно повернулся назад.

— Из всех людей в мире, — рявкнул он, указывая пальцем на фигуру в плаще, — я мог бы, по крайней мере, от тебя ждать честности!

Лицо Джима оставалось пассивным, но на мгновение в его глазах короткой вспышкой мелькнуло раздражение.

— Я так мало тебе сказал, — голос его звучал спокойно. — До сих пор говорил главным образом ты.

На несколько мгновений они уставились друг на друга.

Через дверь Джон слышал доносившийся из коридора крик:

«Ты, гребаный, трахнутый-перетрахнутый, с какой стати ты выдаешь эту гребаную песню, как…» и — «Катись отсюда, ты, пидор!» Судя по этим звукам, выясняют отношения после концер-

та Кейт и Сид.

— Билли, поди, прекрати это, пожалуйста, — пробормотал Джон, не глядя через плечо.

Он услышал, как табурет двинулся назад, и Билли начал маневрировать своим телом размером с хороший бьюик, пробираясь в коридор. Если Сид неблагоразумно не попытается опять стукнуть Билли, исход стычки можно считать решенным. Джон поколебался, затем пошел назад туда, где Джим терпеливо поджидал его.

— Ну, так говори же, — предложил он.

5

Далеко за полночь Джон лежал в своей палатке, разглядывая длинный деревянный центральный шест.

Мэри Уэст Винд крепко спала рядом с ним, большая часть простыней обернута вокруг ее нагого тела. Повинуясь порыву, он привел ее в свою палатку после представления; они занимались любовью с неистовостью подростков, все же, несмотря на свой пыл, она уснула почти сразу после того, как кончила. Джон, однако, почувствовал почти облегчение; он не был расположен разговаривать, на самом деле он чувствовал отдаленность от нее, даже посреди их любовных судорог. Они использовали друг друга каждый в собственных интересах: она, наконец, затащила в постель сексуального на вид парня с задней обложки «Познакомьтесь с Битлами», а он нашел временное облегчение от внутренних темных мыслей.

Теперь он лежал обнаженный поверх одеял, прислушиваясь к прохладному ночному бризу, припоминая другую позднюю ночь в иной жизни.

Как он выходил из машины со своей женой, держа под мышкой записи передачи на студии, сделанные в тот день. Обычная толпа собирателей автографов и фэнов повисли на передней дверце Дакоты. Пройдя на тротуар, Йоко шагала впереди него, расчищая ему дорогу в открытую арку входа в здание. Он чувствовал себя довольным сегодняшней работой, предвкушая, как будет играть со своим маленьким сычом, прежде чем его уложат спать…

Откуда-то сзади него позвал голос какого-то молодого человека:

— Мистер Леннон?

Поворачиваясь, он увидел затененную фигуру в боевой стойке за каких-нибудь пять футов, целящуюся из пистолета прямо в него.

Едва ли миг суматохи, он хотел что-то сказать… пока громкий пистолетный выстрел, вспышка из дула, страшная сила пяти пуль, которые вогнали в него…

Как он повернулся кругом, как кричало в агонии тело как сознание онемело от того, что только что произошло, как он не мог поверить, что в него только что стреляли… как спотыкаясь, приближалась Йоко… Боже, в него стреляли… Он умирает, говоря что-то, что он не может при-

помнить, своей дорогой жене, а привратник уже мчится к нему…

Сирена скорой помощи, кричащие голоса, кругом полисмены, холодная поверхность тротуара… беглый взгляд на молодого человека, стоящего на кромке тротуара и читающего книгу в бумажной обложке… его укладывают на носилки… тошнота, слабость, ощущение, что он уходит за пределы пространства и времени…

— Вы знаете, кто вы? — мягко спрашивает бесплотный голос фараона перед концом…

Что ж, констебль, по крайней мере, я думаю, что знаю. То есть, всего миг тому назад имя было у меня на кончике языка, как раз перед тем, как какой-то ненормальный олух меня подстрелил. Я однажды с королевой за руку здоровался, и я абсолютно уверен, что играл однажды «Стадион», если вы об этом спрашиваете. Но, если только вы дадите мне несколько минут, я уверен, что смогу найти правильный ответ. Мммм… вы не станете возражать, чтобы ответ был неоднозначный, нет?

— Не так уж, к чертям, и смешно, — прошептал он себе самому.

— Мы не можем позволить вам продолжать, — сказал тогда Джим. — Слишком вы опасны.

Не думая об этом в действительности, Джон медленно перекинул ноги через край кровати; они начали отдыхать на грубых деревянных досках, на которых была раскинута палатка, и в течение нескольких секунд он вглядывался в темноту, прислушиваясь к ритмичному дыханию Мэри.

— Нам дается шанс, ты что, не понимаешь? — Голос Джима был почти умоляющим. Нас принесли сюда старики, каждый из нас из незапамятных времен, чтобы достигнуть персонального спасения через наши личные дела. Мы еще можем добиться единения с Богом, Джон, но только если дадим себе шанс… Он мог слышать, как течет Река в темноте. В нижнем течении, где-то недалеко, выдолбленные каноэ плавно проделывают путь к Благословенной Земле, в них гребут члены Второй Попытки, которые ждали этого часа, когда все на острове будут спать.

Но ты и другие оживили старые пути. Вы принесли технику на этот остров, где некогда существовать только поддерживающие жизнь грейлстоуны, и вы используете эту технику, чтобы проповедовать зло. Вы снова принесли поклонение идолам, дебоши, похоть всевозможных видов… все то самое, что я сам осуществлял до

возрождения…

Джон наклонился и поднял с пола килт, который Мэри сорвала с него. Его взгляд блуждал по различным предметам, лежащим на столах и стульях вокруг его палатки — по запасной одежде, по его граалю, по резной деревянной табакерке и других сделанных вручную предметах украшательства, подаренных ему посещающими его поклонниками, по гитаре, — пока его глаза не остановились на длинном плоском предмете в углу.

Я-то надеялся, что ты можешь присоединиться к нам, но теперь вижу, что это невозможно. Все, о чем я прошу теперь, — чтобы ты получил мое свидетельство и понял, почему мы сделали то, что должны сделать, почему я привел их сюда…

Джон протянул руку и взялся за нож из рыбьей кости, вытащил его из ножен. Слабое красноватое сияние отразилось на его блестящей белой поверхности.

Рок должен умереть, Джон…

Он огляделся; через открытые клапаны палатки он увидел неожиданное сияние огня из амфитеатра.

Ты должен это признать…

И он исчез в глубоких ночных тенях.

— Черта лысого я это сделаю, — шепнул он огню. Сжимая нож в кулаке, он вышел из палатки.

По всему лагерю уже раздавались крики, крики удивления, гнева, шока, отчаяния. Он видел, как из палаток выскакивают люди, недоверчиво глядя на огонь, который пожирал территорию сцены. И вот пошли новые языки пламени, поменьше, помещение за сценой, столбы для усилителей, пульт, все по очереди охватывало пламя, а отдаленные фигуры, закутанные в плащи, перебрались через частокол и осуществляли поджог амфитеатра. Все здесь сделано из дерева; раз сюда пустили огонь, все погибнет за считанные минуты.

Жар обдал его кожу. Он услышал, как в гневе ревет Элвис. Он видел сквозь деревья, как люди из публики движутся к осажденной сцене. Кто-то невдалеке пронзительно кричал от смертельной боли, внезапно крик прекратился, когда другой нож нашел пассивное горло сторонника Второй Попытки.

— Джон? — позвала его Мэри откуда-то сзади. — Джон, что происходит?

Джон проигнорировал ее. Где-то в центре пожара ждал его Джим, прыгая с факелом в руке, поджигающий драгоценное звуковое оборудо-

вание и акустические приспособления, и его, Джона, собственное, грубое, но незаменимое пианино.

Музыкальная техника, по мнению группы религиозных фанатиков, бывшая корнем зла, подвергалась систематическому уничтожению. Джон сделал еще несколько шагов в ночь. Не особенно трудно будет найти Джима. Он должен убедиться в том, что тот умрет, прежде чем покинет Благословенную Землю; он только не сказал Джону, что собирается сделать, и Джон пытался убежать от грубой реальности угрозы тем, что взял к себе домой маленького цыпленка-хиппи. Если курить достаточно наркотиков и достаточно долго трахаться, можно избежать соприкосновения со всем на свете. Дьявол, когда доходило до этого, он был классным мировым чемпионом, когда нужно было избежать ответственности. Нет, хватит. Только не тогда, когда что-то, что он любит, поджигают факелами.

Мэри все еще выкрикивала его имя, когда он сделал еще несколько шагов в темноту, его ладонь покрывалась потом, держась за рукоятку ножа. Найти этого трахальщика. Схватить его за шею. Взрезать его распроклятую глотку…

— Вы знаете, кто вы такой? — снова спросил его

безымянный полисмен в машине «скорой».

Он остановился у следа. Он почувствовал, как его колени дрожат, а он нагнулся к земле. Он вспомнил клуб «Пещера». Он вспомнил зал Альберт-Холл. Он вспомнил первые американские гастроли и группы, которые рыдали над клочками земли, где он проходил. Он вспомнил, как поехал в Индию в то время, как умирал Эпштейн. Он вспомнил финальное представление на крыше в Лондоне с ребятами до того, как они стали считать это освобождением. Он вспомнил, как влюбился в Йоко. Он вспомнил их антивоенную демонстрацию — и все другие бесчисленные протесты и демонстрации против войн и насилия. Он вспомнил, как родился Джулиан, потом — Шон. Он вспомнил тот единственный раз, когда встречался с Моррисоном, за сценой в Торонто, когда еще гремели Пластик Оно Бэнд и Дорз. Он вспомнил, как написал песню о том, что нужно дать шанс миру… — Господи Боже, — шепнул он, — что же я наделал? Он не помнил, как бросил нож. В действительности, он помнил только то, как Кейт уселся рядом с ним на траву, зажег сигарету с марихуаной и предложил ему.

6

Не видел ничего подобного с тех пор, как мы в кабаках играли, а, дружище? — сухо спросил Кейт. Джон посмотрел на сигарету и тряхнул головой:

— Не совсем точный звук, — продолжал Кейт, — но ритм хороший, и под него можно танцевать. Ах-ха-ха-ха-ха! Впервые смех его звучал искусственно. Джон продолжал молча вглядываться в горящий амфитеатр. Свет огня отражал верхушки деревьев, человеческие силуэты, носящиеся взад и вперед мимо сцены; в воздухе пахло горящим деревом. Титантропам удалось сформировать бригаду с ведрами из разных музыкантов и зевак, но непохоже было, чтобы это принесло какую-то пользу.

Амфитеатр Благословенной Земли был на пути к тому, чтобы стать историей, чтобы его отстроить требовалось нечто большее, чем постоянная обаятельность Короля. Кейт подобрал нож и играл с ним, как будто бы собирался поиграть в ножички и делал первый круг.

— Знаешь, ты ведь мог его остановить, — сказал он спокойно.

Джон вскинул на него тяжелый взгляд.

— Я хочу сказать, — продолжал Кейт, — я видел, как вы вдвоем болтали, поэтому полагаю, что ты знал о том, что произойдет…

— Но убивать его бессмысленно.

— Гммм, что-то тут есть. Но почему ты, по крайней мере не дал знать остальным?

— Я не думал, что он, и в самом деле, имел это в виду. До той минуты, пока стало уже слишком поздно. — Джон с минуту подумал, потом пожал плечами. — Не уверен, была бы какая разница или нет. Элвис вышвырнул бы его с острова, но на этом дело бы не кончилось. Если бы даже мы остановили его на этот раз, он бы просто явился снова позже.

Взгляд его вернулся к пламени.

— А так эти дырки в заднице получили, что хотели. Теперь они больше не вернутся.

— Верно. — Кейт воткнул нож в землю, сделал одну затяжку и передал сигарету Джону. Джон смотрел на него с мгновение, потом взял косячок из рук барабанщика.

— Ну что же, я считаю, это ужасно глупо.

— Ты не собираешься никому рассказывать, нет? Кейт выпустил дым и нахмурился:

— А что, я похож на наркомана? — Он отрица-

тельно покачал головой. — Но что заставляет тебя думать, что будет еще следующий раз?

Джон цыкнул, допустив, чтобы сигарета горела между его пальцами.

— Вот что, друг. Тебе бы лучше знать. Так легко рок-н-ролл убить нельзя. — Он опять посмотрел на сигарету, потом погасил ее о землю. — Я хочу сказать, ты можешь изгнать его из школ и сжечь все пластинки Биттлов, и всем мозги перепилить, что это дьявольская музыка, и все такое прочее, но слишком это сильный зверь, чтобы его свалить. — Он махнул рукой по направлению к огню. — Значит, сцену подожгли факелами. И что с того? Мы ведь всегда можем построить новую. Рок-н-ролл никогда не умрет.

— Раз ты так говоришь, — Кейт снова подобрал косячок, выпрямил согнутую бумагу и осторожно прикурил снова. Откуда-то издалека они услышали еще один пронзительный крик.

Интересно, подумал равнодушно Джон, может, это Джим.

— Но вообще-то в следующий раз, — Пробормотал Кейт, — вряд ли мы будем петь у Элвиса?

Джон лукаво улыбнулся:

— Только если он вернет мне мои очки, — сказал он, наблюдая за тем, как дым и огонь

поднимаются в свет восхода на бесконечной Рекой.

— Да, — согласился Кейт, — Правильно. А мне — мой золотой зуб.

— Да не начинай ты опять про этот гребаный золотой зуб!

Майк Резник, Барри Молзберг
Всяк человек бог

1

Селус молча пробирался по труднопроходимой лесной тропе, иногда бросая взгляд назад и стреляя туда. Он особенно не беспокоился: шорох сухих листьев и веток предупредит его, если преследователь подберется к нему слишком близко.

Он увидел небольшой ручей, остановился, чтобы утолить жажду, потом зашел до середины ручья в воду, повернулся налево и прошел с четверть мили, затем выбрался на берег.

На другой стороне чаща была гуще, и ему доставляло немало труда продираться сквозь нее. Он вгляделся вдаль натренированным взглядом, отыскал кривое дерево, которое заметил прежде чем входить в густое скопление деревьев, и, используя его как отметку своего пути, сделал большой полукруг, огибая самые труднопроходимые заросли терновника.

Через некоторое время он дошел до дерева. Он знал, что за ним простирается травянистая равнина, недостаточно большая, чтобы быть саванной, но именно такая, какую он должен беспрепятственно перейти, один и невооруженный. То и дело он осматривал землю, чтобы найти сле-

ды каких-нибудь животных, но ничего не видел.

Он выбрался из последнего кустарника и стоял на краю равнины. Тишина была почти осязаемой: ни птиц, ни обезьян, ни даже жужжания насекомых. Он прикинул, что сможет перебежать через равнину в безопасности к лесу позади нее, вероятно, за три минуты, но колебался, не привлечет ли он внимания каких-нибудь хищников, которых может раздразнить вид бегущего человека, а потому он начал идти не спеша, осторожно, все ощущения его были напряжены.

К собственному удивлению, Селус проделал весь путь к деревьям, не увидев никакого признака жизни, даже такого не большого его свидетельства, как бабочка. На некоторое время он был охвачен сомнением: неужели его лесное чутье докинуло его в этом странном новом мире? И тут он заметил едва видимые признаки кого-то: сломанный прутик, поврежденный листок, человеческий волос, зацепившийся за низко свисающую ветку, и понял, что все еще находится на верном пути. Бартон проходил здесь.

Разумеется, Бартон не знает, что Селус следует за ним; тот пробудился в Мире Реки не позднее, чем вчера. Эти два человека встречались только однажды, и не более, чем на двадцать минут, в

Занзибаре.

Но, когда Селус проснулся в Мире Реки и начал искать ответы, немногие люди, которых он встречал, упоминали того, второго англичанина, исследователя, говорили, что он проходил по этому пути перед Селусом, и, складывая вместе обрывочные кусочки сведений, он решил, что это Бартон, и немедленно начал его выслеживать.

Каждый сам по себе, эти два человека открыли половину Африки; вместе они могут отыскать какой-то способ прояснить тайны Мира Реки.

И все же, в течение последних трех часов, он начал сознавать, что, пока он выслеживает Бартона, кто-то другой выслеживает его. Это мог быть друг, это мог быть враг — но один и невооруженный, каким он был, он не имел намерений оставаться легкой добычей, если это был враг. Он готов встретить своего преследователя, но сделает это на своих собственных условиях.

Он прошел еще милю, все время насторожившись, все еще отказываясь верить, что такой примитивный нетронутый лес абсолютно лишен животной жизни. Наконец, он замедлил шаг.

Деревья стали реже, и, если бы он захотел поставить ловушку, не было никакой уверенности, что он не найдет лучшего места для нее дальше.

Он взял веревку, которую сплел, отыскал крепкое дерево нависающее над тропой, по которой он пробирался, и перекинул через него веревку. Поманипулировал ею на краю ветки и воспользовался своим весом, чтобы опустить ветку на такой уровень, где он мог бы достать ее и привести в определенное положение. Затем привязал один конец веревки к дуплу дерева, старательно сделав так, чтобы она не была видна тому, кто будет приближаться в том направлении, в каком только что шел он сам.

И установил ловушку, прикрыв петлю листьями и палочками.

Недостаточно удовлетворенный этим, он нашел несколько упавших веток и тщательно расположил их вдоль тропинки, стараясь, чтобы они выглядели естественно, так, чтобы тропа постепенно сужалась и его добыча неизбежно должна была ступить одной или обеими ногами в назначенный круг.

Наконец, он отступил назад, чтобы осмотреть свою работу.

Она никогда не обманула бы леопарда, этого самого осторожного из животных, но он не мог вообразить себе ни одного другого живого существа, включая и человека, которое заметило бы

хотя бы единственный прутик, лежащий не на месте. Селус был охотником, не следопытом, ему не хватало ощущения тяжести ружья в руках, но слишком много лет он провел в буше, чтобы не подметить, как туземцы, не имеющие ружей — хотя они, возможно, стали бы пользоваться ими, как дубинками, если бы овладели ими, — ловили зверей для того, чтобы их есть.

На секунду он пожалел о том, что его друг Теодор не с ним. Знание буша может завести далеко, и тогда, даже посреди зарослей, вы обнаруживаете, что даже еще больше вам нужно знание государственных дел. И никто не способен очаровать толпу, будь это республиканцы, демократы, британцы или массаи, как Рузвельт.

Селус вспомнил прошлый раз, когда он его видел. Это было ровно восемь лет тому назад — или восемь тысячелетий? — когда он устраивал первое профессиональное сафари в истории континента и без всякого умысла создал громадный новый бизнес, когда нанял охотников, трапперов, кожевников, гончаров, поваров, ребят, обустраивающих лагерь — общей сложностью пятьсот человек — для африканской охоты экс-президента.

А потом Рузвельт опять вернулся на должность

президента, и началась великая война, и, хотя ему было уже за шестьдесят, и большую часть своих лет после сорока и до пятидесяти он провел в буше, он остался британцем до мозга костей, и немедленно вызвался собрать полк, чтобы форсировать Ган возле Танганьики.

Да, теперь Селус все это живо вспоминал. Как он вел, своих людей через границу, как потом они плыли на плотах вниз по реке Руфиджи. Сражения, победы. А потом, когда он сидел и завтракал возле совей палатки, из ниоткуда выскочила немецкая пуля и нашла для себя самое подходящее место прямо у него в горле. Он попытался вскрикнуть, но захлебнулся в собственной крови.

Он всегда ожидал, что смерть найдет его в Африке, возможно, в когтях льва или между бивней слона, возможно, он умрет от какой-нибудь тропической болезни, возможно, в каком-нибудь сражении, против реки Ган. Но умереть вот так, сидя и прихлебывая чай…

Теперь он припомнил, что тогда пытался крикнуть: Бессмысленно! Бессмысленно!

Как у человека, жизнь которого что-то значила, его смерть тоже должна была иметь смысл, и получилось, как будто война и немецкая пуля

сговорились лишить его жизнь смысла. Что значат книги, которые он написал, что значит его обращение из охотника в сторонника экологии, борющегося за сохранение природы, что значит его служба Империи, если последним действием его жизни должно было стать клокотание в горле, когда он выплевывал изо рта чай с кровью пополам? Его жизнь читалась, как книга, которая шла к кульминации, а потом, на последней странице, обратилась в фарс. Возможно, эта новая земля, этот Мир Реки, был создан, чтобы дать ему второй шанс, и, когда его рука осторожно искала рану, более не существующую, он молчаливо решил использовать его.

Внезапно Селус услышал резкое «крак» — звук ломающейся веточки, и он снова стал охотником. Он тихо растаял в буше, ожидая, чтобы его преследователь подошел ближе — и еще ближе — к тому, что он теперь считал своим местом охоты, затем он скорчился и ждал с жутким терпением одного из хищников, на которых прежде так часто охотился.

Шаги приблизились, и Селус поборол искушение выглянуть сквозь кусты, чтобы определить природу своего преследователя. Это станет ясно меньше, чем через минуту, если только он не

сделает какой-нибудь глупости, чтобы выдать свое местоположение, а он не для того прожил до начал седьмого десятка, чтобы быть глупым.

Еще тридцать метров, прикинул Селус. Теперь — двадцать, теперь десять, теперь…

— Что происходит? — требовательно спросил разгневанный голос. — Выпустите меня сейчас же!

Селус выпрыгнул из своего убежища и обнаружил, что его ловушка зацепила белокожего блондина, который перекувырнулся вниз головой, с одной ногой, подвешенной в самодельном лассо.

— Кто вы такой и почему меня преследуете? — вопросом ответил Селус.

— А на кого я похож, дурень этакий? — рявкнул человек.

— Вы похожи на человека, который находится не в том положении, чтобы выставлять требования, — сказал Селус.

— Человека? — пронзительно выкрикнул пленник. Вы что, не можете узнать бога, когда поймали его?

* * *

Хьюи Лонг посмотрел на Бетховена и подумал: «Ах ты, хитрый ублюдок! Ты еще хитрее, чем я бы когда-нибудь подумал, — но ты тоже тут заперт, разве не так? Для тебя это вовсе не по-другому, чем для меня».

Они упорно пробивали себе путь из города на равнины, а вокруг них сражающиеся разновидности красношеих — именно так он, во всяком случае, их воспринимал — казалось, поднимались и падали в грязь, крича на него, чтобы он продвигался, чтобы двигался назад, чтобы убирался отсюда. Или, может быть, Хьюи все это сочинил, может быть, они вовсе ничего не говорили. Может быть, и не было тут никаких красношеих, а у него просто галлюцинация, и он навоображал себе целую кучу их.

Может быть, это просто какой-то отвратительный сон, а он лежит себе на спине в здании Капитолия, спиртное бродит у него в желудке, а кровь струится из него, и люди плачут, вынося его.

Может быть, он проснется в белой комнате, и к его голове прикреплены разные трубочки, а все это останется позади.

Однако Бетховен казался достаточно реальным. Солидный немецкий парень, пять футов шесть дюймов, крепкого сложения, а по всей поверхности щек — прыщи.

Хьюи продолжал продвигаться, он тянулся вперед, прыгал проходил взад и вперед по грязи, не очень-то преуспевая из-за моросящего дождя и из-за того, что красношеие на расстоянии приободряли его (или ему хотелось так думать).

Это истинное проклятие, проклятая жареная рыба, такая непритязательная, проклятие пробираться по этой грязи, а еще и этот Бетховен прицепился сзади, приноравливая шаг к его шагу, а назад еще более длинный путь, думал он.

Но ничего нельзя с этим поделать. Это была идея Бетховена — покинуть город. Для Хьюи в этом был какой-то смысл: определенно не было никакой причины, чтобы цепляться за этот город, сражаясь за пищу, а еще сильнее сражаясь за внимание, пытаясь освободить немного пространства между пестрыми ордами, желающими его смерти. (Это было условие для Хьюи в этом месте, проницательность, которой он доверял, на которую полагался из непосредственности старого эксперимента; там люди настолько поглощены собой, что они могли убить его).

Если Бетховен хотел уйти, для Хьюи Лонга все было в порядке.

Бетховен имел свои причины, у Лонга были другие, но суть заключалась в том, чтобы образовать расстояние между ними и остальными.

О, он хотел бы избавиться и от этого персонажа, но Бетховен привязал его к себе этими сверкающими глазами, этими глубокими страстными глазами, выпуклыми, которые Хьюи Лонг мог понять, видев их тысячи раз.

— Императора нет, — сказал Бетховен, — я думал, что он там, но я ошибся.

Что ж, с Хьюи все в порядке. В Америке тоже нет никаких императоров, если не считать, что каждый человек король, Каждый человек сам себе король; это дошло до него, а дальше дойдет еще лучше.

— Император мертв, — снова повторил Бетховен. — Все умерли, все умерло. Это должно быть единственным объяснением. Вот почему мы здесь. В смерти нет ничего, кроме предательства. Конечно, я это видел в Missa Solemnis, в торжественной мессе. В конце, глухой и безумный, я мог видеть все до самого дна. Хотя, здесь я не глухой; я наполнен звуком и светом, но нет цели. Императора нет.

— Ты не прав, — солгал Хьюи. — Иногда император есть.

Все, что угодно, чтобы успокоить Бетховена, чтобы отвлечь его от этой странной угрюмой ярости, которая находит на этого человека. Между тем, надо идти, не обращая внимание на компанию, которая у тебя имеется. У Босса свои планы. Дайте ему перерыв, дайте ему равную возможность в этой неразберихе, и он сможет найти способ, чтобы все осуществилось для него.

Выбраться из города — это достаточно приличный первый шаг.

Вообще-то это не столько город сколько большой лагерь.

Бетховен называл это городом, но это верно, действительно, для иного времени и места нужна другая терминология.

Ладно, сказал он себе, только продолжай идти.

— Пфуй, — сплюнул Бетховен.

Было странно, как Хьюи удается понять некоторые немецкие односложные слова, и никакие другие, как язык Бетховена выделяется среди иностранной речи и понятного эсперанто. Это было другое обстоятельство, которое для него слишком сложно, нечто такое, о чем ему не хотелось говорить, не хотелось размышлять…

— Император меня предал, — сказал Бетховен. — Сначала он, потом остальные. Все они. И оставили нас тут разбираться с этим предательством.

— Ты, вроде бы, слегка ранен, сынок, — сказал ему Хьюи.

— Тебе надо чуток успокоиться.

— Надо начинать сначала, — не слушал его Бетховен. — Они это обещали, этого я ищу. Но как может быть новое начало, когда все da capo, и опять, и опять, и ничего fine.

— Я тебя не понимаю, — не без доброты заметил Хьюи. — Я могу следить за некоторыми твоими словами, но не все их понимаю. — Он сделал паузу, пытаясь найти какую-то общую тему. — У меня, знаешь, тоже не все ладно. В один момент я иду через здание Капитолия, а в следующий уже сердце вроде бы взрывается, как ракета, несущая тебя прямо в небо, и я смотрю на этот проклятый потолок, а после просыпаюсь здесь. Не так-то это легко, знаешь ли. Тебе было легко, знаю, — а меня убили, сынок, укокошили, прикончили. Убили меня, потому что знали, что я буду следующий президентом. — Он сделал паузу, чтобы запасти воздуха в легких. — Знаешь, так дьявольски тяжело пережить такой переход — только что ты

был почти что следующий президент — и вдруг просыпаешься в этом вонючем месте. Это странное, такое странное дело.

Каждый человек король, а я — их президент, подумал он.

Даже Бетховен, кажется, приведен в ужас, вроде наконец замолчал и отвернулся от него.

Хьюи улыбнулся потайной улыбкой. Все продолжать и продолжать заседать в Сенате, открывать заседания, возражать против конституции Соединенных Штатов, его любимого документа, величайшего документа в истории всего мира, продолжать и продолжать — с жестяной баночкой, прикрепленной к бедру, так, что он мог облегчаться в середине речи и при этом не покидать трибуны, сражаться с обструкцией — это означало находить новое значение глагола «говорить».

Если он обдумает истинное значение «слова», это будет гораздо труднее и более вызывающе, чем то, что произошло с ним здесь. То немногое, что он мог выполнять здесь, в Мире Реки, он делает даром, и это немногим более, чем выстрел в небольшом зале. Настоящее дело было то, что ему удавалось выполнять в Сенате и в предвыборной кампании. Да, он был чудом для своего возраста,

это было дьявольски очевидно. А потом его кишки оказались на полу в Капитолии, и теперь он очутился здесь.

До настоящей минуты рядом не было никого, чтобы выслушать или произнести проклятие. Все здесь, даже хорошенькие женщины, работавшие моделями или ночными «бабочками» по пятьдесят долларов, перед кем он мог высказаться, у всех у них хватало своих неприятностей, больших неприятностей, и во многом таких же, как у него.

Прежде всего, они все умерли. Они когда-то закрыли глаза и испустили дух спокойно или каким-то насильственным путем; и следующее, что они осознали — это то, что они пришли в себя в этом вонючем месте вместе с миллионами других. Это была дьявольская травма, и, кажется, таковы были общие условия этого места — и приходилось это понять, и один только этот дар слегка давил на всех. Очевидно, единственное, что можно здесь сделать — это умереть что было ужасным.

2

— Ты же знаешь, что я прав, — сказал Бетховен. Он снова был расположен к беседе. Он вытащил один из своих грязных носовых платков из какого-то внутреннего кармана, вытер со лба струящийся пот так, как это делали в его эпоху, и дружески предложил платок Хьюи.

Хьюи с отвращением покачал головой. Самое подходящее слово тут было «пфуй», лучше не выразишься.

— Не надо, — отказался он. — Не хочу. Нет необходимости.

Ничего подобного, никогда в мировой истории не было такого, о чем он думал сейчас. Он вспомнил, как стоял у одного из рукавов дельты, борясь со своей боязнью аллигаторов и одновременно почти ожидая, что эти твари выползут из болота и вцепятся в его лодыжки, и все время он пытался удержать толпы их у залива.

Это было одно — но это — это совершенно иное.

Удивительно, как ты чувствуешь, что твой опыт приготовил тебя к тому, чтобы иметь дело с целым рядом активной деятельности, а потом

выясняется, что тот опыт совершенно бесполезен и ни к чему не применим. На самом-то деле он рассчитывает на Бетховена куда больше, чем композитор полагается на него. И ни от чего этого не стало легче, когда немец схватил его за локоть и заставил остановиться, устремив на него сверкающий взор.

— Слушай! — сказал Бетховен. — Ты слышишь их?

* * *

— Ладно, — решил Селус, подходя к бледному блондину и обрезая петлю. — Так почему ты меня выслеживал?

— Я не обязан тебе отвечать, смертный, — блондин пытался растереть затекшую ногу.

— Что заставляет тебя думать, будто ты бог?

— Думать, будто я бог? — возмутился тот. — Я и есть бог.

Я это объявил.

— Только и всего? — легкомысленная улыбка выдавала, как это забавляет Селуса.

— Довольно с меня твоих оскорблений! — огрызнулся тот.

— Я целые города истреблял за гораздо меньшее!

— Ах, неужели?

— Да. А теперь помоги мне встать.

Селус поставил ногу на грудь своего пленника и тяжело надавил.

— Или убей меня за это, или приготовься дать какие-то объяснения, — потребовал он.

— Я тебя убью! — завизжал блондин, снова пытаясь встать. И снова Селус надавил ногой.

— Я всякое терпение с тобой теряю, — объявил он. — Кто ты такой и почему меня преследуешь?

— Я Гай Калигула Цезарь, и я не даю объяснений никому.

— Калигула? — повторил Селус, поднимая бровь.

— Ты обо мне знаешь? Селус кивнул.

— Тогда склонись передо мной ниц, воздай мне должное уважение и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Ответь на мои вопросы — и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Я бессмертен, — сообщил Калигула. — Я не могу умереть.

Селус усмехнулся:

— Где ты считаешь, ты находишься, и как ты полагаешь каким образом ты сюда попал? На секунду Калигула задумался.

— Мне приснился сон, — сказал он. — Мне приснилось, будто мои слуги зарезали меня, разрезали на кусочки. А потом я, будто бы, проснулся на берегу широкой реки. Но это был только сон, потому что теперь я здесь.

— Это не сон.

— Тогда здесь, наверное, небеса.

— Это не небеса, — сказал Селус. — Могу тебя в этом уверить.

— Это должны быть небеса, — упрямился Калигула.

Внезапно он оглянулся кругом: — Но где Юпитер? Где Марс и быстроногий Меркурий? И еще важнее — где Венера? Где Афродита? Где Елены в нашем распоряжении? Где женщины?

— Этого я тебе сказать не могу, — усмехнулся Селус, — хотя знаю о твоей репутации.

— И она вполне заслужена, — оживился Калигула. — Кто, кроме меня, знает все сто один способ ублажить Венеру и из ее удовольствия извлечь свое собственное? — Он сделал паузу, уставившись на Селуса. — А ты что за бог?

— Меня зовут Фредерик Кортней Селус, и я не бог. С другой стороны, ты меня не побьешь ни в том, чтобы доставлять женщинам удовольствие, и ни в чем другом.

— Тогда ты просто демонстрируешь свое невежество, — заявил Калигула. — Ты незнаком с великолепной техникой, в которую я посвящен. Но у тебя, конечно же, нет императорского фаллоса с божественной устойчивостью.

— Ты и в самом деле много о себе мнишь, да? — спросил Селус.

— А почему я не должен быть о себе высокого мнения?

— Могу тебя заверить, здесь нет никаких богов.

— Никаких? — Калигула дотронулся до себя знакомым и, по мнению Селуса, отвратительным способом. — Тогда я последний и, стало быть, величайший. Приказываю тебе сейчас же дать мне встать.

— Ты можешь и сам это прекрасно проделать.

— Я тебе покажу, как вставать, в такое время, о котором тебе и во сне не приснится, — пообещал Калигула, и пристально вгляделся в него. — Ты, должно быть, один из слуг богов. Так подними меня и отведи к ним, или плохо тебе будет, Фредерик Кортней Селус.

— Я убил больше слонов, львов и буффало, чем ты можешь сосчитать, — сообщил Селус. — Не заставляй меня добавить к этому списку еще и

бога.

— Я не могу умереть, — конфиденциально поведал ему Калигула. — В Риме пробовали, но из этого получилось только то, что я поднят на небеса.

— Ну, это не совсем небеса, — объяснил ему Селус.

— Если я оказался здесь, оно должно быть так. Селус отступил назад и позволил Калигуле подняться на ноги, несколько секунд понаблюдал за ним.

— Так почему ты меня преследовал?

— Я ищу город богов, — ответил римлянин. — Я видел, как ты исчез в лесу, и решил, что ты знаешь, где этот город и приведешь меня туда.

— Ты ошибся.

— Бог не может ошибаться, — убежденно сказал Калигула.

— А потому — ты лжешь.

— Это правда, что я ищу город, — согласился Селус. — Любой город. Должна же быть какая-то сила, управляющая этим миром, какие-то правила и те, кто их вырабатывает, и, поскольку правители не заявили о себе на берегу Реки, я решил пойти и исследовать их цивилизацию. Я шел по следу сэра Ричарда Бартона, имя которого

так же неизвестно тебе, как и мое. Оно, кажется, теперь забыто, но я надеюсь опять его возродить. Не знаю, куда он направился, но допускаю, что у него тоже хватило ума, чтобы разыскивать правителей этих мест, и надеюсь объединить с ним усилия, прежде чем он достигнет своей цели.

Вот и все.

— Почему я должен тебе верить?

— Ты волен верить всему, чему хочешь, — пожал плечами Селус. — Ты также точно волен идти собственным путем. Я только предупреждаю тебя сейчас: не преследуй больше меня, следующая моя ловушка может оказаться не такой приятной.

Он повернулся и пошел было, но Калигула закричал:

— Подожди!

Селус остановился и повернулся лицом к римлянину:

— Что такое?

— Я устал, и нога болит. Я разрешу тебе нести меня, пока я не обрету свою силу. Селус хихикнул:

— Очень великодушно с твоей стороны, но я думаю, что как-нибудь обойдусь без этой чести.

Он повернулся, чтобы уйти, а римлянин взгро-

моздился ему на спину, вцепился ногтями в глаза и укусил за плечо.

Селус опрокинулся наземь, перекатился и умудрился схватить Калигулу за руки и резко их вывернуть. Римлянин закричал и ослабил свою хватку, а Селус поднялся на ноги.

— Только тронь меня — я тебя убью! — пригрозил он.

Ты мне больно сделал! — пожаловался Калигула.

Внезапно он начал плакать, как ребенок. — Почему все хотят сделать мне больно?

Селус воззрился на него и ничего не ответил.

— Ты что, не знаешь, что тебе не разрешается дотрагиваться до бога? — рыдал Калигула. Вдруг слезы исчезли чтобы смениться улыбкой. — И все-таки я восхищаюсь твоей храбростью, Фредерик Кортей Селус. Может быть, я разрешу тебе быть моим военачальником. Мы прорежем кровавую тропу среди моих врагов.

— Весьма великодушное предложение, — саркастически заметил Селус, — но в настоящую минуту я — единственный враг, которым ты располагаешь.

— Чепуха, — отрезал Калигула. — Разве лес не наш враг?

Разве не скрывает он ту тропу, которую мы ищем? — Он отщипнул небольшую отмершую веточку от ближайшего дерева.

— Я возьму эту добычу, чтобы доказать, что мы его завоевали!

— Думаю, что Гиббон поймет эту проблему, — буркнул Селус, во все глаза уставившись на римлянина, когда тот отправился собирать другие доказательства в память победы.

— Ну? — спросил Калигула, когда его руки были полны.

— Не стой же там! Нам еще надо отыскать город — и мир, чтобы завоевать его!

— Думаю, что мы отыщем город куда быстрее, если разделимся, — предложил Селус.

— Великолепное предложение, — отозвался Калигула. — Но тогда кто будет наполнять мне ванну и приносить еду?

— А я-то думал, что я военачальник!

— Ты тот, кем я желаю тебя сделать, — пояснил Калигула.

— А иначе — какова цель того, чтобы быть богом и на первом месте?

— Память у тебя короткая, — сказал Селус.

— Моя память совершенна.

— Но ты уже забыл, что произошло в прошлый

раз, когда ты пытался мне приказывать.

— Это другое дело, — возразил Калигула. — Это было до того, как я сделал тебя своим военачальником и до того, как мы поставили лес на колени. — Он помолчал. — Завтра утром я создам какую-нибудь женщину, чтобы мы ею наслаждались, и, может быть, нескольких птиц, чтобы они воспевали наш приход, и мы отправимся маршем искать город.

Селус отрицательно покачал головой.

— Я сейчас же ухожу.

— Тогда я должен идти с тобой.

— Не могу я ждать у следующей своей ловушки. Ты можешь целую вечность вставать вверх ногами, или же прокалываться на острых палках на дне ямы.

— Я позволил тебе меня поймать, — возмутился Калигула.

— Я старался захватить тебя, и это оказался простейший путь встретиться с тобой.

— Да уж, конечно, — сказал Селус.

— Не умничай со мной, смертный, не то ты рискуешь навлечь на себя мой божеский гнев.

— Это возможность, которой я должен воспользоваться, — на Селуса слова Калигулы не произвели впечатления.

— Самое меньшее, что я сделаю — это заставлю членов моей стражи проткнуть тебя.

— Сначала найди их, а уж после я буду об этом беспокоиться.

— Тогда я сам это сделаю, — пообещал Калигула, хватая самую длинную и острую ветку, какую мог найти, и размахивая ею, как мечом.

— Только сделай шаг ко мне, и я оберну эту штуку вокруг твоей шеи, — пригрозил Селус.

— Ты всего лишь смертный, — напомнил Калигула с издевательским смехом.

— Никогда раньше не обращал внимания на прихоти сумасшедших, когда жил в первый раз, — сказал Селус. — Не собираюсь менять свои привычки и в этой жизни.

Калигула воззрился на него, ошеломленный:

— Почему все не кончилось, когда я умер?

— Империя?

— Весь мир. Как он может продолжать крутиться без меня?

— Он великолепно обошелся без тебя, — констатировал Селус.

— Кто меня сменил? Неужели сам Юпитер спустился, чтобы сесть на трон?

— Тебя сменил Клавдий.

— Этот старый дурак и калека? — Калигула

даже взвыл с досады. — Теперь-то я знаю, что ты лжешь! Он едва мог выговорить собственное имя!

— Зато он не объявлял войну кучке деревьев, — заметил Селус.

— Я всегда знал, что он трус, — Калигула помолчал, пытаясь снова нащупать нить разговора. — Ну, не стой же так.

Нам еще предстоит отыскать город.

Селус пристально смотрел на него долгое мгновение и решил, что, вероятно, лучше уж знать, где этот ненормальный находится каждую секунду, чем допустить, чтобы тот выскочил из-за кустов в самый неподходящий момент. Наконец, он пожал плечами.

— Следуй за мной, — сказал он.

* * *

— Ты слышишь их? — повторил Бетховен.

Хьюи Лонг с размаху остановился и посмотрел Бетховену через плечо, вглядываясь в даль мимо композитора, в дымку и туман текущей Реки.

— Слышу что? — удивился он. — Ничего я не слышу. Вот разве что чайки, может быть — зов какой-то птицы. Вот и все.

Ничего из ряда вот выходящего.

— Лошади, — сказал Бетховен. — Войска Наполеона. Они идут за нами.

— Не слышу я лошадей, — сказал Хьюи.

— Они посылают войска конников с копьями и мушкетами, — с полной убежденностью сказал Бетховен. — Они знают, где мы. Таков был их план все время. Нас собираются убить, как свиней. — Он повернулся к Хьюи. — Я тебя предупредил, — продолжил он. — Мы должны были выбраться оттуда еще три дня назад. Я же сказал, пошли, давай, уйдем, но ты хотел остаться.

— Подожди-ка минуточку, — сказал Хьюи. — Ты не прав.

Нет никаких войск, никаких лошадей, никаких мушкетов. Только обычные звуки. — Agitato, это было одно из бетховенских слов.

Вот что происходило где-то впереди.

— Спокойно, сынок, — сказал Хьюи Лонг, — ничего такого не происходит, чего мы не могли бы остановить.

Но Бетховен вышел из равновесия, он дрожал и трясся, слезы струились из его удивленных глаз, громадный лоб весь исходил потом. Музыкант задыхался, он схватил большое полотенце, заменяющее ему плащ, потом неуклюже упал грязь и барахтался там, хватаясь за свои колени.

Какой-то припадок, вроде эпилептического, решил Хьюи.

Мне бы следовало задержаться, побыть с самим собой, попытаться понять это место, прежде чем что-то начало происходить. Но, когда я пришел в себя в этом сумасшедшем мире, он был первым человеком, которого я увидел, он помог мне и каким-то образом привел в сознание. Как я мог его оставить?

Все же, это непонятно. В течение одного момента, окруженный телохранителями, ты шагаешь в вестибюль Капитолия навстречу истории, будущему и собственной судьбе, точно во сне, — и в следующую минуту ты сокрушен на пол, удивленный, мертвый, — и беседующий с этим немецким музыкантом.

Сколько же может человек вынести? Сколько он может по-настоящему понять? Для него это слишком много. Ты делал все, что мог, несмотря ни на что, ты пытался извлечь смысл из бессмыслицы, но это уже слишком.

Бетховен начал кашлять и содрогаться.

Не следовало мне этого делать, думал Хьюи. Надо было остаться там, где была жареная рыба, остаться в этих лесах, искать местного законодателя. Действительно, может быть, это для меня

не было бы достаточно, может быть, мне следовало бы стать губернатором. Вот этого для меня, безусловно, было бы достаточно. Я бы посылал пароходы вверх и вниз по реке, играл бы с девицами, иногда брал бы взятки… Но что я вместо того сделал? Поехал в Вашингтон и взбесил Ф. Д. Р.,[4] а потом опять отправился в Капитолий, чтобы встретить пулю, которую для меня приготовили. Каждый человек король, но иной раз и королей убивают.

Теперь слишком поздно, подумал он, слишком поздно. Они меня достали, дьявольски меня достали. Черт, может, это и были лошади, то, что слышал на расстоянии Бетховен, может быть, Бетховен прав, может быть, вся эта чертова наполеоновская гвардия гонится за нами.

— Пошли, Людвиг, — позвал он. — Вставай! Давай, уйдем из этого чертова города. Это же была твоя идея, ты забыл?

Бетховен, наконец, тяжело поднялся на ноги, бормоча что-то о предательстве и о героях и о грубых ударах судьбы и Хьюи понял, что скоро он будет в порядке. Как только человек начинает говорить, как свойственно ему, он в порядке. Это

---

[4] Примечания: 4
Ф. Д. Р — Франклин Делано Рузвельт

нечто такое, что ты быстро начинаешь понимать в Мире Реки.

* * *

— Почему мы остановились? — требовательно спросил Калигула.

Селус присел на корточки, рассматривая землю.

— Кто-то проходил этой тропой не так давно.

— Несомненно, это был твой друг Бартон.

— Он не совсем мой друг, — поправил Селус. — И это был не он. Я потерял его след за целые мили отсюда. Это был кто-то, кто очень спешил, наполовину бежал. Кроме того, кто бы он ни был, он никогда не носил ботинок. Пальцы ног у него спрямленные, но на концах сходятся вместе.

— А какое нам до этого дело?

— Еще не знаю.

— Тогда — зачем мы остановились?

— Впереди нас могут быть люди, и они могут не быть дружественными.

— Они падут на колени и станут мне поклоняться, и, может, я в своем великодушии позволю некоторым из них жить, — объявил Калигула — и устремился мимо Селуса.

На мгновение англичанин чуть не поддался

искушению схватить его за руку и дернуть назад. Потом он пожал плечами.

Какого черта, если уж кто-то получит первый выстрел из ружья или стрелу из лука, лучше пусть этот сумасшедший, чем он.

И он пустился вслед за богом-блондином.

* * *

В первые же минуты их знакомства, несколько дней назад, Бетховен обратился к Хьюи Лонгу со словами:

— Они нам лгали. С начала, с самого начала, мы были обмануты.

— Ложь — это то, на чем все держится, — объяснил ему политический деятель. — Без лжи, сынок, не было бы никакой политики. Была бы просто кучка людей, колотящих друг друга дубинками, чтобы посмотреть, кто окажется наверху. Это ложь приводит суету к четкому построению, понимаешь меня?

— Нет, — покачал головой Бетховен. — Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Все казалось таким ясным у него в голове до того, как он начал говорить, а потом куда-то уплыло, просто покинуло его.

Все из-за того смешения понятий, которые

произошли в результате слишком длинных разговоров и мыслей с этим дурацким американцем. — Но ты, конечно же, видишь, что об этом месте не говорят правды. Оно непохоже ни на что такое, что мы видели прежде, это что-то совсем иное.

— Это правда, сынок, — согласился Хьюи. — Все здесь какое-то иное, потому мы и должны обратиться к высшим властям за объяснением ситуации.

— Но ситуация не такова, как ты думаешь, — сказал Бетховен — и ему хотелось произнести длинную речь, обращенную к политику, о природе мысли и о различных типах лжецов, с которыми он всю свою жизнь вынужден был бороться, но поразительная триада до-минор из первых тактов симфонии до-минор, самая громкая, какую он слышал с тех пор, как оглох, вырвалась из него на этом месте, прошла, громыхая, сквозь силу света и оставила его удивленным и онемевшим.

— До-минор, до-минор! — произнес он неистово. — Это вся жизнь, неужели ты не понимаешь, тонизирующая к доминантному до — и снова назад!

Он вспомнил, как было в последние годы, до

того, как его поразила глухота, когда музыка казалась такой абсолютной в своей чистоте и силе, что даже Hammerklavier казался только подготовкой к тому, что он мог бы сделать. А потом — потерять слух, потерять терпение, потерять все из-за льстивых несчастных дилетантов, которые сделали легкость возможной, они-то все время понимали, что он медленно опускается — ниже своего собственного позора.

— Хватит! — заорал он вдруг. — Хватит! Он услышал, как триада переходит в мажор, и вот уже грохочущая до-мажорная триада посылает сигнал к финальным аккордам после того, как переступает через басы.

— Не могу понять, как это случилось, — обратился он к Хьюи Лонгу. — Не было вообще никакого указания на эту судьбу. Ни намека на молитву или свет. Даже когда я разорвал занавес в Missa Solemnis, там не было ничего похожего на это, только акры и акры кладбища, мертвецы в гробах мертвецы без гробов, они поднимались, пели, медленно поднимались…

— Ох, сынок, — слова Лонга звучали по-доброму, — тебе бы в самом деле надо прекратить всю эту чушь. Ты только душу свою терзаешь тревогой, и ты так никуда и не придешь.

Все это было до того, как Бетховен осознал, что они должны уйти из города, что путь к освобождению лежит в пустынных пространствах далеко за пределами оград, когда он все еще пытался постичь какой-то смысл в этих обстоятельствах.

Как глуп он тогда был! Теперь ему кажется, что он стал на целые годы старше, хотя, конечно; миновало всего несколько дней. Разговаривая с этим несчастным Лонгом, прибытие которого в то же самое оглушающее и гибельное государство, какое Бетховен так хорошо помнил, он наблюдал — он чувствовал не только симпатию, но какую-то необходимость, нужду выбраться отсюда и освободить этого человека от ужаса, воплощенного и проявляющегося при первом же взгляде на Мир Реки.

Он сделал для Лонга то же самое, что для него до своего исчезновения в плоскогорья сделал крестьянский мальчик из Стокгольма: утешил его, успокоил, снял с него свирепый страх, в каком перед ним впервые открылась новая ситуация, а потом убедил его поискать более безопасное и изолированное пространство, где Лонг мог бы, наконец, найти какой-то смысл в том, что с ним произошло.

Бетховен и сам тогда не особенно понял, что та-

кое Мир Реки, но он постарался облечь в короткие понятные фразы то, что знал, чтобы дать Лонгу кое-что, в чем тот нуждался, чтобы каким-то образом оправиться и отойти от первоначального ужаса.

И вот они оказались здесь, и Лонг медленно начинал привыкать.

— Сынок, — Лонг ласково дотронулся до макушки Бетховена, мягко подталкивая его вперед, — мы остановимся ненадолго и отдохнем, если ты не возражаешь.

— Но нас преследуют! Они в любую минуту могут оказаться здесь.

— Знаю, — не стал спорить Хьюи, — но я чувствую, что у меня почти готова речь. Я хочу обратиться к войскам. Я был в свое время прекрасным оратором, и теперь, я считаю, пора сделать мои способности известными здесь.

* * *

Они, наконец, добрались до конца леса. На последней миле деревья сделались реже, кустарник тоже не был таким густым, и вот Селус смотрел через большую опушку. Он остановился, положив руки на бедра, пытаясь определить, куда пойти дальше.

Далеко на расстоянии с левой стороны он увидел маленькое озерцо.

Вдруг он услышал позади дикий, почти нечеловеческий крик. Он мгновенно резко повернулся, как раз в ту минуту, когда Калигула заносил у него над головой огромное бревно. Он поднял руку, чтобы смягчить удар, но опрокинулся на спину, прежде чем римлянин нанес смертельный удар.

— А ты храбрец! — пробормотал Калигула, колотя его обеими руками. — Я возьму твою храбрость себе!

Селус пытался перекатиться, так, чтобы освободиться от веса блондина, но у него все еще кружилась голова от удара.

— Слезай с меня! — рявкнул он. — Ты безумец!

— Как я съел своего не рожденного сына, так я съем твое сердце!

Селус почувствовал, как теряет сознание, а Калигула пригнул свою голову к груди англичанина и откусил большой кусок.

Должно быть, ужас того, что должно произойти, помог Селусу обрести свежий приток адреналина, и он жестко вонзил свое колено в яички Калигулы. Римлянин испустил пронзительный крик фальцетом, покатился по земле и начал непрестанно кричать.

У Селуса кровь струилась из торса по животу, он вскочил на ноги и осмотрел себя так тщательно, как только мог. На самом деле было бы неплохо несколькими стежками зашить рану, но в этом мире раны заживали, как по волшебству. Кроме того, от львов и леопардов он получал и похуже если бы зубы Калигулы не содержали инфекции, — а причины не считать их таковыми не было — это было бы только временным досадным неудобством.

Но все-таки рана дьявольски болела, и он подошел к павшему богу и снова пнул его, на этот раз по голове.

Но Калигула на это не реагировал, он все еще выл и потирал свои яички, и все, что Селус получил от этого удара, была острая боль в ноге.

Он поискал веревку, которую нес свернутой у себя на плече, нашел ее там, где недавно упал, и подошел к Калигуле.

Прежде, чем римлянин смог оказать сопротивление, Селус связал ему руки за спиной, а потом несколько раз обвязал веревку вокруг его шеи, оставив десяти футовый поводок.

— Порядок, — констатировал он. — А ну, встать! Он дернул за веревку, и Калигула, Задыхаясь и давясь, неуклюже поднялся.

— Ты делаешь мне больно! — негодовал он.

— Ты хотел меня убить, — отвечал Селус.

— Но ведь это большая честь — умереть ради удовольствия бога, — сказал Калигула, искренне удивленный реакцией Селуса.

— Обойдусь без этой чести.

— Тогда ты просто дурак!

— Селус дернул за веревку, и Калигула снова стал задыхаться.

— А как насчет того, чтобы бог умер ради моего удовольствия? — спросил он.

— Богохульство! — закричал Калигула, кидаясь на Селуса с опущенной головой.

Селус отступил вбок — точно так же он отступил бы от носорога, если бы тот наклонил голову в его сторону. Вместо того, чтобы пустить пулю ему в ухо, как он сделал бы с носорогом, Селус просто подождал, пока Калигула достигнет конца веревки, а потом быстро и сильно потянул.

Римлянин совершил курбет в воздухе и тяжело приземлился на спину.

— Я, наверное, руки сломал! — завыл он.

— А я-то думал — боги не могут ощущать боль, — сардонически произнес Селус.

— Помоги же мне! — ныл Калигула. — Мне больно!

— Помогу, — Селус приблизился к нему. — Я даю тебе три секунды, чтобы ты встал, прежде чем я опять лягну тебя по яичкам!

— Нет! — пронзительно закричал Калигула, вскакивая.

— Моя персона священна! Ты никогда больше ее не тронешь!

— Так-то мы понимаем друг друга, — Селус подошел к нему и ударил по лицу.

Он ожидал, что Калигула выругается, или заплачет, или, может быть, даже захихикает. Вместо того римлянин посмотрел на него, как будто ничего не случилось, и сказал, как ни в чем не бывало:

— Я думаю, скорее всего мы найдем город у Реки. Городам нужна коммерция, а на этом озере большой торговли не выйдет.

Преодолев удивление, Селус согласился с пленником.

— Ладно, — сказал он. — Пошли к Реке. Ты впереди.

— Мы могли бы воспользоваться лошадьми, — заметил Калигула, направляясь направо.

— Если мы их найдем, я тебя на них обменяю, — пообещал Селус.

— Не пристало торговцам обменивать богов, —

Калигула внезапно принял высокомерный тон.

— А все-таки, что сделало тебя богом? — поинтересовался Селус.

— Я провозглашен богом.

— Кем провозглашен?

— Мною самим.

— Только и всего?

— Никто никогда этого не оспаривал.

— Так-таки никто?

— Ну, никто из тех, кто оставался жить в течение следующего часа.

— Прекрасная работа, если ты можешь ее выполнять, — сухо откомментировал Селус.

— Я и есть бог, — настаивал Калигула. — Без меня не будет ни ночи, ни дня, ни дождя, ни солнечного света. Когда я умру, небеса разверзнутся и изольют потом черной лавы которая убьет все живое и покроет всю землю.

— Это должно утешать тебя в час нужды, — сказал Селус.

— Ты что, не веришь мне?

— Если ты бог, создай нам парочку лошадей. Если не сможешь — прекрати болтать: тебе понадобится вся твоя сила для марша, который нам предстоит.

— Я умею создавать лошадей, — убежденно

заявил Калигула. — Я могу вызвать их к жизни прямо здесь, сию же минуту.

— Почему же ты этого не делаешь?

— Потому что ты осмелился поднять руку на бога. Ты не заслуживаешь того, чтобы ехать верхом.

— А ты заслуживаешь того, чтобы идти пешком? — спросил Селус.

— Я бог. Я не чувствую ни боли, ни усталости. Солнце — мой брат, я не могу обжечь себе кожу. Трава — моя возлюбленная: она обновляет меня с каждым шагом, который я делаю.

— Как тебе повезло.

— Я не нуждаюсь ни в еде, ни в воде, ни во сне, — продолжал Калигула. — Сегодня же вечером, попозже, когда ты не сможешь больше бодрствовать, я превращусь в змею и выжму из тебя жизнь. И тогда, — продолжал он будничным тоном, — я съем твое сердце и, вероятно, еще твои зрачки, потому что у тебя великолепное зрение, и тогда я отправлюсь искать город.

— Раз ты способен на все это, я полагаю, ты не станешь возражать, если я для безопасности привяжу тебя к дереву, прежде чем лягу спать? — спросил Селус.

— Нисколько, — вежливо заверил его Калигу-

ла. — Я ничего другого и не могу от тебя ожидать, хотя, конечно, ничего хорошего для тебя из этого не получится.

Еще одну милю они прошли в молчании, а потом Селус остановился, заставив Калигулу давиться, когда тот достиг конца веревки.

— Ты уже устал, смертный? — спросил Калигула.

— Помолчи. — Селус поднял свободную руку и заслонял ею глаза от солнца.

— Что ты там видишь? — спросил Калигула.

— Не уверен. Что-то. Это может быть группа людей.

— Они идут поклоняться мне, без сомнения.

— Или убивать тебя.

— Я не могу умереть.

— Попробуй остаться благоразумным настолько, чтобы запомнить, что ты больше не император и никогда не был богом, и держи рот на крючке, пока я не пойму, друзья эти люди или враги.

— Я превращусь в птичку-колибри, так что они не смогут меня видеть до тех пор, пока я не узнаю, почему они здесь, — быстро согласился Калигула.

— В очень тихую птичку колибри, — напомнил Селус.

— Начинай идти.

— Лететь, — поправил Калигула.

— Да что угодно.

— Я не могу лететь, — вдруг объявил Калигула. — Ты связал мне крылья.

— Даже у птиц есть ноги, — заметил Селус.

— И правда. Ты очень мудр. Некоторым образом, я буду почти сожалеть, когда вскрою тебя и съем твои внутренности.

И тут, тихонько щебеча про себя, римлянин повел англичанина через саванну по направлению к кучке людей.

Приказ, казалось, исходил изнутри у него, как это всегда бывало, когда в нем как бы образовывался часовой механизм.

— …Здесь я, как у себя дома, — сказал Хьюи Лонг. — Подойди! Я хочу с тобой говорить.

В туманном свете инфернального солнца Хьюи показать, что он видит начало какого-то движения перед собой, но потом снова оказалось, что это, вероятно, всего лишь иллюзия. Зато он привлек внимание Бетховена: музыкант скорчился на месте, сел на корточки, глядя на Хьюи этими странными сверкающими глазами, взглядом безумного человека.

— Позвольте мне рассказать вам о моем друге,

великом музыканте, — продолжал Хьюи. — У него есть планы. Он хотел попасть в город и найти императора, чтобы свести и ним старые счеты, но он переменил свои планы. И знаете почему? Не знаете?

Ответа на вопрос не было, только какой-то грохот слышался на расстоянии, да чье-то дыхание. Однако надо завоевать доверие, тогда можно их привлечь.

— Он оставил эту мысль, — сказал Хьюи, — потому что, подобно вам, он думал, что в городе нет ничего такого, что там сплошная суета, что кто-то приходит, а кто-то уходит, но что перевоплощение не имеет никакого смысла, и императора невозможно найти, потому что император может находиться за тысячу миль, совсем в другом месте. И он сделался разочарованным, он устал от шума, от жары, от ощущения, что совсем ничего невозможно изменить, ничего нельзя сделать. — Хьюи сделал паузу и огляделся вокруг, выжидая возможный ответ. — Но теперь я здесь, чтобы сказать вам, что мой друг увидел все по-иному, что он понял природу своей участи, и он должен преодолеть свое упрямство, потому что император на самом деле там, он там ради всех нас, и все, что нам нужно, можно найти в том городе

желаний. Правда о Мире Реки снизошла на нас.

Теперь он знал, что завладел их вниманием.

— Знаете ли вы, в чем истина? — продолжал он. — Она здесь для всех нас. Это и есть истина. Нас наградили всей мощью, всеми возможностями, всеми основными условиями в этом дьявольском месте. Каждый мужчина король, каждая женщина королева! Мы можем делать все, что захотим, все мы короли и королевы наших владений, мы ждем присуждения титула, мы ждем, чтобы на нас надели плащ обладания. И вот поэтому мы собираемся изменить образ жизни. — Он выдержал драматическую паузу. — Мы собираемся вернуться. Мы собираемся исправить город.

— О чем это ты болтаешь? — спросил кто-то. С британским акцентом, с проглатыванием звуков, почти неразличимый в густом тумане, но Хьюи мог разобрать то, что говорилось. — Да ты не в своем уме, произнес голос. — Вы, американцы, дерма не видали!

— Где этот человек? — закричал Хьюи. — Дайте мне увидеть человека, который такое говорит! Выйдите вперед и возражайте мне! Если у вас есть храбрость, чтобы так поступить, тогда у вас есть храбрость, чтобы вернуться в город.

— Никакая не храбрость, — сказал голос, при-

надлежащий тщедушной фигуре, которая вышла из тумана и опустилась перед ним на одно колено, скорчившись в грязи под пеньком, на котором стоял Хьюи. — Эй, друг, почему ты это все не бросишь и не посмотришь правде в лицо? Мы заблудились. Мы заблуждаемся так же, как это было с нами всегда. Почему ты не дашь нам спать? Почему не дашь нам выбраться из этого ужасного места?

— Если у тебя хватило храбрости сказать это, — ответил Хьюи, — должно хватить храбрости и на то, чтобы отсюда уйти.

Мы можем снова вернуть себе город. Мы можем найти свои души в этом месте. Мы можем исправиться и начать все снова.

Он в этом уверен, подумал Хьюи. Ведь не только его собственный голос в нем убеждал его в осуществлении всего, о чем он говорил, но и какой-то признак того, что они начали. Он спустился со своей трибуны в виде пня, разглядывая британца, который подкусывал его, а за этим британом — толпа оборванцев, которые собрались все вместе, самая худшая армия, какую он когда-либо видел — и все же это была армия, если смотреть в том направлении, можно было так считать.

— Бетховен, — позвал Хьюи, — встань и выдай

нам марш!

Выдай нам марш, ты меня слышишь? Мы собираемся снова отвоевать этот город!

И, больше не думая об этом, не останавливаясь, чтобы поразмышлять над комичностью и бессмысленностью своего предложения, Хьюи Лонг протолкался сквозь них и начал приближаться к городу.

Внезапно зазвенел чей-то голос:

— Это очень большой город, а у вас очень маленькая армия. Если вы намерены его взять, вы нуждаетесь в преимуществе, чтобы как-то уравнять силы.

— Что? — спросил Хьюи, поворачиваясь лицом к тощему бородатому незнакомцу, только что подошедшему. — Что вы имеете в виду?

Селус улыбнулся и предъявил молодого блондина, который сражался со связывающей его веревкой.

— Бога, — пояснил он. — Настоящего позолоченного бога.

Калигула поднял взгляд на этого человека и сказал:

— Он прав. Это в точности то самое, чем я являюсь. Ты немедленно меня развяжешь. Ты освободишь меня от этих веревок, иначе я про-

кляну…

— Вот он как разговаривает, — вмешался Селус. — Всю дорогу, и ничего подобного вы никогда не слышали. Но ты можешь дать ему попробовать. В конце концов, он не только лелеет планы — большие планы, — но как можно потерпеть поражение, если в авангарде у тебя бог? В любом случае, — заключил Селус с вкрадчивым жестом, — предоставляю решить тебе. Распоряжайся им, как пожелаешь.

Калигула внимательно осмотрел другую пару: человек с взъерошенными волосами с ненавистными чертами Клавдия, но моложе, гладколицый человек со смешными руками и странными жестами. Не были они похожи на тех военных, каких ему бы хотелось получить, но, с другой стороны, приходится использовать то, что получаешь. При дворе — или вне двора, или вне стен города, приходится жить так, как получается, окруженными дураками и сумасшедшими, получая приказы от нижестоящих.

— Что ж, — произнес Калигула с высокомерным наклоном головы, привлекая внимание гладколицего, который казался наиболее разумным, вероятно, самым почтительным из всех, — вы собираетесь меня освободить? Или бросаете мне

вызов и навлекаете на себя мое ужасное проклятие?

— Вот так он разговаривает, — повторил Селус. — Почти все время. Я ничего не могу с ним поделать, возможно, вы сможете.

— Да, — ответил гладколицый, его взгляд наполнился почтительностью, или, по крайней мере, должным пониманием происходящего. — Да, думаю, что мы можем это сделать. — Он протянул руки и начал возиться с веревкой. — Стой спокойно, — сказал он, — и дай мне освободить этого бога от его алтаря, — он улыбнулся Калигуле. — Моя латынь не такова, чтобы ею пользоваться, по правде говоря, она никогда не была моим сильным местом. Как ты сказал имя?

— Живей развязывай меня, — приказал Калигула, — и узнаешь мое имя и мое проклятие, все мои обстоятельства…

— Все время он так разговаривает, — снова повторил Селус. — Я-то одинокий человек, привык к тихим местам. Вот вы с ним и управляйтесь, а с меня хватит, спасибо.

— Со всех нас довольно, — сказал гладколицый. Но вообще-то удивительно, сколько человек может вынести. — Он пристально поглядел на Калигулу, опустился на колени, потянул за

узел. — Всяк человек бог — такова моя философия. А что еще привело бы нас сюда?

— Божественность ограничена, — возразил Калигула. — Она подобает только одному из нас.

— О, успокойся, — сказал его освободитель. — Успокойся и прекрати болтать, хотя бы на минуту. Бетховен, подойди и наступи на эту веревку, ладно? Так мы его никогда не освободим.

Они усердно наклонились для того, чтобы прислуживать ему. Калигула принял горделивую позу, наклонил голову под углом, чтобы найти солнце, тонкие лучи, проникающие сквозь тяжелые катящиеся облака. На мозг его давил один образ, картина, которая возникала сама по себе, непрошено, и он не мог ее убрать. Склоненный, в таком же положении, как сейчас, он прижался к камням, его живот отяжелел и вспучился, колени ощущают холодную сырость камней, а руки вцепились в рукоятки.

И позывы на рвоту.

* * *

Не имея инструментов, на которых он мог бы исполнить мелодию в этом месте, где нет даже ударных, Бетховен все-таки исполнил им марш, когда они стали пробираться то верх, то вниз, во

главе с этим типом, который называл себя Калигулой. Это был Турецкий Марш из «Афинских развалин», не самый его любимый, но достаточно хороший для мычания вместе с пронзительными деревянными духовыми инструментами и рокотанием барабана — эффекты, которые он мог воспроизвести в голове, если не своим бормочущим и стонущим голосом.

Взять город — это была и идея Селуса, отвоевать город.

Не то чтобы она когда-либо была у них на первом месте, не то, чтобы город, который следует взять, находился повсюду Что можно было бы сделать? Но римский император, этот странный юноша с горящим взором, кажется, знал свое дело: у него была уверенность Наполеона и безумие архиепископа и он шагал в конце их строя странным шаркающим шагом, и это, если не королевские права, убеждало, да еще такая решимость, какую Бетховен мог оценить.

Селус и Хьюи Лонг, шагая вперед, глубоко погрузились в свою беседу. Время от времени какая-нибудь фигура отскакивала от толпы, струившейся сбоку, и кидалась на римского императора, потом с ревом отлетала обратно.

Ничего подобного этой процессии Бетховен

никогда не видел. Он в свое время написал достаточно маршей и контрдансов, всякого хлама и музыки для развлечения, но никогда он не видел такой группы людей, как эта.

Он мог сказать, что обстоятельства переменились с тех пор, как они наткнулись на Селуса и Калигулу, освободили Калигулу от его пут и направились назад, к тому месту, откуда он ушел. Все пошло совсем не так, как раньше. Воздух стал гуще, он прочищал ноздри Бетховена, и толпы сбоку нажимали с таким напором, какого он никогда не знал раньше. Всяк человек бог, сказал Хьюи Лонг, и в самом деле, этому Калигуле уделялось столько внимания, сколько Бетховен никогда не видел. Может быть, и в самом деле в конце этого пути что-то есть, Бетховен не знал, и не стоило об этом размышлять. Надо было только брать питание и продолжать путь вместе с остальными: римскими императорами, галльскими императорами, демократами, свободными, архиепископами и рабами — все они одно и то же.

Здесь был какой-то внутренний смысл, но он о нем не думал. Не с этой музыкой, ревущей у него

в голове, cymballo [5] грохочут, педаль барабана с яростью работает, пытаясь прорвать экран его сознания.

Когда они подошли к холму и взглянули на изгородь, где возвышались над Рекой домишки, Селус ощутил триумф, доказательство своей правоты.

— Видишь? — повернулся он к Хьюи Лонгу. — Я же говорил вам, что мы сюда доберемся. Я знал, что это всего лишь дело поворота — а потом вернуться, что никто нас не остановит!

— И в самом деле, никто их не останавливал, а они действительно собрали вокруг себя определенную группу людей, которых не испугали ни жара, ни суровые условия, ни выходки Калигулы. — Теперь мы совершаем следующий шаг.

— А что такое — следующий шаг, сынок? — спросил Хьюи Лонг. Прогулка его не освежила, ничего в Мире Реки, кажется, не имело того эффекта, какой могло иметь в той жизни, которую он привык считать цивилизованной. — Предполагается ли, что я должен произнести речь? Есть там какое-то место, которое нам полагается занять? Уполномочены ли мы что-то взять на себя?

---

[5] Примечания: 5
Цимбалы (ит.)

В его глазах сверкнул какой-то безумный огонек, и он внезапно показался Селусу не только странным, но, возможно, и опасным человеком. Конфиденциальность между ними прошла, и он был теперь просто разжиревшим американским политиком без избирателей.

— Я совершенно уверен, все это теперь решится, — сказал Селус. — Как только нас увидят, как только узнают, что мы сюда вернулись, для нас сделают соответствующие приготовления.

Хьюи Лонг воззрился на него с тем странным доброжелательным выражением, которое могло внезапно и странным образом перейти в грубость, и сказал:

— Не понимаю, о чем ты. Говоришь, сынок. Правда, не понимаю.

— Селус пожал плечами:

— А разве кто-нибудь из нас понимает? Разве кто-нибудь из нас действительно знает, что происходит в этом проклятом месте?

— Я знаю, — вступил в разговор Калигула, — Я точно знаю, что происходит. — Он повернулся к ним, тело его было насторожено, взор свиреп и настойчив. — Теперь, — произнес император, — теперь мы приведем все это к концу. — Он поднял руку, уставился на Селуса, потом на

Лонга, затем перевел взгляд на других, которые начали собираться вокруг. — Приведите мне девственницу, — приказал император. — Сейчас же — приведите мне девственницу!

* * *

Но, разумеется, он знал, что такова была их миссия, что именно она ждала их здесь все время. Калигула ощущал, как божественность поднимается в нем, почувствовал в эти жгучие минуты полноту своей нужды и медленно опустил взор на ряд поклонников и последователей, чтобы высмотреть в их рядах женщин. Он чувствовал, как знакомая мощь шевелится глубоко внутри него. Они не посмеют отказать, потому что скоро они узнают его истинную власть.

— Приведите мне девственницу, — повторил он, — или скоро вы все будете мертвы. Я произнесу над вами проклятие, и он обратит вас в навоз, коим вы являетесь.

Он протянул руки, хватая Селуса в неожиданное и крепкое объятие, потом отбросил его от себя с силой, рожденной вместе с безумием у него внутри, и помчался к той туманной линии, которую видел перед собой.

— Я вас буду иметь! — взвыл он. — Всех вас

буду иметь!

— Судьба наполнила его чресла так грациозно, как будто бы это была кровь и сексуальный призыв той девственницы, которую он жаждал. — Вы еще узнаете мою божественность! — кричал Калигула. — Я открою ворота этого города в игре в помазание, и я поимею вас всех, так, как было приказано!

Он потянулся, схватил чье-то тело, с жестокостью пощупал его в разных местах руками, ища груди, ища знакомые половые органы, забавное ощущение судьбы переполняло его. О, это место великолепно! Он не оценил его прелести до настоящего момента.

Потому что он поистине был здесь богом. Он мог с любым из них сделать все, что захочет. Почему он не понял этого раньше? Они все боги.

Он начал взбираться на это тело, его нужда возрастала. Он никогда и не мечтал, что может быть место, подобное этому, но вот же оно — здесь. Это было удивительно, грандиозно потрясающе. В его голове возникла цепочка вскриков, и он уцепился за нее, ухватил ее, и позволил вскрикам отправить его на место.

* * *

Бетховен смотрел в отчаянии. Никогда он не видел ничего подобного. Даже когда чернь штурмовала ворота Парижа в 1789, там не было ничего похожего, он был в этом убежден. Хьюи Лонг уставился на зрелище, посмеиваясь. Селус потирал руки и в викторианской ярости кричал на Калигулу… но никто не подвинулся к юному императору в том небольшом пространстве, которое тот расчистил, пока продолжал свой жестокий и странный акт.

Цимбалы в голове Бетховена умолкли, пикколо тоже, и все, что осталось — это гудение басов в трио симфонии до-минор, эта чудовищная адская пляска.

— Что же мы делаем? — спросил он Хьюи Лонга. — Неужели это то, чем мы стали? Неужели это конец для нас?

Его постигло внезапное внутреннее озарение: Лонг и Селус уговорили их повернуть к воротам города специально для этой цели, так чтобы это мародерство и насилие могло быть предпринято, и Калигулу развязали, чтобы он повел их, потому что только Калигула смог без колебаний управиться со всем, что необходимо.

— Неужели вы не собираетесь остановить это? — продолжал Бетховен.

Лонг закусил губу, покачал головой в знак отрицания.

Селус пожал плечами: казалось, он зачарован происходящим, заинтересованный, но не вмешивающийся.

— Отсюда я даже не вижу, мужчина это или женщина, — сказал Селус.

— Разве тут есть разница? — спросил Хьюи Лонг.

— Тогда я это остановлю!

Бетховен, не совсем осознавая, что делает, бросился на округлившиеся тяжелые бока императора, чувствуя такое отвращение, какого никогда не знал. Тот, другой император, Наполеон, предал его, но образ его был безликим, все это не походило на теперешнее. Это был бунт. Это было похабно, отвратительно, это было отрицание всего, ради чего он прожил свои пятьдесят семь лет, стремясь такое уничтожить. Свобода — да, но свобода для всех, а не только для больных рассудком и злобных людей.

— Прекратите! — заорал он, проталкиваясь к ним. И тогда он ощутил на себе руки Хьюи Лонга, громадные руки которые тянули его назад.

— Нет! — сказал Хьюи Лонг. — Не останавливай его! Для этого-то мы сюда и пришли — чтобы видеть.

* * *

— Всяк человек бог, — сказал Хьюи Лонг. Селус воззрился на американца в шоке и одобрении. — Так вот зачем нас взяли сюда, — продолжал Лонг. — Чтобы мы могли поступать так, как хотим.

Бетховен пытался вырваться из его объятий, предвидя, как он будет наблюдать бегство Калигулы, скорчившегося, точно насекомое и думал: прав ли этот человек.

Прав американец, каждый человек бог, и мы явились в это проклятое место для того, чтобы сделать из себя самих богов, будь они даже самые презренные на вид. Это ответ, который лежит в самом сердце этого города; это то, что мы всегда понимали.

Всю свою жизнь он стремился, как должны делать и остальные, к такому положению, а теперь, когда он его нашел, остается только подчиниться.

— Подчиниться! — кричал на Бетховена Селус. — Да будет так! Делай так, как ты хо-

чешь! — Он разглядывал на расстоянии лагерь, ближайшие силуэты, которые в неотложности нужд Калигулы расступились, чтобы освободить место. Я бы это сам сделал, если бы мог, подумал Селус, и я так сделаю. Сделаю.

— Теперь я понимаю, зачем мы вернулись к берегам Реки, — сказал он, обращаясь к Хьюи Лонгу. — Это все время нас ждало, да?

Лонг улыбнулся, тряхнул головой, протянул руки Селусу.

Выражение его лица было странным, абстрактным. Бетховен, боровшийся в сильной хватке Лонга, вдруг сдался, опустился на колени, потом нагнулся к земле и потерся лбом о грязь.

— Вы его не остановите, — пробормотал Бетховен. — Ничего не может снова прекратиться. Это ответ, да? Вот что вы хотели дать мне понять, вот почему вы привели меня обратно — чтобы унизить меня.

— Не знаю я об этом ничего, сынок, — возразил Хьюи Донг. Он слегка улыбнулся и поглядел на Селуса. — Но мы считаем, что теперь знаем ответ, да?

— Да, — подтвердил Селус. Перед ним повисла туманная и прочная дымка, он мог бы ее смахнуть одним движением руки, но предпочел этого

не делать. — Да, я понимаю. Всяк человек бог.

— Он взглянул на зачарованного угрюмого Бетховена. — Даже ты, — сказал он. — И я, и все остальные. Вот что должно нам открыться.

Голос Калигулы проблеял сквозь дымку, сквозь поразительную тишину Мира Реки. Селус услышал пение императора, затем томительный крик его облегчения. Будь я проклят, подумал он, а затем: да, наверное, я проклят. Наверное, мы все прокляты. Что точно то же самое, что и быть свободным.

* * *

— Так он, конечно, положил того цыпленка в горшок, да? — спросил Хьюи Лонг. — Посмотрите на человека, который поставил машину в гараж. — Он крякнул и подивился, что скажет на это Селус. — Так скажи, — обратился он к Бетховену, который теперь тихонько всхлипывал у него за спиной, — что, как ты думаешь, сказал бы англичанин?

— Mussessein,[6] — сказал Бетховен. — Ess mussein.

---

[6] Примечания: 6
Так должно быть (нем.)

* * *

Великолепный в своих делах, победоносный относительно своего облегчения, бог Калигула вышел из нейтральной формы, которая служила ему так хорошо, — однако, ее было достаточно для настоящего времени, хотя, конечно, будет и получше, — и посмотрел на своих подданных, расположившихся лагерем на расстоянии, упавших на колени, чтобы служить и изменять ему.

— О да, — спокойно произнес он. — О да, измена и служение — это ведь одно и то же.

Он привел в порядок свою одежду, встал, отпихнул набок признак своего возвращения и шагнул к небольшому пространству, освобожденному для него слугами Мира Реки, к его трибуне, откуда он будет говорить. Он соберет их вокруг себя и отдаст им команды, и тогда начнется истинная и окончательная природа его царствования. Издалека он слышал пронзительные крики, воздающие ему почести, а скоро явится сам Клавдий, чтобы свидетельствовать, чтобы склониться перед ним и служить ему. Всяк человек бог, да… но этот бог, даровавший Мир Реки, его терпимость, его безумие и его сокровища… этот бог — человек.

Филлип Дженнингс
Забавы Мира Реки

Неужели даже смерть стала неопределенной и неуверенной? Разве мы смеемся сами над собой? Или ты и есть Насмешник?

Голос деланно улыбающегося человека эхом разносился от трона. П. Г. Вудхаус, вынужден был встать на колени, по обе стороны от него — стражники, и важная шишка — этот парень Аль-Хаким, перешел на другую систему речи, в которой Плам вынужден был признать исключительно блестящий арабский.

«Сказать, что Бог говорит, это значит — предположить, что он когда-нибудь может молчать. Этот… этот мир Реки — не реальность, это кодекс законов, а потому послание, и не от Бога.

Но здесь подразумевается послание вроде загадки друзов, а потому в тысячу раз более обманчиво. Что ты знаешь об Обманщике?»

Могучая цепь мысли Хакима казалась почти логичной.

Какой-нибудь парень из Оксфорда мог бы проследить, каким образом одно предположение

ведет к следующему, и каждый вывод более мрачный, чем предыдущий.

— Ну, теперь — опровергни это! То есть, кодекс и все!

Плам только моргал глазами, обремененный привычками близорукого периода жизни, пытаясь что-то разглядеть в зале, выложенном громадными плитами. Его дух определенно чуждался в поддержке. Случайный наблюдатель этого скопления рядов людей в черных одеяниях и белых тюрбанах — означенный наблюдатель мог бы легко перескочить к выводу, что он «здорово влип».

Не вывод хотел бы Плам Вудхаус осознать. Смерть могла потерять большую часть горечи в третий и четвертый раз, но в последнее свое воскрешение он был лишен даже возможности поесть, и его вера в лучшую природу человечества испытала разочарование.

— Если ты принимаешь меня за Дьявола или думаешь, что с ним знаюсь, я должен ответить словами, которые выше моего знания. Нет. Я хочу сказать, я так не думаю.

«Истина знает, что она имеет в виду».

— Полагаю, что да, — согласился Плам. В минуты отчаянного беспокойства его улыбка ста-

новилась до невозможности широкой и казалась почти ужасающей. — Но я не могу поручиться ни за кого, кроме самого себя, а я встречался со многими парнями и девицами в последние несколько жизней… — Глаза его сузились от внезапного понимания. — Кроме того, разве вы не говорили, что мы могли бы не быть самими собой? В данных обстоятельствах я не знаю, как доказать свою добросовестность.

— Мы терпим здесь только один народ и один язык.

Определенно, я никогда не слышал, чтобы так говорили по-арабски, как ты, — загрохотал Аль-Хаким со своего высокого и отдаленного сиденья. — Тем не менее, это арабский — в некотором роде.

Он поразмышлял, а сбоку копьеносцы покачивались в ожидании, готовые сокрушить этого неверного по мановению пальца.

— Ты прожил несколько жизней? После пира посети нас лично в нашем саду, и мы выслушаем твои показания.

Плам решил, что это благоприятная новость, и снова вздохнул полной грудью. Четыре часа этого настоящего существования могли бы стать восемью, а потом шестнадцатью…

Он социально неприспособленный, да, но он всегда очаровывал — ну, не каждого. В его последнем воскрешении Ганс Хорбигер на него надулся, да еще как! Все же Аль-Хаким би'Амр Алла подобреет, слопав немного ветчины, к тому же при свидании tete-a-tete многое проще…

Плам почувствовал, как его хлопнули по плечу. Его труд закончен, но дело при дворе продолжается — дело о перерыве на ланч в соответствии с неумолимым режимом работы местных грейлстоунов.

Один из копьеносцев посадил его в альков с несколькими другими джентльменами и взял его завтрак. На сцену выступило обычное волшебство, и завтрак вернулся к нему немногим менее часа спустя, чтобы Плам мог его открыть.

Плата за этот сервис состояла из всей порции его сигарет я алкоголя. Плам едва ли возражал против того, чтобы благословить мозолистую ладонь местным фининспекторам. В какой-нибудь день обида может дать себя знать, но на данный случай он смотрел шире. Сделавшись любезнее после еды из цыпленка, перца, лука и сметаны, он попытался заговорить с окружающей его группой смуглых людей по-французски. Французский язык дипломатии, незаменимый при обмене го-

сударственными тайнами, — но его хромающие попытки ne marche pas. [7]

Немецкий? Carpe diem [8] могло бы с таким же успехом быть вьетнамским рецептом для приготовления рыбы.

После некоторых попыток преодолеть робость и прочистить горло похожий на бандита посетитель осмелился продемонстрировать свой английский:

— Не надо дат Иисуса. Он тебя спросит. Из всего вычти шестьсот сорок.

Плам с полным ртом лучезарно улыбнулся. Апаш продолжал:

— Не всегда одно и то же число, потому у них годы короче.

Но, если ты жил на земле после 1200 года его времени, он заинтересуется тобой.

Плам проделал математическое действие. Что касается шестисот, эта часть была легкой: тысяча триста — тра-та-та.

Тысяча триста сорок два. Можно округлить: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Он спросил:

— А хочу ли я быть интересным?

---

[7] Примечания: 7
не удались. (фр.)

[8] Примечания: 8
лови день. (лат.)

Апаш засмеялся. Он мог бы сказать touche, но норманнское завоевание не дошло до Аризоны.

После пудинга Плам попробовал облегчить свою ситуацию среди этой толпы:

— Ох, жизнь после смерти полна досуга.

Ирония, очевидная в этой фразе по-английски, не выдержала перевода. Он восстанавливал веселое настроение, вызывая этим полное молчание слушателей, пока двое в черных одеяниях — и много же вышло бы килтов из этой зря потраченной материи! — не подошли и силой не поставили его на ноги.

Местная жандармерия промаршировала с ним налево и повела через крытый портик в коридор без крыши. Коридор обжигаемый полутропическим солнцем, раздваивался, по обе стороны шли камни, похожие на хорошо отполированные зубы.

Отлично сказано, подумал Плам, всегда он был искусен в подборе метафор и сравнений.

Далее его путь лежал через неглубокий пруд, и снова на свежий воздух. Некоторое время все трое оставляли мокрые следы ног, потом лабиринт расширился, чтобы перейти в поле — маленькое, даже для крикетного матча.

Хаким ждал под деревом. Если смотреть на него

вблизи, мог похвастать героическим семитским лицом: точно ассириец, только что сошедший с фрески, минус борода и украшения. На расстоянии от него стояли два стражника, расстояние было настолько безопасным, насколько это можно было позволить, но Плам все-таки вспомнил все эти библейские истории — насчет волков в поле и о горах отрезанных голов.

Он поклонился, неуверенный в местных обычаях, его эскорт отошел, присоединившись к другим стражникам. Хаким сразу приступил к делу:

— Когда ты умер?

Плам ринулся навстречу опасности:

— В 1380 году, — он немного преувеличил, — после того, как Мухаммед сделал свое дело, чем бы оно ни было.

— Ты даже вычислил. Хорошо, — таким тоном, как сказал бы: «хороший щенок…» или «хороший неверный». Хаким прошел по кругу:

— Ты получишь хижину. Видишь этот ряд? По хижине каждому моему историку. Я в этом мире оказался отставим, так что будешь мне помогать. На кого ты нарвался?

Этот Аль-Хаким би'Амр Алла имеет кое-что на своей стороне: он знает, как вывести человека из равновесия.

— В твоих, нескольких жизнях, — добавил Хаким. — Гитлер? Ленин?

Плам покачал головой:

— Царица Билкис. Это было в мое первое воскрешение.

Они с мадам Блаватской установили теткократию женщин, которые на земле прожили долгие жизни и научились не воспринимать дерзких реплик. Эта Блаватская — она ввела эту религию в действие, когда я был школьником. А… э…

— Да?

— Я прекрасно умею организовывать издание газет; это только в реальной жизни я неудачник. Хотите знать всех голливудских типов, которых я встречал на Земле? Кинозвезды. — И он продолжил: — Кларк Гэйбл, Фред Эстер, бродвейские парни.

— Царица Билкис — мифическая фигура, — заметил Хаким.

— Для мифа она была уж очень фигуристой, — ответил Плам. — Она весила больше меня на стоун или два… и чертовски настаивала, чтобы я выучил арабский. Кто еще? Соседи Билкис из-за реки нацеливали ружья на принца Фердинандо Монтесиноса, который претендовал на то, что был раньше кем-то важным. Но тут я бесполезен,

я имею в виду, что не могу сказать, была ли Ровена дочерью Хорсы или Хенгиста.

— Ровена? — Хаким обладал даром терпения.

— Вверх по Реке шли сплетни о том, что она вышла замуж за Райдера Хаггарда, но аллах его знает, за сколько королевств от меня это случилось; где-то вдалеке царства императора Алексия.

Меня убили из-за Билкис, неужели не знаете? Я пошел грудью на копье из-за того, что мое новое зрение было слишком хорошим.

Плам мчался дальше на всех парусах, раз уж ему удаюсь завладеть вниманием Хакима:

— Настоящий-то я был слепой, как летучая мышь. Снимал очки только перед тем, как ложиться спать. Мне нужно было, чтобы все перед глазами все расплывалось, не то не заснуть. Весь период перед Билкис и ее синедрионом тетушек страдал бессонницей, как никто другой. Я был пьян в драбадан, когда принц Фердинандо причалил к берегу со своей армадой.

«Вторжение!» — закричали местные. «Вторжение? Что?

Где?» — я зевнул, нащупывая свою дубинку.

Черные глаза Хакима пристально впились в него, несмотря на отклонение от темы.

— Но ты, может, знаешь о Ленине, — прервал он. — И о большевистском движении? Они уже достигли полного коммунизма в твою эпоху на Земле?

Безусловно, эта резкая перемена темы означает что-то глубокомысленное, подумал Плам.

— Ленин умер… простите мою математику… лет за пятьдесят до меня. Россия продолжала отправлять и возвращать спутники. Они покупали мои книги, разве вы не знаете? Покупали их — будь здоров! Массу чертова времени я потратил, придумывая, что сделать с их рублями — потому что мои герои были идиоты-капиталисты, и им это нравилось.

— Так ты писал книги.

— Беллетристику. Музыкальные тексты. Забавные. Хаким игнорировал эти слова.

— Пятьдесят лет. И дело Ленина процветало? Это у орла есть такая привычка — клюнуть здесь, клюнуть там — и делают паузы между кусками, чтобы поразмышлять над своей добычей. У Хакима крутая внешность орла — и все время на свете в его распоряжении.

— Красные-то? Ну, в некотором смысле, поднимались по каменным ступеням из громадного количества мертвых к высоким материям. По-

литика не была моей стихией. Когда настало лето, человек перестает жить ужасами зимы, а я летний человек.

Хаким кивнул в ответ на эту метафору. Он заговорил с задумчивым сочувствием:

— А все эти люди в черных одеяниях — люди зимние. Это делает религия. Они мигрируют вверх и вниз по Реке, целыми неделями, потому что слышали, что их Хаким вернулся после своего исчезновения. Я должен завоевывать новые грейлстоуны, чтобы кормить их всех, а потому мои соседи меня ненавидят.

Возможно, они правы. Ведь мессии — зло, разве нет?

Плам пожал плечами. За несколько часов пребывания здесь он находился под впечатлением, что мистер Аль Хаким би'амр Алла был богом во плоти для друзов, которые доминировали на этом участке Реки. Он был Мухаммедом современности. Такт требовал, чтобы он проявил желание проклинать этого человека в лицо.

Он размышлял — что сказать? Пока он раскидывал мозгами, Хаким оставался непроницаемым.

— Твоя хижина. Последняя в углу. Мы туда пойдем.

И они пошли. Там оказалась кровать, неболь-

шой стол, дверь и окно. Во время участия во Второй Мировой войне у Плама бывало и похуже. Куда хуже. Учитывая нехватку зданий в районе Реки, эта бамбуковая коробочка могла сравниться с многокомнатным номером в Ритце.

Богоподобный и, вероятно, злой Хаким сделал жест — это твое, — и удалился. Плам вошел внутрь, положил свой грааль на стол и попробовал матрац. Вместе пружин были веревки, но оказалось удобно.

Личная жизнь!

Лицо Плама вытянулось. Неплохо, что досталось и такое, но Мир Реки продолжал оставаться адом. Ни бумаги, ни чернил, ни прессы. Как ему здесь функционировать? Единственное, что он делал хорошо, было ему недоступно. А за исключением этой деятельности, он полный дурак. Его роль «советника по истории» была просто дурацкой. Ни один человек, вынужденный пребывать в двадцатом столетии, не обратил меньше внимания на его особенности.

Кроме того, Хаким. Когда Плам говорил, проявлялись причуды его ума. Хаким был такой же непостоянный, как и он, но при одной ужасающей разнице: у него в мозгу была целая бездна.

В перемене тем он следовал хитрому менталь-

ному алгоритму, который губил его собеседника.

Говоря о литературе, Плам всегда находил, что дурно проникать в психологию своих отрицательных героев. Теперь же, когда он был действующим лицом рассказа, вместо того, чтобы его писать, у него появилось иное ощущение. Плам сожалел, что ему ничего неизвестно о внутренних побуждениях его автора. Он был бедным мулом Хакима, ведомым при помощи морковки и палки, но почему?

Почему Хаким намекал, что на самом деле он вовсе не выдумка, которую почитают его поклонники? Что-то не сходилось. Что здесь происходит? Через некоторое время Плам встал и вышел в «сад» — этот гигантский окруженный резиновой стеной луг для игры в крикет — чтобы проверить, не имеют ли его сотоварищи, советники по истории, каких-либо соображений.

Он получил целые фонтаны информации. Бывший торговец галантерейными товарами из Смирны указал направо, на стену, противоположную их ряду хижин.

— За ней — женская сторона, — объяснил он. — Хаким проводит с ними гораздо больше времени. Мы — запасная команда. Он использует нас, чтобы проверять их факты. Когда Мария ему

рассказывает о том, что Кемаль Ататюрк делает то-то и то-то, он рыскает кругом, чтобы убедиться в этом.

— Мария?

— Предполагается, что мы не знаем их имен, — пояснил Набух ад-Наср, который считался экспертом по политике Среднего Востока за две тысячи лет до того, как Хаким стал Имам-Халифом.

Плам нашел странным, что современник Ветхого Завета должен скакать с бодростью юноши и быть таким же легкомысленным мальчиком, как боец афганского сопротивления — несмотря на свою любовь к макияжу и тщательно подведенные глаза, этот последний был экспертом по девяти военным организациям, воевавшим с советскими захватчиками.

Ни один из перечисленных выше, если по честному, не был арабом: они были турок, аморит и патан. Но это было необходимое условие для здешнего проживания, которое они заставили себя принять, и поэтому у них были хижины, в то время как Джим Апаш вынужден был ютиться в лагере в углах, пока не станет разговорчивым. Плам повторял имя в арабском звучании, как будто бы по-английски «Мария» произносится иначе. Прежде чем он успел рассмеяться над

самим собой из-за собственной глупости, Джим ответил на ломаном арабском:

— Она лучшая королева гарема. Она много говорит о Ленине.

— О Гитлере тоже, — сказал галантерейщик.

— Хаким ревнивый. Он думает — он сравняется в истории с этими двумя, — вставил юный иракский принц, убитый в какой-то стычке в 1950-е.

Плама удивила и откровенная враждебность принца, и общая свобода слова внутри этих стен, но большинство заговорщиков попали сюда тем же путем, как и он, «проехав по дешевому билету». Они были наполовину готовы и почти хотели умереть опять.

Существовали худшие виды наказания, чем смерть. Можно было услышать о королевствах, где процветало рабство: слепых, обездоленных заморышей держали в тюремном заключении, украв у них грааль. Если бы Хакиму была нужна репутация насильника, он мог бы поступить таким же образом. Но он этого не делал. Это давало передышку. Это заставляло думать, — а не имеет ли Хаким в душе чего-то доброго — и пытаться узнать это.

Плам Вудхауз уснул, размышляя над этой проблемой и не найдя ответа. Ежедневные дожди

начинались как раз перед рассветом. На завтрак дали булочку и горячий суп с вермишелью, стражники отбирали обычную таксу. Для несуществующей трубки Плама не будет никакого табака, а после — никакой пишущей машинки, которой можно было бы занять себя, никакой аудитории для последнего приключения в Замке Вежливой Обходительности.

Что остается? Чего стоит такая жизнь?

В тот день, ближе к вечеру, добрый человек Хаким и его приближенные навестили мужскую сторону сада, бродя из хижины в хижину для разговоров с местными жителями.

Добравшись, наконец, до Плама, мастер оккультных наук друзов разыгрывал радушного хозяина:

— Что неладно? — спросил он после того, как Плам выразил ему благодарность за свое жилье. — Не хотел бы ты пройтись по этой стране зимнего благочестия? Я и сам чувствую себя ограниченным в пространстве, поэтому мы организуем походы и экскурсии, и пикники. Ты не должен думать, будто ты пленник.

Неужели?

— Нет, дело не в этом. Я просто… Я просто… я посвятил себя тому, чтобы писать, — ответил

Плам. — Шестьдесят с лишним лет я только этим и занимался. Писать — и гулять, или заниматься борьбой теперь, когда я опять в силе. Собаки. Я любил собак. Но нет для меня ничего лучше, чем заполнять словами чистую бумагу.

Он отвернулся в сторону, волна его эмоций дошла до крайности. Он взволнованно продолжал:

— Я ни разу не видел в Мире Реки бумагу! Хаким взял Плама за руку, как священник мог бы взять дрожащую руку горюющей вдовы, и дружески похлопал по ней.

— Я могу принести тебе бумагу! Мы делаем ее из бамбука.

Я знал, что тут что-то есть. Людей ко мне присылают с некоторой целью. Вчера я не знал, для чего ты, но теперь это становится ясным.

— Аллах не послал бы тебе П. Г. Вудхауза, чтобы писать забавные рассказы, — ответил Плам. Даже при том, что его настроение взмыло на слабых крыльях надежды, он восставал против величия концепций Хакима.

— Ты должен иметь веру! Вселенная разбита, — ответил Хаким. — Логические требования, чтобы все случайные цели соединили начало с концом в круге времени, и каждое звено этой круглой цепи, когда ты об этом подумаешь, остается тем

же самым звеном, каким оно было восемьдесят биллионов лет назад. Тот же самый Хаким встречает того же П.С.Вудхауза, но, благодаря Аллаху, предназначение этого вечного цикла циклов этого Великого Удара и падения нас не касается. Физическая вселенная треснула, и Его благодать чинит ее своими инструментами. Я не знаю ничего, кроме того, что испытываю на опыте — я сосуд этой милости. Я ей доверяю. Когда я был моложе, я использовал ее плохо, хотя милость знает путь, как сделать дурные вещи хороши-ми.

— Я не был уверен вчера. Ты казался дурным: насмешником. Человеком анти-друзианского характера в мире, человеком, который высмеивает верования друзов. Но теперь ты можешь доказать себе сам. Пойдем. Мы должны пошептаться.

Удалившись от своих стражников в хижину Плама, Хаким приложил палец к губам:

— Это тайна, которую ты не сможешь выдать: мои помощники убьют тебя, если заподозрят правду. Говорят, что за девятьсот лет до твоего времени я оставил Каир и бежал моих почестей и титулов. Я писал письма из того места, где прятался следующие три десятилетия. Эти письма наставляли людей в религии. Ложь, ложь! Но, естественно, мне было бы интересно прочитать

их самому. Узнать, что я сказал! В День Воскрешения мы все проснулись в Мире Реки, нагие и лишенные книг, и нет у меня никакого способа процитировать себя самого.

Хаким подошел к окну, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Через минуту он вернулся.

— Отсюда мой интерес к чернилам и бумаге. Все, что я должен сделать — все, что могу сделать, — это опубликовать столько текстов, сколько смогут здесь вспомнить те, кто старше меня. Мы все с энтузиазмом относимся к этому проекту, по разным причинам, моя — это выжить.

— Выжить? Но…

— Я знаю, я воскресну, если все, что они сделают — это убьют меня. Но подумай, что они могут сделать хуже. Подумай также: ведь я не умер ни разу с того утра в Каире, когда «погрузился в оккультизм». Я не привык к этой идее, как ты. Но я не просто трус, который разыгрывает забияку из самозащиты: преданность этих людей дает мне поразительные возможности. То, что я тебе сказал, — правда. Если я не сумасшедший, говоря это, я — один из сосудов милосердия самого Аллаха. Для этого я рожден, и я ощутил в себе эту мощь.

Плам прочистил горло. Почему я? — подумал он про себя.

Если этот парень исповедуется каждому посетителю, которого встречает в течение сорока восьми часов… Есть один шанс, что он действительно сумасшедший.

К счастью, Хаким сохранил нить разговора без активной помощи Вудхауза.

— В твоей земной жизни Аль Хаким би'Амр Алла ничего Для тебя не значил. Ты никогда обо мне и не слышал до вчерашнего дня.

— Ммм… Э-э-э… Я догадываюсь…

— Мало кто обо мне слышал за пределами секты африканских друзов. Но, пока по приказу моей сестры меня не умертвили, я был Лениным своей эпохи. Я правил из Каира, а Каир был такой великий город, какой когда-либо была Византия. Более великий, чем Дамаск, более великий, чем Рим!

Будучи сосудом Бога, я ненавидел религию. Я не входил ни в какую партию — я их все ненавидел. Я разрушил Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Я уничтожил святые места пилигримов, включая и священный Хадж в Мекке и Медине. Но я управлял через моих шиитов, моих поклонников, а они были пресыщены.

Христиане и евреи страдали куда больше, чем мусульмане.

Какая была польза призывать людей, приверженных Библии, к отступничеству, если они все были противниками Ислама? Мое решение состояло в том, чтобы создать новую религию — без священников и жрецов и упрощенную, так что фанатизм мог бы работать на меня, и Аллах послал мне прозелитов, чтобы выполнить эту работу. Если бы у нас было больше, чем четыре года… если бы восемь — или двадцать… — Хаким вздрогнул. — До того, как появился я, мусульмане, христиане и евреи мирно жили в моей области. Я дал прецедент угнетения, но не дожил до того, чтобы увидеть, что он выполнил свою роль как следует — это всегда было несправедливое угнетение, оно так и не стало справедливым. Годы спустя правители продолжали мучить христиан с упорным рвением.

Через поколение франки ответили Первым Крестовым Походом.

На этой драматической точке Хаким сделал паузу. Плам уловил его цель. Очевидно, этот человек нуждался в том, чтобы его обвинили — или поверили ему. Вчера он почти просил о том, чтобы его считали воплощением зла.

— Значит, это ты устроил все это.

— Весь этот вред. Бесполезное кровопролитие во имя религии, потому что я хотел сломать эти установления, а не использовать их. Разве я не должен был прославиться через столетия за мои ошибки? Возможно, Ленин был более великим, чем я. Он преуспел там, где у меня не получилось.

Плам покачал головой:

— Вот в этом и вердикт. Не в том, как сложилась моя прежняя жизнь. Во всяком случае, ленинская религия коммунизма — не вижу, чтобы она была лучше, чем другие. Люди некоторым образом за нее умирали.

Хаким улыбнулся:

— Мне нравится, как ты оцениваешь труд. Но мы с Мапией предвидели твои оговорки. Тайны внутри тайн! Это — та тайна, которую я не могу выдать. Исключительная женщина!

Он снова подошел к окну и заговорил более рассчитанным на публику голосом:

— Для тебя мои женщины не существуют. Ты никогда не будешь полезным для них по той же мерке, как мои любимцы.

Ничего скандального в тебе нет. Никакой энергии, какую я мог бы взять и использовать.

Я просто дам тебе бумагу и чернила и доверюсь насчет результата.

На этой ноте он удалился, только в этом однокомнатном сооружении не хватало пространства для выхода. Для выразительного отступления требуется три шага, ну, два, если там имеется дверь, которой следует драматически хлопнуть. Но Хаким на третьем шаге был уже вне помещения, говоря о чьей-то предстоящей казни.

Повестка дня у тирана была весьма заполнена делами. Плам восстановил в памяти последние десять минут и решил, что этот человек снова его достал. Одолел его. Больше всего из своих произведений он гордился вовсе не английской лирикой и не искусством рассказчика. Нет, он высоко ценил сюжеты этого Руде Голдберга, полные точных до мелочей и невероятных совпадений.

Ему стоило громадных трудов собрать их вместе — это была более тяжелая работа. Гораздо легче было избавиться от многословия.

Хаким? Хаким был живым заговором. Едва ли можно удержаться от того, чтобы сочинить историю о дервише вроде него, который вертится рядом. Это Вудхаузу не нравилось.

Реальность есть реальность, а сочинительство — сочинительство, и никогда эти две категории

не должны встречаться. Ему-то всегда нравились персонажи его рассказов, но нравятся ли этим персонажам их автор? Результат пришел вместе с местью, ибо Хаким имел над ним авторскую власть.

Плам взорвался. Что здесь было ценного, так это слуги, самозванцы. Вещи, знакомые каждому читателю. А как насчет любовной линии? Или наводящей ужас тетушки? Что ж по другую сторону стены такого сколько угодно, — там, в женском саду.

Да, он мог бы что-то из этого сделать. Это могло быть своего рода терапией. Если Хаким сдержит свое обещание насчет бумаги, Пламу удастся написать рассказ: вежливая обходительность в Мире Реки, что-нибудь, чтобы восстановить свое ощущение равновесия. Что-нибудь такое, чтобы поставить Хакима на место.

Осторожнее. Лучше всего вести тонкую игру, принимая во внимание весь этот чертов фанатизм. Актерский состав может играть в костюмах и масках. Это обстоятельство создавало хорошую проблему, и весь остаток дня и вечер Вудхауз посвятил разработке замысла.

К утру он все добавлял подробности и хотел бы все их запомнить. Хаким и его команда снова

пришли с дневным визитом.

— Люди, которые одновременно умирают — они что, воскресают в одном и том же месте? Ты слышал какие-то разговоры об этом? Любовники и тому подобное?

Плам в недоумении заморгал глазами:

— Я… я не знаю.

— Сделаем эксперимент. Набуч и Афганец могут быть любовниками где-нибудь в другом месте, с моего благословения, — голос у него дрогнул, точно у новичка, впервые севшего перед микрофоном. — Неестественных пороков здесь не терпят.

— А-а…

Плам сосредоточился, глядя на двух советников по истории, которых подвели к большому дереву. Прижали к стволу.

Привязали. Если такое случается часто, немудрено, что имеются свободные хижины для вновь прибывших, как он сам.

Хаким подошел сзади и протянул ему пакет:

— Бумага, перья и чернила. Не смотри так, как будто бы это тебя огорчает.

Плам собрал драгоценные предметы и заковылял в свою хижину. Он слышал удары копий. Но они не прозвучали одновременно.

Примерно в течение часа после того Вудхауз нашел, что писать невозможно. Сюжет должен был крутиться вокруг американского магната, производящего резиновые игрушки, который основал культ, объединяющий здоровье и религиозность, нечто вроде адвентизма седьмого дня. У этого парня был счастливый брат-двойник с пристрастием к алкоголю…

Оба близнеца был Хаким, хороший Хаким и плохой. Но кровь застывала в жилах у Плама при одной мысли об этом ужасном человеке, об этом водовороте противоречий. Его замерзшие жилы оттаяли только после того, как он отложил этот рассказ в долгий ящик и принялся за новый.

На каком языке писать? На арабском. Если так, рассказ должен быть коротким. Пламу не справиться как следует с пятью тысячами слов не на родном языке.

А какой алфавит использовать? Он бросил перо и стоял.

Болтовня о превратностях судьбы! Ну, тогда пусть будет римское написание. Если все бывшие обитатели Земли украсят собою пейзаж в каком-нибудь месте Мира Реки, должны найтись дюжины, даже сотни, которые будут наслаждаться хорошим арабским языком, историей,

сочиненной наугад.

Он вернулся к столу и начал писать.

* * *

Пламу понадобилось много дней, чтобы набрать скорость.

Даже в лучших обстоятельствах требуется неделя, чтобы написать рассказ в пять тысяч слов. Хаким Терпеливый понять этого не мог.

При своем шестом посещении он похлопал по законченным Вудхаузом страницам:

— Ничего не могу разобрать в твоем дурацком шифре. Если в этом писании есть действительно какой-то смыл, прочти мне вслух, чтобы доказать.

— Я… я ужасно, — растерялся Плам. — Мне авторитеты говорили, чтобы я никогда не читал вслух.

— А ты попробуй.

Состроив гримасу, Плам взял в руки первую страницу и начал ораторствовать. Он заикался и мэкал, пропуская строчки, возвращался назад и чесал в голове.

— У-ух! — вскричал Хаким после двух минут пытки. — Давай сюда! Я знаю, что надо сделать.

— Он вышел с полу законченным произведе-

нием Плама.

Вудхауз поник от своего поражения. Да, он потерпел поражение — а почему нет? Как он только мог подумать, что будет иначе? Разве Гитлер стал бы смеяться над остротами, написанными на пиджин-немецком, переведенным на еврейский? Джентльмены вроде Ленина никогда не славились своим чувством юмора, разве не так?

Хаким не составляет исключения. Хаким, который мог держать его здесь и не допускать ни к какой аудитории!

Настроение Плама сделало для него вид рабочего стола невыносимым. Он вскочил и направился в сад, обходя большие круги по его краям, поворачивая от центрального дерева. Что сделал Хаким с его злосчастной рукописью? Использовал вместо туалетной бумаги? Бросил в реку?

На каждый пятый раз он менял направление своих кругов.

По часовой стрелке — против часовой стрелки — по часовой стрелке опять. Он услышал смех с женской стороны стены. На ум пришло слово «гоготание», слишком жесткое для того, чтобы вообразить гогочущую девушку. Жизнь по ту сторону стены была приятной. Светило солнце.

Может быть, если бы он распростерся орлом

у ствола того дерева, какой-нибудь стражник услужливо метнет копье в направлении его фигуры.

— Хаким обманщик! — крикнул бы он тогда, чтобы воодушевить это ничтожество. — Никогда он не сочинял ваше писание! Все это — ложь!

Ну, довольно. Плам ушел с тропы, где он весь горел в траве, лучше уж превратить себя в мишень.

Когда он подошел к дереву, появился Хаким из боковой аллеи, лицо его сияло улыбкой.

— Отлично! Потрясающе!

Он вручил Пламу его страницы и снова отбыл, человек, привыкший неожиданно уходить. Так обычно и бывает с твоей текущей критикой, подумалось Вудхаузу. Ты хочешь, чтобы они не пропустили ни одной детали отличного великолепия: эта строчка, эта шутка, это удачное выражение, — а они вместо этого только гудят.

Мир только что повернулся на сто восемьдесят градусов, можно выразиться. И Плам тоже. Он вернулся в хижину…

Девичий смех. Девичий смех над его рассказом? Значит, они там о нем знают? Кто-то знает. Как она может выглядеть?

Наверное, она здоровенная. Тот тип женщины,

который ржет. Ах, нет. Там, конечно, была эта ржущая, но почему бы не быть и еще другой женщине? Кто его знает, какова там плотность населения? Могли слышать десятки ушей. Губы лепетали:

«Вудхауз. Может ли это быть тот самый? Тот Вудхауз?

Плам был одиноким человеком, он жил в обществе созданий его собственного воображения. Уберите эту проклятую стену, и он все еще останется одиноким. Лучше уж так. Он может притворяться, будто там есть люди, которые о нем думают. Люди, которых он смог взволновать.

Нет, не надо притворяться. Он и в самом деле мог взволновать их. Он мог бы к ним попасть. Он сел за стол, воодушевленный новыми амбициями. Рассказ? Книга! И по-английски, особенно первый черновик. Довольно этой таинственной путаницы!

* * *

Когда Плам погрузился в осуществление своего грандиозного замысла, время так и помчалось вперед, с регулярными перерывами для того, чтобы в очередной раз перекусить. Он чуть ли не негодовал на эти перерывы, которые становились

еще хуже из-за официальности приносившего еду человека, который никогда не забывал отбирать табак, марихуану и алкоголь; и/или жевательную резинку-наркотик. Никакие изменения в ментальном состоянии в резиденции друзов не допускались!

Хаким навещал Плама ежедневно, а затем сделал перерыв в своих визитах, отправившись путешествовать по своим владениям.

Плам продолжал усердно писать. То и дело он выходил погулять, чтобы размяться, его крупное тело настаивало на своем собственном здоровье.

Первая глава оформилась. Она останется первой главой.

Первые главы других авторов становились главами двенадцатой или семнадцатой, прежде чем их книги были закончены, или в процессе работы их убирали, или основательно перерабатывали.

Но не таков был метод П.Г.Вудхауза.

Он одолел главу вторую. Хаким возвратился из своего королевского путешествия. Он собрал первые густо исписанные страницы Плама и ощутил на себе остроту вудхаузового гнева:

— Эй! Ты что это такое делаешь?

— Ты же сказал, что это уже готово. Мария хочет посмотреть.

Плам настаивал на выполнении обещаний. Хаким нахмурился и ушел.

Через несколько часов стражник возвратил страницы. Плюс трубку. Плюс пачку табаку. Повернулся и ушел. Плам сплясал вокруг своей хижины, выкурил полную трубку и вернулся к работе.

Он трудился, пока золотой вечер не потускнел и не унес свет, а тогда предпринял еще одну прогулку, радостно кивнув Джиму Апашу, галантерейщику из Смирны, и новоприбывшему, французскому алжирцу, с тлеющим негодованием по поводу всего арабского. Иракский принц величественно поклонился Пламу, когда тот проходил мимо, это не был приветственный поклон, но нечто вроде обвинения. Слух о подаренной трубке уже распространился.

Никакой дворецкий не появился с виски и содовой в девять тридцать, когда Плам отправился спать.

Его разбудило чье-то шиканье:

— Ш-ш-ш!

Кто-то был у него в хижине.

— Пожалуйста! — шепнула она. — Не шумите! Плам начал шарить около себя, потом вспомнил, что в очках он больше не нуждается. Он загово-

рил с чьим-то надушенным силуэтом:

— Как вы сюда попали? Кто вы?

— Я так и знала, что это вы. Я должна была увидеть. — Она говорила на английском теплого юга, где-то между Альпами и Гангом. — Мне нравится ваш рассказ. Трубка была моей идеей.

— А-а. — Когда он полностью пришел в себя, Плам был охвачен ужасом: — Это же… вы должны вернуться назад. Это безумие! Нас за это убьют!

Тень покачала головой. Кровать Плама скрипнула, когда она села с краешку.

— Хакиму не приходит в голову, что воскрешения происходят наугад. Он подозревает в них цель. Для него каждый или опасен, или полезен. Я? Я одна из приносящих пользу. Если его алхимики смогут создать экстракт из наркотической жевательной резинки, и снова сделают из его людей детей, я должна буду их развивать некоторым образом — ради свободы?

Так он говорит — добра и свободы. Он говорит что должен устроить великое шоу из друзоизма, но в глубине души он против.

Выживание! Прежде всего, он должен остаться живым здесь, где его положение уникально.

Это было точное резюме того, о чем уже говорили Пламу, но ее слова только слегка затрагивали

тот факт, который лил воду на его мельницу.

— Он чертов обманщик. Никогда он не писал их писание.

Он просто с толку сбивает.

— У нас в вашем замке Вежливого обхождения всегда действовали обманщики, — напомнила женщина. — Я думаю, ему это нужно. Ему нужно попасть в аллегорию, как человеку с добрыми намерениями. Ваша книга будет взывать к новым людям, которых мы создадим. Любители ортодоксальности ее возненавидят. Вы будете громоотводом для их молний. Страна друзов будет для вас тюрьмой, но ваша книга проникнет в более широкий мир.

— Пока, с не слишком виноватым видом, Хаким не прикажет меня убить.

Посетительница покачала головой:

— Не вижу, как он сможет это осуществить. Создание племени «летних детей» посреди этой духовной зимы. Его тоже убьют. И новеньких. Но мы снова воскреснем, понимая, как воссоздать себя концентрированной эссенцией наркотика, для жевания. Отношение лета к зиме ускорит наш путь.

Плам разобрал черты славного лица — хотя оно было отягощено заботой и менее красивым, чем

могло быть. Она наклонилась и поцеловала его.

— Вы чистое лето — если только у вас нет какой-то тайной глубины.

Плам заколебался:

— Нет, никакой глубины нет. Я всегда избегаю глубины.

Она улыбнулась:

— Да, вы героически мелки. Вы сможете написать свою книгу? Книгу о добром самозванце Хакиме?

Плам неуклюже склонился, чтобы удобнее было похлопать лодыжку своей соблазнительницы.

— Он послал вас. Ваши ноги сухие. А сюда никак не попасть сухим. По пути — лужа. Разве только Хаким проходит так каждый раз. У него есть тайная дорога.

Женщина повела головой из стороны в сторону:

— Я никогда раньше не бывала на этой половине. Я хотела пойти. Так это было возможно. Я использовала летнюю сторону Хакима. Кроме того, с вами я в безопасности. Я сказала Хакиму, что вы не темпераментный мужчина. Любой, кто воспитывался в английской школе для мальчиков и любит борьбу и бокс — я сказала ему, что вы определенно скрытый гомосексуалист, или,

возможно, педофил…

— Ну, знаете ли!

Она приложила палец к его протестующим губам:

— Так легче. Я, видите ли, должна быть вашим издателем.

— Так вы — Мария?

— Мария Монтессори. Выдающийся мировой эксперт по: детскому образованию! — Она продолжала с горькой иронией: — Если вы бесполезны в Мире Реки без бумаги, представьте себе меня без юных умов, которыми нужно руководить.

Вудхауз ощутил тепло ее тела. Рука, которой он проверял ее ноги, скользнула вверх, чтобы ощутить ее фигуру. Эта кровать, в конце концов, не так уж велика, даже если он прижмется к стенке в наполовину возбужденном состоянии.

— Ах, — сказал он. — Ах!

Она откинулась. На некоторое время наступила неразбериха: колени и локти стали тем, чем они на самом деле были.

— Почему Ленин? — недоумевал Плам после первого страстного объятия. — Зачем вся эта болтовня насчет Ленина и Гитлера?

— Они украли мои идеи о пластичности юных умов. Новый человек коммунизма. Гитлерюгенд.

Получите детей достаточно рано, и вы сделаете из них все что угодно.

Поцелуй — и продолжение лекции:

— Конечно, направление у них было неверным, но концепция! Чистая доска! Коммунизм оправдал себя — или нет?

Если мы опять создадим взрослых детей и обратив их в… Вы изобрели слова: «Летние люди». Это то, что нам нужно.

— Вы уверены в Хакиме? Вы ему доверяете?

Мария засмеялась:

— Я всегда могу его перехитрить, в любой день. Ведь я здесь, правда? Пусть он меня убьет. Я вернусь с моими знаниями куда-то еще и начну жить по собственному режиму. Так что я не беспокоюсь. Ну, довольно. Хватит об этом говорить. Боже, какое у тебя большое расстояние от ног до головы! И такие мягкие волосы — как у ребенка!

На следующий день Плам закончил главу вторую и предпринял прогулку. На его тропинку вышел иракский принц.

— А-а, комнатная собачка аристократа!

— Простите?

— Мне сказали — вы пишете о герцогах и графах. Высший слой. Обыкновенные люди для вас недостаточно хороши.

— Мои герцоги и графы вполне обыкновенны, — ответил Вудхауз. — На самом деле, я заодно с массами. Во всяком случае, с теми массами, которые покупают «Сатердей ивнинг пост».

— Презренные массы. Хаким их презирает. Вы не предполагаете, что он мне сказал? Он делает дурные вещи только потому, что от него их требуют. Я слыхал за свои несколько жизней, что политические деятели хнычут о таких вещах. Имели ли иные из них смелость, чтобы ожидать от своих подданных самого лучшего? Или они потворствуют худшему?

— Полагаю, и то, и другое, — пробормотал Плам.

— Да. А вы знаете, что за человек Хаким, и, тем не менее, пишете для него? Плам покраснел:

— Я пишу то, что пишу. Любой, кто что-то в это вкладывает, — идиот. Вы бы поняли, если бы когда-нибудь читали мою ерунду.

— А вы обращались к людям по нацистскому радио во время Второй Мировой войны, чтобы они вкладывали в это значение, правильно?

Краска на лице Плама усилилась:

— Это была ошибка. Я находился в изоляции и был наивен.

Не хотел, чтобы люди обо мне беспокоились. Я

не знал, что мое чириканье и блеяние принесут страдания лондонцам, которых бомбят.

— Перестань ты его донимать, — сказал сзади Джим Апаш.

Принц ухмыльнулся:

— Я слышу голос Хакимова индийского скаута. Того кто бегает на свободе и выслеживает уклоняющихся от работы по сломанным прутикам. А твой арабский усовершенствовался.

— Не давай ему тебя задевать, — сказал Джим, обращаясь к Пламу, игнорируя разгневанного иракца.

— Спасибо. Постараюсь.

— Потому что, когда мы здесь начинаем драки, иногда стражники казнят всех замешанных. Я видел такое.

Плам состроил гримасу, но, дурные новости или нет, а готовность Джима помочь была вознаграждена.

— Ты куришь? Не разделишь ли со мной трубочку?

Улыбкой Джим выразил согласие. Оказавшись в хижине, вдали от ушей принца, Плам спросил:

— Э, так об этом сломанном прутике…

— Это про то, что Мария ночью здесь была? Ничего об этом не знаю. Есть там такой камень,

который поворачивается, но я и о нем ничего не знаю. Третий слева, по ту сторону от лужи.

Плам пыхнул трубкой и посмотрел поверх нее.

— Я твой должник. Что до этой женщины — понимаешь, я изучаю архетипы. Тиран, вампир и дурак. Издатель, редактор и писатель. Разницы нет — Нью-Йорк или Лондон. Бандиты Двойного Дня не мечут копья с таким воодушевлением, но надо делать поправку на местные обычаи. — План вздохнул. — Может быть, я здесь не останусь. Наш иракский друг, кажется, настроился на то, чтобы совершить еще одно «дешевое путешествие». Я мог бы ускорить путь для нас обоих.

Джим улыбнулся, его смуглое лицо расплылось в дыму.

— Копьеметатели Хакима практиковались. Они достигли хороших результатов. Если правду говорят о людях, убитых в одно и то же время, вы с ним можете кончить тем, что воскреснете бок о бок.

— Не хочу этого, — Плам рассмеялся. Он сделал еще одну затяжку и передал трубку. Через пять минут окрашенных никотином размышлений Апаш кивнул и вышел. Плам повернулся к бумаге и начал главу третью.

* * *

Четвертая глава обретала форму. Жулик Ван Дорп вышел из спальни с дохлым котом под прокуренной курткой и налетел на свою служанку. Как раз в этот момент в хижину Плама вторгся целый отряд рабочего персонала, вынесли его кровать и начали устраивать другую, побольше, «потому что ведь вы такой высокий».

Эта кровать была длиннее и шире. Ночью Мария опять посетила его и ушла через два часа, унося главы с первой по третью.

— Вот увидишь, — шепнула она. — Железное дерево подходит. Мы режем его для нашего печатного станка. Это будет выглядеть потрясающе.

Плам проинструктировал ее в издательском деле:

— Сначала ты вдоволь порезвишься на полях рукописи.

Потом я буду переписывать. Потом ваша сторона сделает набор и выпускает первую корректуру. Я смотрю, негодую и исправляю все вкравшиеся ошибки. И только после этого выпускается тираж.

— В мое время я была писателем, — заверила его Мария. — Не волнуйся. Я знаю это дело.

Она ушла. Плам услышал знакомое хихиканье иракского принца под самой его дверью.

— Эй, стра-а-а-жа! Смотрите, что у нас здесь творится — ха-ха!

Тишина. Плам высунул голову и увидел, что кто-то убегает по траве. Он почесал в затылке. Разве Мария Монтессори в прежние времена не была пацифисткой? Вот она, здесь, Удирает в крайней спешке…

— Ха-ха!

Какая-то другая фигура нанесла удар, второй — из-за кустов — и снова скрылась. Иракский принц немного похныкал, а Плам отступил, чтобы дать ночи скрыть свои секреты. В садах Хакима это всегда оказывалось самой мудрой тактикой.

Плама беспокоило открытие, что убийства больше не вторгались в его работу. В его сон — да, но, несмотря на бессонницу, он ввел преподобного Панкрофта в главу шестую и неважно, что он должен был умчаться из бедного дома во Франции. Уличный мальчишка Тоби Уинкельман напал на кухарку, которая уволилась в день важного обеда…

У Марии Монтессори оказалась легкая рука. На третье свое посещение она шепнула насчет «Сиджилл, журнала, номер один, с местными

известиями, обозрением, краткой проповедью о славе Хакима — и о книге Вудхауза, которая будет печататься с продолжением.

— Мы пошлем его вверх и вниз по Реке на малагасийском, на растафарийском, на фригийском, шангском, английском, эсперанто и французском. Хакиму нужна пища для его орд. Он будет распространять подписку среди соседей, плата продуктами, или мы на них нападем.

— Издатель-тиран! — вздохнул Плам. — Неужели ты не написала статей за мир? Разве ты не поддерживала пацифистские конференции перед Второй Мировой войной?

— Да. И, если я смогу сделать эту работу, у нас будет мир, — ответила Мария Монтессори.

Через несколько дней стражник вручил еще порцию табака и корректуру страниц Плама, «которые вот-вот будут напечатаны». Вероятно, потому что Фатима, корректор, плохо знала английский, она совсем не правила важную прозу Вудхауза.

Все ошибки были по части запятых, заглавных букв и кавычек.

Плам их исправил и перенес все внимание на главу восьмую.

Добрый старый «жулик» спрятался на балконе,

у него не было никаких путей к спасению, только по водосточной трубе…

Для жулика все обернулось еще хуже, полное унижение приближалось для него в главе двенадцатой. Появились новые советники по истории и стали соседями Вудхауза. «Сиджилл» выходил на деревянном печатном станке. Каботажные суда Хакима ходили на восток и на запад, добывая выгоду из подслащенной религии, в которую оккультный мастер, по его словам, не верил.

Молчание. А где же восторженные отзывы, адресованные редактору? Пресс-конференции? Литературные обеды. Согласно слухам, на дальней стороне планеты были открыты месторождения металла величиной с холм. Антиподы употребляли его, чтобы делать пароходы и радиоустановки.

Дело отправки журнала за пределы границ облегчалось в результате подобных сплетен: иммигранты друзы подтверждали разговоры о металлическом пароходе, «приближающемся в эту сторону»!

Ничего из них не попало во второй номер. «Институт» Марии завоевал шесть колонок славы, похвалы и почестей, весьма слегка коснувшись фактов: экстракт из каучуковых наркотиков

улучшил ментальность немногих детей нескольких опытных подчиненных, дети лепетали и бегали по идеальной классной комнате, которую она им оборудовала.

Хорошие новости заключалась в том, что самые мощные из наркотиков оказывали постоянное воздействие на «зимние» личности. А дурные новости? Они превращали их в животных.

— Я должна обнаружить в них души, — сказала Мария Пламу во время следующего ночного визита. — У меня еще есть надежда. В один прекрасный день, когда они овладеют речью, мы сможем понять, что мы делали неправильно. Как мы нанесли им травмы. Они смогли бы нам рассказать.

— А что говорит Хаким? — спросил Плам.

Мария вздохнула:

— Я должна исправить свою ошибку, или — она может обернуться злом. Я потеряла влияние. Он ведь политик. Это дело о летних и зимних людях — на некоторое время он принял эту идею как свою собственную, но…

— Он пустился в рискованное предприятие, да? А теперь хочет прекратить свои потери? Она покачала головой:

— Пока еще не совсем так. — Ее глаза наполни-

лись слезами: — Разве я не заслуживаю, чтобы он действительно наказал меня? Но ведь создатели этого мира не снабдили нас экспериментальным материалом — животными. Что мы еще могли сделать?

— Шшш, я слышу голоса. Люди так кричат. — Боже! — Мария стала шарить по краю кровати в полках своей одежды.

— Живо. Прячься. Я посмотрю, что происходит.

Пароход из металла идет скоро. Делая двадцать миль в час, «Потемкин» обгонял все, что встречал на пути. Он шел чуть ли не быстрее слухов о нем. Ни один человек во владениях Хакима не думал о возможности такой скорости, пока огни его иллюминаторов не засверкали на Реке. Вырванный из постели какой-то женщины с женской половины, Хаким вызвал милицию.

Вооруженные и бдительные граждан столпились на берегу.

«Потемкин» скользил совсем рядом его имя начертано такими символами, которые могли прочесть немногие друзы. Влево долина сужалась, и могучее чудовище пыхтело, переходя на следующий свой режим.

Сгустились тучи как предвестник дождя, и все же гудящее население не возвращалось в посте-

ли. В мужском саду консультанты по истории и стражники собирались в кучки и взволнованно переговаривались. Плам вошел в дом и объявил Марии дурную весть. Как ей незамеченной выскользнуть отсюда?

Для этих тайных рандеву кто-то снабдил ее мужской одеждой.

— Я похожа на мужчину? — нервно спросила она, хорошенько закутавшись. — Пойду к выходу выпрямившись, как-будто у меня в заднице кочерга.

Плам поморщился. В качестве мужчины она выглядела крайне неубедительно.

— Подожди минутку. Я создам прикрытие. — Он выбежал из хижины. — Джим, Джим! Давай подеремся!

— Что-о? — устав от ночной драмы, Апаш вернулся к своему отдыху под деревом и закутался в одеяло. Он приподнялся на одном локте.

Плам опустился на колени и толкнул его плечом.

— Ты, чертов краснокожий! Я твой скальп сниму!

— Эй!

— Покричи еще! Вот так!

Джим ударил Вудхауза справа. Он встал. Плам

тоже встал, заревел и напал снова.

Джим пнул его ногой. Плам ухватил его за ногу и заплясал на одном месте. Группа стражников бросилась к ним:

— А ну, прекратите! Что это вы затеяли? Плам отпустил ногу Джима и встал на четвереньки, заскакал лягушкой:

— Наступил апрель с дождями, — заорал он что есть силы, сверкая безумными глазами. — Спрячемся в глубокой яме!

— Хочешь быть убитым? — заорал Джим. — Ты что, спятил?

Ну, теперь Мария уже ушла. Плам поднялся и отряхнул пыль.

— Извини. Я что-то разволновался. Теперь мне лучше.

Стражники буркнули:

— Иди-ка в свою хижину!

Плам кротко подчинился.

На другой день Хаким оказался слишком занят, чтобы проверить безумие Плама. Копьеносец пришел за корректурой третьего номера, он унес листы за запретную черту. Следующий номер журнала приходилось выпускать в поспешности, он содержал проповедь Хаким о ночном приходе «Потемкина» и о том, что это значит.

Вообще, соседние королевства могли и обидеться. Они должны были меньше бояться друзов после того, как увидели, что их техника отстает. Теперь следовало проповедовать им снова мирное состояние умов.

Снова торговцы отправились на охоту и вернулись с новостями. «Потемкин» прервал свое долгое путешествие в конце Реки. Растафарийцы развлекают матросов парохода на своих берегах в нижнем течении.

Хорошей новостью было то, что журнал пользовался большим спросом как у русских, так и у жителей Ямайки, так что добытчики вернулись нагруженные продуктами. Самый медленный дошел до дому как раз перед самым появлением огней: несколько часов тому назад «Потемкин» бросил якорь и прервал свой курс.

С мостика парохода закричал офицер, сначала на эсперанто, потом на английском:

— Доставьте нам П.Г. Вудхауза!

Такова была изоляция Плама, что первый намек на это появился тогда, когда садовую стражу удвоили. Это место кишело копьеносцами.

— Я мог бы выйти к ним, — заявил Плам генералитету друзов, который взглянул на него в негодовании, — Я бы не хотел, чтобы была какая-

то борьба. Не ради себя. Джим, что происходит?

Джим протолкался к нему, вернувшись с какой-то экскурсии по дворцу.

— Хаким окопался. Он упрям.

Ясно, что Апаш имел еще что-то сказать.

— Ну? — торопил его Плам.

— Ты заложник. Хаким тебя убьет, если они нападут. Он им так сказал.

— Черт!

У входа в сад завязалась какая-то суматоха.

— Пропустите меня! — потребовала Мария королевским тоном. — Я иду от Хакима. Плам рванулся к ней:

— Что…?

— Эти, с Ямайки, — она просто захлебывалась. — Они вынудили к этому русских. Ты только cause celebre?[9] Нечто, что сделает войну популярной. У тебя есть поклонники среди русской команды, которые считают, что ты и есть то, из-за чего весь сыр-бор разгорелся, и поэтому они сделают все. Я знаю правду, и Хаким тоже. Этот ультиматум — только для того, чтобы унизить друзов, но что он может сделать? Копья против ружей!

---

[9] Примечания: 9
Громкое дело (франц.)

— Предполагается, что я должен сочувствовать забияке? — недоверчиво спросил Плам. — Он угрожал…

— Знаю. Он всю душу продал за власть. Теперь для него нет ничего слишком низкого. — Мария Монтессори развязала узел и сбросила одежду. Обнаженная, она подошла слишком близко. — Поцелуй меня. Мы умрем вместе.

— Какого черта!

Это оказалось последней соломинкой для разъяренных стражников. На дальней стороне каменной стены загрохотала большая пушка. На этой стороне стражники потащили Плама и Марию к стволу дерева.

— Убить насмешников! Это все их рук дело!

— Мы попытаемся снова — вместе! — закричала Мария.

— Другую смешную книгу!

Орудие снова бухнуло. Каменные стены в тронном зале Хакима задрожали. Одновременно полетели копья в саду оккультного мастера.

* * *

— И вот — мы здесь, — объяснил Плам президенту республики Пароландо Файрбрассу. — Я никогда не слышал об этих «одновременных

воскрешениях». А вы?

Файрбрасс покачал своей крупной головой.

— Это желание Хакима. Но всегда бывает первый раз, — заключил Плам.

Мария налила себе еще бокал вина и уютно устроилась на стуле возле камина.

— Эти снабженцы — таинственные незнакомцы. Агенты.

Боги за занавесом, которые шныряют вокруг нас, как шпионы.

Пароландо полон слухов. — Она посмотрела на Плама.

— А что ты думаешь о своем друге Джиме?

— О Джиме?

— Кто еще мог бы устроить нам такое уникальное «дешевое путешествие»? Сам Хаким?

— Хаким! Что мне делать с этим человеком? — спросил президент Файрбрасс. — Он действует как совершенный негодяй.

Глаза Плама расширились:

— Джим? Да! Может быть, в конце концов, это и был Джим! Я помню, как говорил ему: тиран, вампир, дурак. Издатель, редактор, писатель. Зачем бы еще посылать нас троих возродиться в величайшей литературной Мекке Мира Реки?

Мария поставила свой бокал:

— Ты гораздо лучше сойдешь за издателя, чем Хаким.

— Я тоже так думаю, — просиял Плам. — Я могу заставить мои сюжеты работать гораздо лучшее вообще без всяких злодеев.

Почему бы реальной жизни не быть сюжетом?

— Пью за это! — Мария, Плам и президент Файрбрасс подняли бокалы, произнеся последний тост.

Гарри Тертлдав
Два вора

Алексей Комнин скрестил руки на груди. — Вы слышали мои требования, — сказал он по-арабски, на единственном языке, на котором могли объясняться он и соседи Нового Константинополя вниз по Реке. — Выполните их — или столкнетесь с последствиями.

— Вы неверные. Мы не намерены вам уступать. Идрис Алума был представителем султана борну в Новом Константинополе. Высокий, худощавый и черноволосый, он возвышался над Алексеем. Чтобы выразить презрение, он сплюнул к ногам басилевса.

Солдаты Алексея зароптали и угрожающе потрясли копьями с кремниевыми наконечниками.

Алексей воздел руку.

— Пусть язычник удалится с миром. Довольно скоро он пробудится, нагой и лысый, где-нибудь у Реки далеко отсюда. — Он произнес это по-гречески, на языке, на котором его люди говорили между собой, а затем перевел для Идриса Алумы.

Большой темнокожий человек с презрением рассмеялся.

— Может быть, тебя извлекли из ада, чтобы поселить рядом с нами здесь на Реке, христианский пес, но тебя, а не кого-то иного, обратит в бегство Аллах, когда встретятся наши воинства. — Он повернулся на пятках и удалился в направлении отрезка Речного берега, где жители повиновались султану борну Мусе ар-Рахману.

Алексей наблюдал за ним, мысленно спрашивая себя, а не следовало ли дать солдатам возможность отвести душу. И тряхнул головой, ответив себе «нет»; он поступил правильно. Если бы Идрис Алума не вернулся в город борну, Муса отомстил бы, замучив Михаила Палеолога до смерти с по-следующим возрождением в иных краях, Алексей Комнин ничего не имел против убийства, но убийство без цели — это глупость и пустая трата сил.

Он повернулся к своему брату Исааку, который стоял, как обычно, по правую руку от него. Эти двое были почти близнецы, особенно с тех пор, как возвратились к жизни на берегу Реки в одном и том же юном возрасте. Оба они были чуть ниже среднего роста, но крепкие и мускулистые. У обоих — узкие лисьи мордочки с широкими

лбами; оба смуглые и черноволосые. Исаак чуть посветлей Алексея. Но лучше всего вы отличили бы одного от другого, если бы заметили, что черты Исаака более открытые и дружелюбные, чем алексеевы. Алексей правил во время своей достопамятной жизни; Исаак лишь помогал ему.

— Будет война, — сказал Алексей.

— Судя по всему, да, — согласился Исаак. — И война не из легких.

— Нет, — хмурь на лице Алексея была черной, точно борода, которую он больше не мог отпустить. Временами его раздражало, что без бороды он выглядит, как евнух. — Почему мы воскрешены рядом с этими грязными мусульманами? — Будь он менее благочестив, он поразился бы милости Божией. Вверх по течению от Нового Константинополя обитали краснокожие язычники, который хотели одного: чтобы их не беспокоили. И, поскольку с другой стороны располагались владения борну, басилевс счастлив был сделать им одолжение. Исаак сказал:

— Они неверные, но они отважны. Если мы встретимся с ними в открытом бою, мы потеряем множество наших лучших воинов, тех, без кого нам не обойтись. А это означает, что если кто-либо на этом участке Реки преуспеет в объединении

нескольких маленьких государств под своей рукой, мы окажемся под угрозой.

— Знаю. — Алексей опять нахмурился. Это его целью было господствовать над здешним участком Реки. Опираясь на ромейское большинство, он успешно подчинил себе меньшее по численности сообщество земледельцев из Египта Птолемея III. Как только египтяне приняли христианство, они стали такими же добрыми подданными, как и его народ — возможно, и лучше, ибо их верность была прочнее. Некоторые из них говорили по-гречески до воскрешения; а теперь греческим владели все.

— Войны ждать недолго, — предупредил брата Исаак. — Если мы не начнем ее по-своему, Муса ар-Рахман развяжет ее так, как сам считает нужным, ибо он любит нас не больше, чем мы его.

— Это я также знаю, — ноздри Алексея раздулись, и он сделал долгий глубокий вдох. Он тут же вздохнул, выпуская воздух. Ему не хотелось говорить то, что требовалось сказать дольше. — И войну начнем мы, брат мой. Но прежде, чем начнем, я намерен отправиться в Шайтаун.

Кустистые брови Исаака взлетели до линии волос.

— Ты хочешь снестись с этими… с послерож-

денными? Ни в одном греческом словаре не содержалось слова «опистапнропой» — люди, пришедшие после; население Нового Константинополя изобрело это словцо для обозначения обитателей Реки, которые жили на Земле много столетий спустя после их времени.

— Ведает Бог и святые, что я не питаю к ним любви, — признался Алексей. Послерожденных отличала слабость в вере; что делало их ненадежными, и тяга к оккультизму, что представляло опасность. Алексей еще раз вздохнул. — Но они соседствуют с борну с другой стороны. Если удастся привлечь их на свою сторону, язычники падут, точно созревшие колосья в пору сбора урожая.

— Давай удостоверимся, что жатва будет нашей, а не людей из Шайтауна, — предостерег Исаак.

Наконец Алексей нашел в их беседе нечто забавное.

— Брат мой, я был басилевсом ромеев тридцать семь лет. Кто-нибудь хоть однажды перехитрил меня за все годы моего правления?

Исаак не ответил. Алексей знал, что ему нечего ответить. Алексей одолел мятежников из числа своего народа, турок, печенегов и норман; он даже преподал урок западным варварам, которые

называли себя крестоносцами и забрал у них для ромеев большую часть земель, которые они отвоевали у сельджуков в Анатолии. Возможно, кто-то у бесконечной Реки и превосходил его хитростью, но он сомневался.

И словно прочитав эту хвастливую мысль в его уме, Исаак заметил:

— Тем не менее, будь осторожен. Шайтаунский басилевс не дурак.

— И это истинно. Хотя, он не именует себя Императором. Он не франк, но пользуется одним из их титулов, и называет себя мэром.

— Хотел бы я знать, почему, — протянул Исаак.

— А кто знает, почему послерожденные ведут себя так, а не иначе? — ответил Алексей. — Их обычаи еще непонятней, чем обычаи франков, и ты знаешь, каково мне об этом говорить.

Никаких франков не оказалось поблизости от них у Реки, за что Алексей благодарил Бога.

Немытые невежественные, дурнопахнущие грубые дикари, которые имели любезное обыкновение убивать любого, кто оказывался у них на пути. Император потер голый подбородок.

— Так о чем шла речь? А, да, о послерожденных из Шайтауна. Ты знаешь, они выбрали своего мэра не за храбрость, не по рождению и не в

силу каких-то разумных причин. Нет, они велели всем, кто желал ими править, произносить речи, а затем выбирали из них одного, поднимая руки, мужчины и женщины, все вместе. Демократия. Так они это называют. Если ты спросишь меня, я скажу, что это чушь.

— Демократия, — Исаак сплюнул в грязь. На том греческом, на котором беседовали два Комнина, это слово означало «власть толпы». Как указывал Алексей, это казалось бредовым способом управлять государством, но Шайтаун процветал. Исаак добавил:

— Тебе действительно нужно отправиться туда самому?

— А кого бы ты предложил послать? — отпарировал Алексей. — Единственные двое, кому я доверил бы такое дело — ты и Михаил Палеолог. Если я вытащу Михаила из города борну, Муса, несомненно, догадается, какова моя цель. А ты, брат мой, лучше как солдат, нежели как посол. Не хочу проявлять к тебе неуважения, но, если ты станешь иметь дело с их мэром, он тебя проглотит, а твоими косточками почистит зубы.

Поскольку это было правдой, Исаак только и мог, что с укором взглянуть на брата. Он сказал:

— Как ты хотя бы предполагаешь добраться до

Шайтауна? Ты отпустил Идриса Алому, и черные мусульмане вот-вот узнают, какие предстоят неприятности. И Муса ар-Рахман тоже не дурак. Он будет ждать, что ты попытаешься ударить его в спину подобным образом. Будь я на его месте я держал бы на Реке плоты день и ночь. Ты хочешь, чтобы тебя выудили и стали пытать, затем дали время выздороветь, а затем снова подвергли пыткам — и так до конца твоих дней, год за годом?

— Хочу ли я этого? Конечно, нет. Но мне нужно попасть в Шайтаун, и не думаю, что я мог бы сойти за истинного подданного Мусы, чтобы пробираться через его владения. — Алексей рассмеялся.

Исаак тоже, хотя больше в тон брату, нежели веселясь. Черные из племени Мусы ар-Рахмана составляли около двух третей народа борну. Большинство остальных были невысокими, золотокожими, плосколицыми и узкоглазыми. Надежды, что Алексей успешно сойдет за представителя тех или других, в сущности, не было.

— Отлично. Значит, придется плыть по Реке, но мне это тоже не нравится, — сказал Исаак.

Алексей рассмеялся.

— Вот ты каков, кесарь византийского басилевса; если я пропаду, ты станешь императором.

И все-таки, ты предупреждаешь меня. Что ты за брат, а? — Он знал, каков ответ: верный брат. Верный брат, особенно среди изменников-ромеев, дороже рубина. Это Алексей тоже знал. Он с искренней теплотой хлопнул Исаака по спине.

* * *

— Между прочим, у меня есть мысль…

Буря улеглась незадолго до зари. Река бежала меж берегов, вздувшаяся и колышущаяся. По течению плыл всякий мусор: стволы деревьев, стебли бамбука, обломки разрушенных хижин, разметанных суденышек и плотов.

Исаак Комнин хихикнул.

— Если бы мусульмане вышли нынче ночью высматривать тебя, кое-кто из них утонул бы, и мы бы встретили несколькими меньше, когда пробил бы час.

— Что верно, то верно, — отозвался Алексей. — Я… — Его слова прервал утренний грохот грейлстоунов. Ослепительный синий огонь взметнулся в воздух на высоту в три человеческих роста.

Когда он угас, население Нового Константинополя толпой подалось вперед, взглянуть, что сегодня окажется в граалях. Алексей взял свой с неменьшим любопытством, нежели осталь-

ные. Открыл державшуюся на петлях крышку и улыбнулся, когда густой аромат защекотал его ноздри. Черный хлеб, мед, овсянка с большими кусками моллюсков и тунца, легкий кувшинчик вина и набор курительных палочек, которыми его народ, преимущественно торговал с теми, кто ими увлекался. И…

— Воспламенитель! — радостно воскликнул он. Его грааль принес лишь горсточку таких с момента воскрешения.

— Хороший знак, — согласился брат.

— Больше, чем знак, — ответил Алексей. — Это еще и доброе оружие. Сегодня вечером я возьму его вместе с ножом. Если борну обнаружат меня, я спалю язык любого, прежде чем он криком предупредит остальных. — То была бравада, и он знал это. И все же новая вещь придавала уверенности, не появись она, он бы и не подумал, что она может пригодиться в пути.

Остаток дня он провел, обсуждая свои планы, пока его не затошнило от них, а Исаака еще пуще.

Большая часть того, о чем они переговорили, имела отношение к событиям, которые вряд ли произойдут.

Но Алексей в своей жизни на Земле видел до-

статочно маловероятных происшествий, чтобы полагать, что хотя бы некоторые из них вдруг да и стрясутся: и, как правило, те, о которых вообще не подумаешь.

Он был из людей, которые как можно меньше предоставляют случаю.

Солнце в красочном великолепии село за горы на западе. Когда сумерки сгустились, становясь ночью, Алексей спустился к Реке. Там его ждала команда во главе с братом. Когда они принялись простираться перед ним ниц, он взмахнул рукой, давая понять, что этого не нужно.

— У нас нынче ночью много дела, друзья мои.

Он сдернул красновато-пурпурный набедренник — цвета, какой в Новом Константинополе дозволялось носить только ему.[10] Теперь же император заменил его несколькими темно-синими длинными полосами ткани, так что остались видны только голова, ладони и стопы.

Ухая и ругаясь, все сообща спихнули в Реку большой тис. Последний канат из травянистого волокна, присоединенный к дереву, не был обрублен, чтобы дерево не унесло течением. Исаак Комнин шлепнул Алексея по спине.

---

[10] Примечания: 10

любые куски ткани этого цвета, появлявшиеся в граалях, либо приберегались для него, либо использовались для внешней торговли

— Отправляйся с Богом, и пусть Он доставит тебя домой целым и невредимым.

— Ты так говоришь просто потому, что не хочешь обременять себя властью, — заметил Алексей.

Исаак рассмеялся.

— Истинная правда, брат мой. Тростник не забыл?

— Здесь. — Алексей показал ему растение около двух локтей в длину. Это был, собственно, не тростник, который он срезал бы на Земле, а тонкий побег бамбука с продолбленными перемычками. Но он годился.

Алексей соскользнул в воду. Прохладная, но не ледяная. Басилевс ухватился за корень, волочившийся позади тиса. По команде Исаака один из его людей острым куском кремня перерезал последний канат. Тис медленно тронулся вниз по Реке. Берега заскользили мимо. Поселения в Новом Константинополе сосредоточились вокруг грейлстоунов. Как только грейлстоун, от которого он заряжал свой грааль, скрылся позади, все вокруг поглотила тьма — и так продолжалось почти милю. Алексей бросил взгляд на дальний берег Реки. Там горело даже еще меньше огней; обширный участок того берега населяли

охотники и собиратели, еще более дикие, чем кочевники-печенеги. Они даже не отличались достаточной свирепостью, чтобы стать достойными союзниками против борну; если бы да, то Алексей попытался бы с ними поладить. Что-то куснуло его за ногу. Он дернулся и замолотил ногами по воде.

Каркун испустил скорбный зов, который дал имя этой рыбе, и со всплеском пропал. Они были трусишками и питались отбросами, и самих их не стоило есть, если находилось что получше. Алексей радовался; что избавился от этой дряни.

Могло оказаться похуже. К нему могла подплыть Рыба-Дракон. Обычно эти твари не нападали на лодки и людей на Реке. А если и да, пострадавшие обычно возрождались на другом отрезке Реки.

Еще один грааль, еще один ромейский городок. Его назвали Фессалоники в честь второго города империи Алексея. Жители развели костер. Алексей видел пляшущих вокруг огня мужчин и женщин.

Музыка черепаховых лир и высокие голоса едва долетали до его ушей. Он улыбнулся. Уж лучше бы ему теперь плясать у костра, чем плыть по Реке во мраке.

Посреди следующего отрезка в полной темнотище еще один каркун, фыркая, подплыл к Алексею, надеясь, вне сомнений, что это мертвая туша. Басилевс ударил рыбу кулаком. Она ущипнула его за ногу, прежде чем бежать. Он надеялся, что нога не закровоточила. Кровь в воде привлекла бы Рыбу-Дракона куда вернее, чем что-либо еще.

Последним городом ромеев перед границей с борну была Никея. На границе полыхало несколько ярких костров: подразделение ромеев несло дозор, следя за неверными. Менее чем в полутора сотнях шагов стоял пограничный дозор черных, равный по численности дозору Алексея. Борну скакали вокруг костров под бой барабанов из бамбука с покрытиями из шкур красной рыбы. Они потрясали копьями с кремневыми наконечникам и выкрикивали угрозы ромеям через границу. Большинство ромеев и, пожалуй, к счастью, их не понимало.

Алексей поглядел вперед. И очень скоро заметил на Реке факелы. Борну, как он узнал после самого своего воскресения, происходили из пустынных областей Африки; они были непривычны к воде.

Но они также не отличались глупостью и понимали, что если Новый Константинополь

пожелает снестись с Шайтауном, Река — естественный путь для посланцев.

Басилевс нырнул и поплыл дальше под водой. Он попытался убраться как можно дальше под тисовый ствол. Лишь верхушка полого бамбука выдавалась над поверхностью воды. Другой конец путник держал во рту. И дышал через бамбук, глубоко, медленно и размеренно. Трактат по военному делу, созданный за сотни лет до его эпохи, который он однажды прочел, сообщал, как славяне использовали этот прием, чтобы их не заметили ромеи. А теперь, как ему подумалось, басилевс ромеев оборачивает его против варваров. Глаза он оставил открытыми, хотя вода вокруг была черной, как тушь.

Затем сквозь непрестанно колеблющееся зеркало поверхности он увидел полыхание факелов. Он знал, что борну с факелами пристально вглядываются в Реку. И если приметят его бледную кожу, несмотря на темные ткани, в которые он завернулся, если, волей недоброго случая, они разглядят конец его дыхательной трубки и поймут, что это… Если случится одно или другое, басилевсом станет Исаак.

Алексей только надеялся, что борну, в конечном счете убьют его, а не станут пытать почти

до смерти, чтобы потом дать оклематься, и опять все сначала.

Свет факелов потускнел и пропал, по мере того, как дерево плыло все дальше. Алексей испустил вздох облегчения через свой полый бамбук. Еще некоторое время он оставался под водой, дабы всплеск при выходе на поверхность не выдал его врагам. Но довольно скоро потребовалось выставить голову.

Нужно было наблюдать за землями, мимо которых текла Река, чтобы знать, когда он минует владения борну и попадет в область Шайтауна. Следовало также высматривать на Реке плоты и лодки. Он не удовольствовался одной цепью дозоров, будь он Муса ар-Рахман, а он не смел предположить, будто султан менее осторожен, нежели он сам.

Разумеется, ему понадобилось погрузиться и дышать через трубочку еще два раза. Но люди борну, очевидно, не нашли ничего подозрительного в дереве, плывущем вниз по течению после бури. Хотя, казалось, один из их факелов реял прямо над его головой, они ни разу не пошарили в воде копьями.

После третьего ряда плотов на Реке не оказалось никаких сторожевых мусульманских постов.

Алексей проплывал мимо одного их поселения за другим. Он устал и начал замерзать оттого, что так долго находится в воде, но охотно выносил и усталость, и холод ради выигрыша, который могло ему дать путешествие.

Борну, как ему представилось, укрепили свою границу с Шайтауном еще основательней, чем границу с Новым Константинополем. Палисад из бамбука и дерева бежал от Реки к непроходимым горам, ограничивавшим с суши каждую область.

Вскоре после того, как Алексей миновал палисад, он оторвался от тиса и стал грести к берегу.

Бамбуковую трубочку он сохранил: кто мог бы предвидеть, когда она опять ему пригодится.

Он с всплеском выбрался на берег. Часовые Шайтауна были бдительны: едва он успел вылезти из воды, как кто-то окликнул его:

— Эй! Кто ты и какого дьявола тут делаешь? Это он разобрать сумел, хотя очень мало понимал на их языке. Жители владений Мэра называли свой язык английским, но он едва ли напоминал язык, которому император научился у англов и саксов из своей Варяжской Гвардии — тех, что покинули Англию после того, как ее прибрал к рукам Вильгельм Завоеватель. Алексей, которому довелось иметь дело с Робером Гискаром и его

сыном Богемуном, тоже не жаловал норманнов.

Он ответил на диалекте послерожденных англов, как можно старательнее:

— Я Алексей Комнин, басилевс Нового Константинополя. Я хочу видеть вашего Мэра.

— Что такое? — Последовало резкое восклицание; ничего для Алексея не значащее. — Проклятие! Возможно, это ты и есть. — И часовой закричал громче. — Эй, Фред, Лу, сюда! И пусть один встанет здесь вместо меня, ладно? Этот тип говорит, что он Алексей с верховьев, и что он хочет видеть мэра Далея. Мне надо отвести его к Йвочести.

Подошел то ли Фред, то ли Лу. Кто бы он ни был, он нес факел.

— Ага, это Алексей, порядок… Я его уже однажды видел. Лады, Пит, ты его обнаружил, тебе его, стало быть, и вести. Будет проситься к нам, это наверняка.

Алексей уловил смысл сказанного только отчасти, но понял, что Пит препроводит его к мэру. И пошел в ногу с шайтаунским часовым. Всю дорогу до обиталища мэра Далея Пит забрасывал его вопросами. Почему ему нужно видеть мэра? Имеет это отношение к борну? Если нет, то о чем пойдет речь? Алексей счел бы такое любопыт-

ство несносным в одной из своих подданных. Но обитатели Шайтауна слыли равно привыкшими вольно говорить со своими вышестоящими и любителями до невозможности совать повсюду нос. Алексей нашел благоразумным прикинуться, будто владеет английским хуже, чем на самом деле.

Мэр обитал во дворце недурных размеров. Алексей счел явной причудой такое изобилие окон, выходящих на улицу. В Новом Константинополе, как и в утраченной имперской столице, принято было строить дома с окнами, выходящими во внутренний двор. Но дворец окружало достаточно стражей, чтобы воровство было легким делом.

Пит переговорил с часовым у дверей, слишком быстро, чтобы Алексей что-то понял. Затем обернулся и сказал:

— Ты не прочь подождать, пока встанет солнышко? Не стоит будить Йвочесть среди ночи.

Алексей поразмыслил и решил закатить скандал. Он выругался по-гречески, а затем завопил по-английски во всю глотку:

— Я басилевс, чтоб вам провалиться! Вы заставляете меня ждать, как будто я торговец рыбой! — Если мэр до сих пор спал, то теперь уж

точно проснулся…

Выслушав еще кое-что в том же роде, часовой ушел внутрь. Мэр Далей появился несколько минут спустя в сопровождении худого рыжеволосого мужчины с костяным крестом на кожаном ремешке вокруг шеи. Далей прогремел что-то на своем искореженном английском. Худой мужчина сказал на латыни, которую Алексей понимал:

— Я отец Бойл, переводчик Йвочести. Он спрашивает, что это за дело такое, которое не может подождать до утра.

— Я настолько же правитель, насколько и он, и я здесь, — ответил Алексей. — Так и скажи ему.

«К тому же он выскочка, а я басилевс ромеев», — подумал он, но вслух не произнес. Далей заговорил снова:

— Отлично. Давайте приступим к делу.

Алексей махнул рукой на священника-переводчика: это он и сам понял. Он изучал Йвочесть. Как и любой другой житель Мира Реки, мэр Ричард Дж. Далей был физически совершенен и в расцвете молодости. Это не прибавляло ему красоты; он смахивал на борца-профессионала. Но глаза… Может, с ними сыграл шутку свет факелов, но Алексей так не думал. В этих холодных серых глазах содержалось нечто большее, чем юношеский

опыт. Алексей поспорил бы, что Йвочесть прожил долгую жизнь и совершил немало тайного и хитрого. Исаак утверждал, что у самого у него такой взгляд, неудивительно, что басилевс узнал его.

Вслух он произнес:

— Мы скоро собираемся сражаться с борну. Мы хотим, чтобы вы к нам примкнули. Вместе мы сможем сокрушить черных неверных, завладеть их граалями и умножить богатства равно Шайтауна и Нового Константинополя. Это достаточно заманчиво звучит, чтобы так рано вызвать тебя из постели, мэр?

Далей не говорил на латыни, ему пришлось подождать, пока отец Бойл не переведет. Даже после того, как священник умолк, лицо мэра не переменилось. «Да, хорош», — подумал Алексей с невольным восхищением. Далей ответил:

— Может быть. Смотря, когда вы начнете войну, и что она даст нам. У меня нет лишних людей, чтобы бросать кого-то в Экспресс Самоубийств.

Эта Via Suicida странно прозвучала на латыни, но Алексей понял: Далей не хочет, чтобы верные ему люди погибли и воскресли далеко-далеко ниже по Реке. Алексей тоже не хотел терять своих сподвижников. Он сказал:

— Вот почему я предлагаю союз. Вместе мы

возьмем в клещи и превзойдем численно людей борну. Наши потери будут невелики.

— Да, это может удаться, — согласился Далей. — Я тоже не против увидеть, как наши ленивые черные соседи работают на живых, а не лежат на траве, опустошив свои граали, словно они в раю благосостояния. Да. Это заманчиво. Говори дальше.

Даже после того, как священник перевел до конца, Алексей не все понял. Особенно сбил его с толку «рай благосостояния». Похоже было также, что мэр Далей презирает людей борну только за то, что они черные. Это смутило Алексея. Не их вина, что у них черная кожа. Но они, наделенные свободной волей, выбрали ложную веру — Ислам — и однажды (он продолжал верить в это, несмотря на воскрешение в Мире Реки) поплатятся муками Ада за свою ошибку. Однако, разница во взглядах с мэром ничего не значила. Он сказал:

— Итак, мы союзники? Не назначить ли нам день, когда решится судьба черных неверных? — Если Йвочесть не любит борну из-за цвета, кожи, Алексей напомнит ему об этом.

— Не все так просто, — ответил мэр Далей. — Хорошо одно: черные не позволяют нам столкнуться друг с другом. Когда мы станем соседями, нам

придется постоянно следить друг за дружкой.

Муса немало докучает мне, особенно, когда его жеребцы являются и крадут белых женщин, и весьма часто — но это просто докука, если ты все правильно понимаешь. А стать соседями для нас может оказаться откровенно опасно.

Алексей воззрился на Йвочесть с внезапным уважением. Если мэр понимает подобные вещи, он действительно неглуп. Подумав немного, Алексей предложил:

— Давай тогда согласимся с тобой заранее, кто из нас станет распоряжаться каким грейлстоуном борну. Споры, разрешенные до времени, не перерастают позднее в тяжелые ссоры.

Но мэр Далей покачал головой.

— Этого недостаточно. Я слыхал, что ты большой проныра, и теперь я это вижу. Так что рано или поздно Шайтаун и Новый Константинополь станут воевать. Мы оба не против отхватить как можно больше, такова наша природа. Я прав или нет?

— Думаю, ты прав, — признал Алексей. Он именно так понимал положение, но намеревался помалкивать. Повадка Йвочести была иной, прямой до грубости. Басилевс спросил:

— Как ты полагаешь выйти из затруднений?

— А вот как, — ответил Далей. — Большая война равно нанесла бы ущерб твоей стране и моей, и, кто бы ни победил, он бы вышел из драки настолько помятым, что не устоял бы перед кем угодно достаточно сильным, кто явился бы сверху по Реке. Так что давай договоримся: мы вместе идем против борну, заметано. Но при этом я буду называть тебя вице-мэром Шайтауна, а ты меня… как бишь там у вас кличут шишку номер два?

— Кесарь, — подсказал Алексей.

— Отлично. Тогда так ты и станешь меня называть. Понял, к чему я клоню?

— Понятно, — медленно проговорил Алексей. Если он примет условия мэра Далея, тот из них, кто убьет другого, будет править и Новым Константинополем, и Шайтауном. Отныне жизнь станет неспокойной для двух властителей, но их сподвижники окажутся вне опасности. Алексей добавил:

— Но, видишь ли, у меня уже есть кесарь. Он…

— У меня тоже есть вице-мэр, — прервал его Далей. — Невелика важность. Существенней другое.

Надо это сделать, если Шайтаун и Новый Константинополь окажутся друг с дружкой по соседству. Я прав или нет?

Алексей собирался сказать, что его кесарь — его родной брат, единственный из людей, каких он когда-либо знал, на которого он может полностью положиться. И последнее, чего он желал бы — это заменить Исаака кем-то, кто далеко не прочь его убить. Но Далей недвусмысленно дал понять, что Шайтаун не поможет против борну, если будет отвергнуто его условие. А если Новый Константинополь схлестнется с борну один, то, даже победив, он окажется уязвим для нападения тех, кто ниже по Реке.

Лучше поставить под удар себя самого, чем свою империю, решил он.

— Сделаем по-твоему, — ответил он мэру. — Как только борну окажется разгромлен, ты станешь называть меня вице-мэром, а я назначу тебя кесарем.? «И поглядим, что случится потом», — добавил он про себя. Далей протянул руку. Алексей взял ее. Пожатие руки мэра было скорым, твердым и бесстрастным, точно рычаги и приводы, которые поднимали императорский трон в Константинополе высоко в воздух, дабы поразить посланцев варваров. Далей, что скверно, не действовал как варвар, он не показывал на лице, что он думает. Алексей напомнил себе, что у послерожденных было несколько сотен лет

после его времени, чтобы научиться хитрости. Он надеялся, что получил в этом достаточный опыт за свою долгую жизнь.

Как только мэр получил, чего хотел, он спешно стал крайне деловитым.

— Давай-ка все обсудим,? сказал он.? Если мы что-то затеваем, надо все провернуть как следует. Думаю, мы справимся, но нужно все заранее подготовить…

Взошло солнце, а Далей и Алексей все еще сговаривались. Только гул грейлстоунов побудил басилевса заметить, что теперь им не нужны факелы. Один из подручных Далея принес им завтрак: яичницу с беконом, поджаренный хлеб с фруктовым, слаще меда, джемом и горячее горькое питье, называемое кофе. Алексей не увлекался кофе, но выпил ради вежливости. После того, как он осушил свою чашку, он почувствовал себя гораздо бодрее, чем мог бы после долгой бессонной ночи.

Звание мэра Далея было отнюдь не воинским, но он весьма здраво смотрел на стратегию. Если все пойдет, как они с Алексеем наметили (что редко случается на войне), борну окажутся размолото их силами, точно зернышко верхним и нижним жерновами. А план Далея касательно

возвращения Алексея в Новый Константинополь был сама простота:

— Мы отправим тебя как матроса, на одной из наших лодок и скажем черным парням, что они тут же нарвутся на войну, если попытаются обыскивать что-нибудь, что от нас плывет. Как ты думаешь, годится?

— Превосходно, клянусь Богоматерью, — сказал Алексей. К его удивлению, Йвочесть нравился ему все ощутимей. Если бы только можно было достаточно доверять этому послерожденному, чтобы без опаски отвернуться на миг, из него вышел бы славный кесарь. По всему выходило, что он мог бы стать нешуточным врагом, если не дать ему поступать по-своему. Алексей улыбнулся. Конечно, он намерен сдержать свое обещание Далею…

* * *

Войско ромеев пересекло границу незадолго перед рассветом. Несколько часовых пустили в солдат стрелы. Куда больше убежало с воплями вглубь страны.

— Принимай решение я, а не Муса, я бы настоял, чтобы шайтаунскую лодку обыскали и забрали меня, если обнаружат, — сказал Алексей

Исааку. — Но мэр Далей был прав: люди борну не решились ссориться одновременно с ним и со мной, и я благополучно вернулся домой.

— Я тоже этому рад, — ответил Исаак Комнин. — Судя по всему, что ты рассказал, когда вернулся, опистантроп — это слишком много для простого честного старого солдата вроде меня. — Он рассмеялся, чтобы показать, что не стоит особенно брать в голову его слова.

Алексей тоже рассмеялся.

— Не все сразу, брат мой. Первое, что требуется сделать — это избавиться от Мусы ар-Рахмана, Только после того, как борну перестанет быть опасностью, таковой станет Шайтаун… если, конечно, только Йвочесть не намерен выжидать с тем, чтобы мы и мусульмане обескровили друг друга, а затем прибрать к рукам то, что останется. — То, что он не обдумал такую вероятность раньше, свидетельствовало об искусстве Далея убаюкивать собеседника. А ведь еще одна новая забота…

С каждым шагом, которые делали ромеи, видно становилось все дальше. Солнце встало, когда войска подтянулись к ближайшему от границы грейлстоуну. Воины борну выкатились из городка, выросшего вокруг грейлстоуна. Как и

люди Алексея, они были вооружены копьями и луками, каменны-ми топорами и мечедубинами с деревянной основой и кремниевыми или обсидиановыми вкладышами.

И, подобно ромеям, они также носили несколько слоев полотна, как броню.

На этом сходство заканчивалось. Солдаты Алексея шагали, построившись правильными ромбами с пустой серединой, и солдаты внешнего ряда держали щиты из дерева и рыбьей кожи, дабы прикрыть себя и товарищей от метательного оружия. Борну презирали и правильное построение, и щиты. Вопя:

«Аллах акбар!», они толпой кинулись на своих недругов-христиан.

Исаак Комнин подождал, пока черные не подойдут совсем близко, и тогда прокричал:

— Стреляйте!

Сотни стрел вылетели одновременно. Стрелки доставали из-за плеча все новые и новые стрелы и пускали их почти беспрерывно. Их луки, изготовленные из челюстей Рыбы-Дракона, были лучше любых, какими они располагали в прежней земной жизни.

И даже теперь пало не так уж много борну. Полотняная броня защищала их от стрел в боль-

шинстве случаев. Но некоторым стрелы угодили в лицо, других ранило в руку или в икру, и таким образом, они выбыли из схватки. Ромеи почти не понесли потерь.

Скорбь черных воинов возросла, когда стороны схватились вплотную. Они были такими же храбрецами, как их враги, возможно, храбрее — ромеи редко выказывали больше отваги, нежели требовал случай. Но у борну каждый бился отдельно, они понятия не имели, что битва может, быть чем-то иным, нежели совокупностью поединков.

И дорого платились за подобное понятие. Для Алексея и Исаака на первом месте стоял успех войска как единого целого, а личная слава — на одном из последних. Алексей сражался в первых рядах, это верно, но больше для того, чтобы воодушевить своих сподвижников, нежели из любви к бою. Его куда больше заботила власть, которая достигается в итоге войны, чем война как таковая. Борну, один за другим, налетали на него. Он легко угадал их замысел: если он падет, с ним иссякнет и боевой дух его воинства. Он знал, что они заблуждаются; Исаак, пусть отнюдь не дипломат, но солдат хоть куда.

Алексей предпринял ряд нападений, учитывая, что сопротивление борну рухнет, как только он

убьет Мусу ар-Рахмана.

Басилевс был вооружен здоровой дубиной с каменной оконечностью. То было оружие здравомыслящего и трезвого человека: такое, которое раздробит кости даже сквозь полотняную броню.

Высокий, истошно вопящий черный воин направил копье ему в лицо. Он уклонился, подступил поближе, замахнулся своей дубиной. Ребра его противника были достаточно крупной и не такой ускользающей мишенью, как голова басилевса. Черный воин испустил стон. Розовая пена выступила из его носа и рта, и он рухнул. Наступающие ромеи втоптали его в грязь.

Совершенно внезапно борну прекратили бой и кинулись в бегство. Алексея одолевало искушение развернуть свои порядки и начать преследование, но он отказался от этого: пусть разгромленные мусульмане посеют панику на пути войска Нового Константинополя. Не мог он быть уверен и в том, что борну не пытаются заманить его в засаду.

Завидев приближающихся ромеев; женщины, вереща, кинулись прочь из деревни, окружавшей грейлстоун. Это убедило Алексея, что он действительно одержал достойную победу. Когда некоторые из его воинов явно пожелали вы-

рваться из рядов и припустить за женщинами, он воззвал к ним:

— Мы получим столько этих девок, сколько нам будет угодно, когда побьем борну. А пока не стоит их преследовать, утрата дисциплины все еще опасна.

Ряды не расстроились. В отличие от противника, ромеи знали цену дисциплине; они могли отложить развлечение ради более существенного выигрыша позднее. Алексей ощутил гордость за них.

Вперед, где-то далеко, в небо поднимался дымок.

— Это то, на что мы надеемся? — спросил Исаак.

— Должно быть, — ответил Алексей. — Мэр Далей пообещал, что шайтаунцы сожгут палисад, который построили борну, чтобы от них защищаться. Послерожденные, похоже, искусны в поджогах и знакомы много с чем, помимо нашего жидкого огня. — Еще один повод для беспокойства, — тут же подумалось ему. Но не теперь. Пока что нужно думать, прежде всего, о Мусе ар-Рахмане.

Алексей отослал отряд наполнить граали у грейлстоуна захваченного городишки. Некото-

рые из граалей принадлежали солдатам, другие были отняты у пленных мусульман. А сам басилевс со своими главными силами продолжил наступление. У снабженческого отряда имелись повозки, чтобы доставить нагруженные граали (минус спиртное, курево и жвачка грез) к остальным силам. Борну придется остаться голодными, но это уж им так не повезло.

— Как ты думаешь, они попытаются отразить нас на подступах к столице? — спросил Исаак.

— Я бы не стал, если бы угодил в заварушку, вроде этой, — ответил Алексей. — Но кто может с уверенностью прочесть мысли Мусы? Он может раздробить силы, выступив сразу против нас и шайтаунцев, или может попытаться сперва разбить одного противника, а затем повернуть, и немедля обрушиться на другого. Но я на его месте ожидал бы нападения там, где городские укрепления благоприятны для успешной обороны. И не представляется, чтобы мы быстро могли выгнать его из-за стен голодом, что весьма скверно.

Исаак прыснул:

— Граали заметно усложняют всю эту возню с осадами, по сравнению с тем, к чему мы привыкли.

Тут и там лучники борну стреляли из укрытия

по наступающим ромеям. Они наносили немного ущерба. Разведчики Алексея захватили парочку из них, перерезали им сухожилия и отобрали граали.

Если застрельщики и пытались замедлить продвижение армии басилевса, то потерпели неудачу.

Муса поступил так, как предполагал Алексей. После первой попытки сопротивления, не появлялось сколько-нибудь крупной борнусской силы, чтобы бросить вызов ромеям. Второй прибрежный граальный городок борну оказался полностью покинут жителями, когда его достигли ромеи. Население бежало вниз по Реке, прихватив граали. Та же картина ждала Алексея в третьем городке, где он остановился, чтобы наполнить граали для полуденной трапезы.

Четвертый городишко вниз по течению от границы с Новым Константинополем был столицей борну. Здешний грейлстоун был не крупней прочих, так что обычное население не превышало численностью население других городков, но Муса ар-Рахман уделял своему городу куда больше внимания. Высокая стена была выстроена из крепкого дерева и бамбука и прикрыта полотном на случай поджога. Второй этаж султанского

дворца возвышался даже над этой стеной. Там укроется Муса, если потеряет остальной город, как подумалось Алексею.

У стены теснились черные воины, провывшие ромеям свой вызов. Исаак Комнин нахмурился при виде их.

— Это место было бы мало радости осаждать, даже если бы они не смогли получать еду из своих граалей.

— Не буду спорить, брат мой. Однако… — Алексей кивнул музыкантам, сопровождавшим войско.

Пронзительный вопль флейты и гулкие удары барабана велели воинам изменить построение. Алексею не хватало военных труб, но в Новом Константинополе не нашлось бы достаточно меди даже на одну.

Передовые ряды его войска расступились, пропустив вперед инженерное подразделение, которое перемещалось в середине ромба. Солдаты подтянули повозки (совершено отличные от тележек фуражиров) поближе к стене. С ними двигались щитоносцы, оберегая их от града стрел и дротиков, пущенных борну.

Человек у заднего края каждой повозки орудовал полотняными мехами. Полотно устилало

также внутренность длинных бамбуковых труб, которые другие солдаты нацелили наверх стены. Люди у мехов прокричали предупреждение, и щитоносцы, превосходно обученные, проворно убрались с дороги.

Золотистая жидкость вырвалась из бамбуковых труб. Целившиеся воспламенили ее тщательно сберегавшимися зажигалками. Полдюжина потоков струящегося пламени взметнулась и стала поливать стену и воинов на ней.

Алексей наблюдал с холодным удовлетворением, как неверные с воплями мечутся туда и сюда, разнося повсюду пламя. Жидкий огонь просочился между полотнищами. В несколько секунд стена занялась.

У некоторых черных воинов хватило храбрости и ума оставаться на своих постах. Они стали заливать водой из ведер взлетающее языками пламя. Басилевс улыбался, слыша их горестные возгласы, ибо пламя не унималось. Это был не в точности тот состав, который греки применяли в Константинополе; никто в этом странном новом мире пока еще не нашел нефть, текущую из расселин в скалах. Но жир Рыбы-Дракона оказался недурным заменителем. Стоило смешать его с лигроином, серой и некоторыми другими состав-

ляющими, тайну которых инженеры, которые знали в этом толк, отказывались открыть даже Алексею, и получалась адская смесь, которая горела, пока не иссякнет, или пока ее не закидают песком.

Борну, однако, ничего об этом не знали, да и научиться у них не хватило времени. Все больше их карабкалось по стене, то срывалось или прыгало вниз по мере того, как распространялось пламя. Ромеи приветствовали криками густой черный дым, поднимавшийся в небо.

Алексей дал новый приказ музыкантам. Их пронзительная музыка перекрыла шум. Воины Нового Константинополя послушно образовали клин. «А с этими солдатами можно что-то сделать, — подумал Алексей. — Они одновременно отважны и послушны».

С оглушительным треском обрушилась часть стены. Взметнулись искры. Завизжали флейты.

Выкрикивая имя Алексея и «Христос с нами!», греки хлынули в город.

Свирепый бой бушевал несколько минут. Затем борну прекратили сопротивление и принялись сбегаться к цитадели. Алексей встретился взглядом с Исааком. Братья ухмыльнулись. Если загорелась столь основательно сооруженная

стена, каким веселым костром вспыхнет скоро дворец Мусы ар-Рахмана. Столица борну мало отличалась от их столицы.

Кое-кто из черных тоже это понял. Подразделение воинов в пятьдесят вломилось прямым ударом в войска Алексея, отчаянно пытаясь вновь оттеснить солдат Нового Константинополя за городские стены. Возглавлял это подразделение крючконосый мужчина в полной полотняной броне и с сияющими медными кольцами в обеих ушах и одной ноздре. Такую роскошь мог выставить напоказ только сам Муса. Султан заметил Алексея в тот же миг, в который Алексей узнал его.

— Выходи на смертельный поединок! — крикнул он по-арабски. — Пусть победитель правит обоими народами!

Алексей стал приближаться к нему. Но, когда Муса ар-Рахман устремился навстречу тому, что предполагал как единоборство, Исаак Комнин и три других ромея, также ввязались в бой. Алексей разнес череп султана своей дубиной, но впоследствии так и не понял, оказался ли удар смертельным.

Борну взвыли от ужаса при виде такого вероломства. Алексея это не обескуражило.

Как и варвары-франки, которые осложнили ему жизнь своим крестовым походом, они были достаточно глупы, чтобы считать войну делом чести. Война ведется ради победы, только и всего.

Гибель их правителя повергла борну в уныние. Вскоре вопящие женщины препятствовали продвижению ромеев больше, нежели черные солдаты. Воины борну поднимали руки и отдавали свои граали в знак того, что сдаются.

— Оставьте в живых как можно больше! — прокричал Алексей. — Если они падут, мы лишимся пищи и прочих благ, которые они станут нам отдавать.

Муса составлял исключение для этого правила. Он был слишком хитер, слишком опасен, чтобы держать его как граального раба — пусть лучше возродится где-нибудь подальше от Нового Константинополя и там не дает людям покою. Можно было также калечить его каждые несколько месяцев, но Алексею это не подходило. У него имелись свои понятия о чести, и беспричинная жестокость в них не входила.

Вскоре лишь дворец султана еще держался против ромеев. Алексей послал туда говорящего по-арабски вестника, чтобы передал:

— Сдавайте оружие и граали, и с вами не станут

дурно обходиться. Иначе мы применим против вас жидкий огонь. Вы можете впоследствии возродиться, но смерть ваша будет медленной и отвратительной. Решайте быстро, или мы приступим.

Он ждал. И когда уже готов был приказать инженерам выйти вперед, ворота дворца распахнулись.

Стали выходить один за другим удрученные черные воины. Свои луки, копья и дубины они бросали в кучу справа от ворот. Мало-помалу куча выросла в гору. Оружие было не хуже того, которым бились ромеи. Алексей решил приберечь его на будущее.

Ответственные за снабжение стали собирать у мусульман их граали. Борну расставались с ними еще неохотней, чем с оружием. Лишившись граалей, они полностью оставались на милость победителя.

Отныне, если они не станут повиноваться, не получат и еды. О, кое-кто может ускользнуть и не пропасть, питаясь рыбой, плодами и клубнями растений, который встречаются повсюду от самого берега до предгорий. Но участок земли, на котором проживет тысяча людей с граалями, позволит жить без них разве что горстке.

После того, как победители приняли все оружие и граали, архивчеты Алексея принялись спрашивать имена мужчин, женщин и подростков борну. Свитки из бамбуковой массы заменяли здесь пергамент и папирус, которые использовали писцы в Константинополе. Франки, как вспомнилось Алексею, поражались, какие мелочи записывали его чиновники. Но как бы кому-то удалось управлять государством, если не занести в списки всех, кто его населяет?

Солнце начало опускать за горы на западе. Когда грейлстоун города — отныне его города — прогремел и исторг пламя, басилевс наконец почувствовал, насколько устал. Пришлось тут же опять заставить себя взбодриться, ибо один из разведчиков, которые ходили вниз по течению от бывшей столицы борну, со всех ног примчался обратно, крича:

— Сюда движется войско!

Один из темнокожих, должно быть, немного научился греческому с тех пор, как возродился у Реки, ибо рванулся к горе оружия. Вдогонку прыгнул ромей и пронзил его копьем. Тот лежал, корчась в предсмертной муке.

— Прикончить, — распорядился Алексей. Один из воинов расколол череп борну. Пусть

какой-нибудь властитель далеко-далеко отсюда разбирается с этим смутьяном, — подумал Алексей.

Едва дыша, прилетел другой разведчик.

— Идут шайтаунцы, — доложил он. Ромеи возопили, словно желали, чтобы им отозвались далекие горы. Алексей немедля приказал, чтобы весть перевели на арабский. Отчаяние борну усугубилось.

С отрядом отменно вооруженных телохранителей Алексей вышел приветствовать союзников.

Шайтаунцы завыли от восторга, когда узнали его в тускнеющем свете. На миг обе победоносные армии ликовали сообща в мире и согласии. Но мэр Далей выступил навстречу Алексею тоже в окружении телохранителей. Далей заговорил. Отец Бойл переводил его наполовину понятную речь на латынь.

— Все действительно вышло так, как мы замышляли. Как часто случается подобное на войне?

— Нечасто, — ответил Алексей, поражаясь, насколько хорошо этот послерожденный смыслит в войнах. Но это не имело значения. Теперь, как сказал мэр Далей, они победили. Алексей вышел из-за спин телохранителей и протянул руку мэру.

Далей раздвинул своих солдат, чтобы ее пожать. На один краткий и славный миг их союз колебался на грани искренней дружбы. Затем Далей произнес:

— Когда ты полагаешь прибыть в Шайтаун и принести присягу, как вице-мэр?

Любопытный вопрос, как подумалось Алексею. Но так, мимоходом. И он снова сосредоточился на том, что надлежит теперь делать, каков и в чем ожидается выигрыш, и какова вероятная цена. Он сказал:

— Думаю, разумно было бы сперва навести порядок и разместить гарнизоны на землях, которые мы нынче завоевали. Из твоих людей многие уже на месте, поскольку вы берете пять из прибрежных грейлстоунов борну против наших четырех. Но нам еще предстоит оторваться от Реки, чтобы взять добавочный камень внутри суши, который нам причитается. Возможно, нам предстоят еще кое-какие стычки, хотя Муса и сосредоточил своих вдоль Реки. Я посещу тебя… гм… в течение недели. А затем ты прибудешь в Новый Константинополь, и тебя помажут как нашего кесаря.

Алексею стоило немалых усилий говорить ровно. Чужеземец — кесарь ромеев. Такое уже слу-

чалось однажды, когда Юстиниан II вознаградил болгарина Тервела за поддержку в гражданской войне. Алексей по-прежнему считал это позором. Но ему нужен был Далей, как Юстиниану некогда Тервел. Он не постоял бы за ценой… на свой лад.

Отец Бойл перевел его слова для мэра. Далей сказал что-то на английском. Священник нагнул голову, затем опять повернулся к Алексею:

— Йвочесть дозволяет мне сказать тебе несколько слов от себя. В наше время и в нашей стране земли, которыми правил Константинополь чаще называли Византийской Империей, нежели Римской.

Слово византийский стало мало-помалу означать в нашем английском языке искусную, изощренную и хитрую дипломатию. Познакомившись с вами, ваше величество, я вижу теперь, насколько не случайно это слово.

— Ты мне льстишь, — голос Алексея неожиданно прозвучал как мурлыканье. Впрочем, главное, когда слышишь лесть — получить от нее удовольствие, не дав вскружить себе голову. — Можешь передать Йвочести, что у него самого в этом отношении отнюдь не убогие способности.

Далей разразился хохотом:

— Конокрад конокрада легко распознает, — за-

метил он. Это побудило рассмеяться и Алексея, и снова они ощутили себя почти друзьями. Но басилевс видел, что улыбка мэра Далея никогда вполне не доходила до проницательных глаз. Да, они были одной породы, спору нет, и каждый пытался вертеть другим.

Басилевс еще раз кивнул Йвочести, затем отступил к телохранителям. Скоро нагрянет беда, — подумалось ему, — если шайтаунцы не отойдут от этого граалегорода. Граница, о которой договорились два правителя, проходила на полпути между этим поселением и следующим ниже по Реке.

Усталость опять охватила Алексея, на этот раз — неодолимо. Завтра будет достаточно времени побеспокоиться о границах.

* * *

Михаил Палеолог и другие важные персоны из Нового Константинополя присутствовали при вступлении Алексея Комнина в должность вице-мэра Шайтауна: после исчезновения борну, Палеолог был назначен послом басилевса при мэре Далее. Но Исаак Комнин остался дома, так что вероломство Далея не могло бы сгубить одним разом всех предводителей ромеев.

Алексей поймал себя на том, что завидует брату. Послерожденные, может быть, изощренные политики и ловкие ремесленники, но их церемонии скучны до предела. Йвочесть произносил речь, которой все не было и не было конца. Алексей пытался некоторое время вникать в диалект послерожденных, но оставил эту затею, как только пришел к выводу, что Далей в действительности говорит ни о чем, Басилевс ожидал, что отец Бойл призовет его к присяге вице-мэра. Это несколько смущало его: некоторые из подданных Алексея считали последователей папы Римского, таких как Бойл, схизматиками. Но оказалось, что клятву у него должен был принять какой-то человек, весь в черном полотне; Далей через Бойла представил его как судью Коркорана.

— Судья? — переспросил Алексей. — У него светское звание?

— У нас церковь отделена от государства, — ответил отец Бойл. Алексей пожал плечами. Это поразило его, как нечто то ли непостижимое, то ли откровенно безумное. Но вообще-то, не его дело, как шайтаунцы управляют своей страной.

— Поднимите правую руку, — сказал судья Коркоран, и Алексей повиновался. Судья произнес слова присяги:

— Вы торжественно клянетесь, что будете выполнять обязанности вице-мэра Шайтауна честно и, насколько вам позволяют ваши способности, и да поможет вам Бог?

В сущности, особых обязанностей у вице-мэра не было. Присяга не затрагивала ни одно из тех разногласий, которые имелись между теологами Константинополя и Рима. И отличалась поразительной простотой. Алексей сказал:

— Клянусь.

Все ликующе завопили. Как и присяга, обычай мэра Дадея справлять праздники был простым, но основательным. Йвочесть прогудел:

— А теперь давайте выпьем.

И служители внесли на подносах фляжки вина и виски. После возрождения в Мире Реки Алексей пристрастился к виски. Ему нравилось, как оно обжигает горло, а затем согревает, попав в желудок. Он отхлебнул из фляжки.

— Когда ты прибудешь к нам, — сказал он мэру, — я тебе покажу, как мы обмываем дела.

Йвочесть кивнул и сам потянулся за фляжкой.

* * *

Когда мэр Далей, покинув лодку, ступил на берег, он подошел к Новому Константинополю

меж двумя рядами факельщиков. Хор пел ему хвалы. Прелестные девушки бросали цветы ему под ноги. Он улыбался во весь рот.

— Обалдеть можно, — признался он, когда встретился с Алексеем перед императорским дворцом.

— А почему бы и нет? — доброжелательно отозвался Алексей. — Ты знаком с моим братом Исааком, как я полагаю, носящим пока титул кесаря.

— Надеюсь, он не держит на меня обиды, — заметил Далей, возможно, искренне. Его прежний вице-мэр был полным ничтожеством, а вовсе не его братом. Но Исаак лишь улыбнулся и покачал головой. Йвочесть просиял.

— Славно. Славно.

— А вот экуменический патриарх Нового Константинополя, Евстратий Гарид, — сказал Алексей, указывая на мужчину в ослепительно-золотом. Большинство ромейских священников очень тяжело переживали утрату бород здесь, на Реке, но Гарид всегда отличался гладким подбородком, в прежней жизни он был евнухом. После того, как он воскрес во плоти вместе с прочими жителями Нового Константинополя, и у него, впервые во взрослом состоянии, появи-

лись яички, его целомудрие подверглось тяжким испытаниям, особенно вследствие эротически возбуждающего действия жвачки грез, но он оставался добрым и благочестивым человеком.

Далей вежливо поклонился. Отец Бойл тоже, что, учитывая его вероятное отношение к Константинопольской церкви, могло потребовать немалого самообладания. Патриарх, голос которого звучал октавой ниже, чем Алексей помнил по своей прежней имперской столице, сказал:

— Готов ли мэр Шайтауна принести присягу как кесарь Нового Константинополя?

Алексей перевел это с греческого на латынь для Бойла, а тот переложил на английский послерожденных.

— Готов, — торжественным голосом ответил Йвочесть. Присяга, к которой привел мэра Далея Гарид, была много пышнее и обязывала куда к большему, нежели та, которую принес басилевс судье Коркорану. Она взывала ко всем трем ликам Святой Троицы, к Божьей Матери и целому воинству святых (среди прочих — и к Святому Андрею, покровителю Константинополя) и навлекала на него анафему и проклятие, если он отступит от нее хотя бы на йоту.

— Итак, будешь ли ты верен своему слову, во

имя Отца, Сына и Святого Духа? — закончил патриарх. — Далей перекрестился.

— Да, клянусь именем Отца, Сына и Святого Духа.

— Склони голову, — приказал Гарид. Когда Йвочесть подчинился, патриарх помазал его маслом из рыбьего жира, которому был придан сладкий аромат добавлением духов, полученных из грааля.

Алексей водрузил на голову Далея травяной венок, окрашенный в алый цвет.

— Слава нашему кесарю! — воскликнул он. Жители Нового Константинополя закричали: «Ура!» вместе с делегацией из Шайтауна. Хор запел гимн хвалы и благодарения.

— Что теперь? — спросил вновь испеченный кесарь. «Когда будем праздновать?» — так понял Алексей его слова. Он сказал:

— Нам осталось еще одно перед тем, как начнется пир. — Далей скрестил руки на могучей груди и принялся ждать. Басилевс возвысил голос:

— Возведя Йвочесть в звание кесаря, я оставил моего брата Исаака без подобающего ему титула.

Поскольку он одновременно плоть от моей плоти и моя правая рука, с вашего согласия, жители Нового Константинополя, я предлагаю ему досто-

инство Себастократора, августейшего правители, и достоинство указанного звания да будет между моим званием басилевса и званием кесаря.

— Да будет так! — вскричала толпа, которую хорошо подготовили. Себастократор, звание, которое Алексей изобрел еще на Земле, было тем самым, которое Исаак Комнин носил большую часть своей земной жизни; в Новом Константинополе басилевс вновь упростил иерархию. Но старый титул сохранялся на случай, если когда-нибудь пригодится, как, например, сегодня. Алексей не перевел на латынь для отца Бойла, что провозглашает Исаака Себастократором; чем дольше мэр Далей останется в блаженном неведении того, что происходит вокруг него, тем лучше для басилевса. Выяснилось, однако, что отец Бойл достаточно понимает по-гречески, чтобы догадаться, в чем дело. И это не удивило Алексея; мэр лишь доказал свое благоразумие тем, что держал у себя в свите кое-кого, кто знаком с языком Нового Константинополя. С Алексеем в Шайтауне тоже была парочка англо-говорящих. Он мог с точностью до секунды определить, когда Йвочесть осознал, что его провели. Не иначе, как у Далея были в роду кельты, кожа-то у него отличалась такой же белизной, что и у любого

франкского крестоносца. И в один миг он стал красным, как кирпич.

— Какого дьявола! — провыл он столь яростно, что у Алексея не возникло сложностей с пониманием.

Евстратий Гарид почти закончил приводить к присяге Исаака. Он умолк на полуслове и с вопросом в глазах посмотрел на Алексея.

— Продолжай, отче, — спокойно произнес василевс. И Гарид стал продолжать. Лишь после того, как он завершил помазание вновь провозглашенного Себастократора, тем самым сделав титул Исаака неснимаемым, Алексей счел нужным обратить внимание на недовольного кесаря. Он повернулся к мэру Далею и произнес елейным голосом:

— Почему ты огорчен? Я провозгласил тебя кесарем Нового Константинополя, как и обещал. Будь у нас золото, я бы возложил на тебя корону, а не эту повязочку, но она не менее хороша, чем та, которая досталась Исааку. Далей швырнул наземь красный венок.

— Ах ты, сукин сын, ты меня одурачил!

— Видит Бог, это неправда, — ответил Алексей. — Ты поставил мне условием нашего союза, чтобы я назвал тебя кесарем. Я согласился, и союз

принес нам все, на что мы надеялись; государства борну нет, и мы честно поделили его землю между Шайтауном и Новым Константинополем. Ты ни разу не требовал у меня не назначать кого-либо на должность между моей и твоей. Я сделал это для безопасности моего государства. Но чтобы я тебя одурачил? Я отрицаю это, и отрицаю с чистой совестью.

Мэр вылупился на негр. Лишь холодный расчет способен унять гнев Йвочести — так и случится: он со своей делегацией будет отдан на милость ромеев, если они вздумают вмешаться. Но Далей даже не взглянул в сторону толпы; он не сводил глаз с Алексея. А затем раскатисто захохотал.

— Ах ты сукин сын, ну ты меня и одурачил! — повторил он снова. Слова — почти те же, что и минуту назад, но тон — совершенно иной.

Мэр шлепнул басилевса по спине, достаточно увесисто, чтобы тот закачался.

— Теперь, когда тебе известно, каков я, возможно, нам окажется проще жить друг с другом в мире. Я заметил, что, помимо прочего, вы, опистантропы, считаете, будто любой, кто жил до вашего времени, глупее вас. Разве ты предложил бы такую договоренность кому-либо из своих современников?

Они бы тебя без труда раскусили, вот и я тоже.

— Большинству это не удалось бы, видит Бог, — ответил Далей. О том, что он замышлял убийство, он не упомянул, точно так же, как не упомянул и Алексей. В сущности, это входило в правила игры.

Йвочесть снова рассмеялся, еще громче прежнего.

— Отлично! Я кесарь, а на все прочее плевать. Хотя, знаю, чем я займусь, как только ворочусь в Шайтаун.

— И чем же? — спросил Алексей.

— Назначу себе Товарища Мэра, чем же еще? Настал черед смеяться басилевсу.

— Вполне справедливо. А теперь давай пировать.

Эд Горман
Рай для дураков

Глава 1

Мне послышался чей-то голос, но я попытался его не слушать. Мне не хотелось просыпаться. Мне снилась квартира на Эдди-стрит в ту солнечную осень 1921 г., несколько недель спустя после рождения моей дочери Мэри Джейн — и моя жена, такая нежная и очаровательная в те дни, перед самым моим предательством, которым кончился наш брак.

А затем — нечто большее, чем просто голос. Меня звали, торопливо и настойчиво, небольшие ладошки трясли меня за плечи, и кто-то снова и снова повторял:

— Мистер Хэммет, прошу, ну проснитесь, ну проснитесь же!

Первым, что я почуял, был дождь, его прохладный и чистый запах исходил от зеленой листвы вдоль Реки, и его капли глухо постукивали по крыше из деревянных обломков, в которой я жил.

Я открыл один глаз и подтянулся на локте, поглядев на кроликообразного человечка, который меня тряс.

Он не больно-то нравился мне там, на Земле. В

смысле, его произведения; лично-то мы знакомы не были, и он ничуть не заметней понравился мне здесь, в Мире Реки. Во всех биографиях его представляли как эдакую снедаемую мукой романтическую натуру, но, как и большинство людей, соответствующих такому описанию, он был нытиком, прожектером и неустанным нарциссом.

Простите, что я вас разбудил, мистер Хэммет.

— Ага. И не стоило будить.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Хэммет. Отчаянно нужна.

Он всегда называл меня мистер Хэммет. Полагаю, из-за волос. Они поседели еще в молодости, и, независимо от того насколько дамы уверяли, что из-за них я выгляжу «особо притягательно», я из-за них выглядел также старше своих лет. Даже теперь, когда, как и большинству обитателей Мира Реки, мне было только двадцать пять, волосы у меня опять отросли совсем белые.

Я сел на постели. Потер глаза и позволил себе мощный зевок. А затем двинул его кулаком. О, не такой уж и крепкий вышел удар, я не выбил ему зубы и не разбил нос, но мой кулак оглушил его и оттолкнул на фут-другой, а это уже было неплохо.

Он бережно коснулся своего рта, высунул кончик языка и слизал с губы кровь.

— Зачем вы это сделали, мистер Хэммет?

У меня отроду не было особенно радужного настроения по утрам. Мой отец был таким же, и дед тоже. Хотел бы я свалить это на предков, а не брать на себя. И мне особенно не по нутру, когда кто-нибудь, как мой непрошеный гость, будит меня ни свет ни заря.

Я вскочил, забыв вовремя пригнуться. И поднял на своей седой голове всю тростниковую крышу. Точно шляпу надел.

Он заухмылялся было, но я показал ему кулак, и его ухмылка мигом исчезла. Я поставил крышу на место. Затем прошел через хижину, сел в углу по-индийски и налил себе воды. До меня по-прежнему доносился чистый и добрый запах дождя. Увы, я не мог сказать ничего подобного о своем госте.

Теперь, когда я вполне проснулся, я впервые взглянул на него как следует. Он пользовался скверной репутацией в Мире Реки, вечно соблазнял юных девушек, а затем покидал их — та самая женоненавистническая игра, в которую постоянно играл известный сатир Казанова. Но Казанова хотя бы был откровенен: он желал утолить свою

козлиную похоть. А По окутывал все романтическим туманом и бредовой темной поэзией.

— Что, побили камнями?

— Я это отрицаю, мистер Хэммет.

— Кончай балаган, и отвечай на мой вопрос.

— Нет, не побили.

— Ты станешь уверять меня, что больше не тянешься к жвачке?

— Я прибегаю к ней иногда.

— Иногда. Гм-гм…

— Я знаю, что вы обо мне невысокого мнения. Я вздохнул. Не выношу ханжества, и особенно — когда сам в него впадаю, а тут я внезапно понял, что веду себя по отношению к этому типу как жуткий ханжа.

— Послушай, — сказал я, — учитывая, какую жизнь я вел прежде на земле, я не имею права морально осуждать других. И, разумеется, я чертовски не желаю корчить из себя проповедника и говорить кому-то, что он — снисходительный к себе распутник, использующий любого, с кем вступает в общение.

Он улыбнулся.

— Полагаю, для меня где-то здесь был сделан какой-то намек.

— Да, судя по всему, был.

— Я знаю, что я такое, мистер Хэммет.

— В самом деле?

— Верьте мне или нет, сознательно я этого не делаю. Это просто вроде… Так само получается. Я хочу сказать, что у меня нет цели кого-то использовать… Просто… Так уж выходит.

Я опять вздохнул.

— Что я могу сделать для вас в это прекрасное солнечное утро, мистер По?

— Зовите меня, пожалуйста, Эдгаром. Как и все остальные.

— Давайте-ка заключим договор.

— Насчет чего?

— Вы будете звать меня Дэшиэл, а я вас — Эдгар. Он опять улыбнулся. Во всех книжках он представлен Красавчиком, но по-настоящему это не так. Рот и подбородок у него для этого слишком вялые. Но есть нечто мощное в его темных глазах, подлинная сила, некий род безумия, который зачаровывает, если вглядеться. Уверен, это в нем сродни дару заклинателей змей, богатых священников и политиканов, драпирующихся в тогу патриотизма.

— Я согласен, Дэшиэл, — сказал он.

— Ты пришел сюда кое-что мне рассказать.

— Да.

— Так расскажи.

— Боюсь, что кое-кто пытается убить Арду.

— Маловероятная история для Мира Реки. Здесь нет смерти.

— Здесь нет смерти как таковой. Если человека убивают, он возрождается где-то в другом месте. А если кто-то затеял убить женщину, которую любит мужчина, и она возрождается в другом месте, так что он не сможет больше ее найти, ибо Мир Реки так огромен — разве это не то же самое, что и ее смерть, верно?

— Полагаю, в этом ты прав. — Я поглядел на его длинные изящные ладони. Некоторые назвали бы их аристократическими. Они дрожали, и довольно сильно.

— С чего бы кому-либо понадобилось бы ей вредить?

— Не знаю. — Но по тому, как он это сказал, твердо и непререкаемо, я понял, что он *лжет*.

— Я больше такого рода вещами не занимаюсь, сам знаешь.

— Ты служил Пинком.

— Следует говорить Пинкертон. Пинком нас называла пресса. А на нее мне всегда было плевать. — Я отпил еще воды, а затем глубоко вздохнул. — Возможно, ты этого не знаешь, Эдгар,

но я кончил тем, что тоже стал писателем. Не таким хорошим, как ты, может быть, но достаточно сносным, чтобы оставить прежнюю работенку и жить на гонорары до конца своих дней. Или, всяко, вроде того.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что я утратил хватку.

— Нынче ночью она пошла прогуляться, и кто-то пустил в нее стрелу. Промазав лишь на столечко, — он изобразил кончиками большого и указательного пальцев, сколь невелико было расстояние. — А неделю назад кто-то пытался утопить ее, в то время как она купалась в Реке. А еще за несколько дней до того кто-то пытался столкнуть ее с горной тропы.

— Ей удалось его увидеть?

— Нет. Меня не было ни при одном из этих случаев. Но если бы я там был… — его мессианские темные глаза устремились вдаль. — Ей иногда бывает зверски трудно сосредоточиться. А это может обернуться опасностью, когда тебя кто-то выслеживает.

В Мире Реки есть лишь один способ постоянно утрачивать сосредоточенность.

— Ты хочешь сказать, что приобщил ее к жвачке?

— Нет! — Он почти орал. — Она сама приобщилась. Я даже не знал, что она этим балуется, пока не стало слишком поздно.

Жвачка грез появляется в каждом граале. Большинство из нас отвергает ее, не желая тратить свою жизнь на фантастические видения. Пробуждение в Мире Реки для большинства из нас достаточно фантастично.

Но я опять начинал впадать в ханжество, эту мою черту всегда здорово не выносила Лилиан. Но, в конце концов, у Лилиан было множество черт, которые не выносил я, особенно, когда ближе к концу своей жизни на Земле, я определил путем дедукции истинную природу наших отношений.

— Кто мог бы желать ей вреда? — спросил я.

— Не знаю.

— Или почему?

— Этого тоже не знаю.

— Она не могла этого просто вообразить?

— Стрела в нашей хижине. Я предположил, что ты захочешь поговорить с Ардой. И прикинул, что потом тебе может понадобиться взглянуть на стрелу.

— Ничем не могу помочь, Эдгар.

— То есть, не хочешь.

— Как тебе угодно.

На его глазах выступили слезы, и так внезапно, что я не понял, как он мог их изобразить, даже если учесть его театральность.

— Дерьмо собачье, — буркнул я. — Достаточно скверно, когда женщина пытается воздействовать на меня слезами. Но мужчина…

— Ты хотя бы понимаешь, как сильно я ее люблю, Дэшиэл? Хоть сколько-нибудь?

Теперь, вдобавок ко слезам, все его тело принялось содрогаться. Я глядел на него с отвращением. Черт побери, что за слабак. Но тут же понял, насколько слаб сам, просто в совершенно ином роде, и тогда я отрешился от проповеднической дури и сказал:

— Прошло много времени с тех пор, как я был Пинкертоном, Эдгар. Очень много времени.

— Ей действительно нужна помощь, Дэшиэл. А не то кто-нибудь отнимет ее у меня навсегда.

Глава 2

Чокнутый поэт и нимфетка-наркоманка. Не тот ли это род клиентов, о которых мечтают все частные детективы?

Проплавав минут эдак двадцать, я опять выбрался на берег, вернулся к хижине и приготовился к новому дню.

Теперь мне уже начинала нравиться мысль расследовать это дело. В Мире Реки много всякого, но только не волнующего, по крайней мере, не на том участке берега, куда угодил я. Здесь представлены две культуры и две исторические эпохи: первая — это группа бизнесменов и их родных из пригородов Балтимора около 1907 г., а вторая — жители Сан-Франциско конца 1950-х. Я принадлежал к последним, когда умер и возродился в Мире Реки, где бы ни находился и чем бы в действительности ни был.

Когда я вернулся на берег, я увидел там добрых балтиморцев, занятых переноской материалов для хижин в окружающий лес. Даже здесь, в этом чистилище, в которое мы угодили, добрые трудолюбивые обыватели желают поселиться в отдельном пригороде. Они убеждены, и вполне

справедливо, что половина тех, кто бороздит Реку в своих каноэ — подонки общества. И мог ли я не согласиться с ними, когда одним из наших последних посетителей был Уайт Эрп, который на полном серьезе предложил, чтобы мы отобрали шесть самых смазливых бабенок из окрестностей и организовали бордель, которым он счастлив будет управлять за хорошую долю в предприятии?

Дождь не тревожил добрых граждан. Их вдохновляла идея, и ничто не могло их остановить. Они выполняли свою работу непрерывно и неутомимо, точно лесные муравьишки.

Сан-францисканцы не были ни столь крепки, ни столь деловиты. Они сидели себе под навесиками из листвы, пережевывали жвачку грез, посматривали, как течет мимо Река и махали рукой всяким встречным, которые по ней плыли. Один парень сообщил мне, что видел однажды настоящий НЛО, полный маленьких зелененьких марсиан, которые помахали ему. Такие вот радости приносит жвачка грез.

Я махнул рукой гражданам-трудягам, а затем помахал наблюдающим за Рекой. И пошел вверх по илистому скользкому склону к маленькой хижинке, которая стояла над обрывом над глубоким оврагом. Там жил Эдгар По.

Никакой тебе двери, лишь длинная циновка, дающая некоторое относительное уединение. Из-за нее, очевидно, заслышав, как я приближаюсь, прозвучали слова молодой женщины:

— Входите, мистер Хэммет.

Внутри все так и смердело речным илом. Пол устилали большие тяжелые лопатообразные листья, которые граждане-обыватели приносили из лесу и по-христиански делили с другими, доказывая тем самым, что не все капиталисты дурные люди и способны творить добро даже для коммунистов, вроде меня.

Она была привлекательна, что правда, то правда. Она сидела на корточках у задней стенки в чем-то вроде белого платья, насколько его позволяла смастерить жизнь у Реки. И все-таки ее нежное печальное лицо и маленькое, но обильное формами тело были отмечены истинной красотой.

— Я сказала ему, что вы придете.

— Эдгару?

— Да. Он не очень-то верит в человечность, боюсь. Но и я не больно-то верила бы. При той жизни, которая ему выпала. Достаточно того, как безжалостно его избивал отчим. Эдгару до сих пор снятся кошмары.

Она довольно успешно вызывала во мне жалость к По. Но с ним было легче иметь дело, когда он представал передо мной как снисходительный к себе художник.

— Из какой вы эпохи? — спросил я.

— Из 1930-х. Мой отец большой ваш поклонник. Он судья и обожает читать о раскрытии тайн. — Протянув руку, она коснулась большой груды цветов, которые увядали внутри хижины. Даже запах у них пропал от этого дождя, прохлады, да еще в тени под этим кровом.

Тут ее лицо изменилось. Только что она была влекущей молодой девушкой, из тех, кого в мое время неучтиво называли кисками — и вдруг стала осунувшейся и озабоченной молодой женщиной.

— Взгляните.

Откуда-то из-под листьев, образовывавших пол глинобитной хижины, она извлекла длинную стрелу с металлическим наконечником. Поскольку металлы в нашем мире были величайшей ценностью, я, вопреки себе, был поражен.

Она вручила мне стрелу. Я повертел ее в пальцах, осматривая, не суетясь на предмет отпечатков пальцев. Криминологическая лаборатория в Мире Реки возможна разве что самая паршивая.

Хорошо сработано. Наконечник, древко, выемка — все совершенного образца. Поскольку мне довелось самостоятельно изучать средние века, я определил, что острие сделано из железа, выплавки, характерной для XIV века.

— Эдгар рассказал вам, что случилось?

— Да.

— Кто-то пытается убить меня, мистер Хэммет.

— Можно называть меня Дэшиэл.

Ее ответ был робок — точнее, она лишь наклонила голову, да так, что выглядела теперь еще моложе и куда уязвимей, чем прежде. Она сказала:

— Я боюсь. И не хочу, чтобы кто-то послал меня в какое-нибудь другое время.

— Я вас не корю. Она подняла глаза.

— Думаю, дело в О'Брайене.

— В ком?

— В Ричарде О'Брайане. Одном из балтиморских бизнесменов. Он женат, но ему это, кажется, все равно.

— Он вам когда-либо угрожал?

— Не совсем. Но он ждет, пока Эдгар не отправится вниз по Реке, и тогда он сюда проберется. Он сущая чума.

— Наверное, что-нибудь менее заразное.

— О, он — самая жуткая зараза. Хуже нет. Однажды ночью он сцапал Эдгара и попытался его утопить. Думаю, еще до того, как вы сюда попали.

— Не следует ли мне поговорить с кем-нибудь еще? Она призадумалась. И как раз собиралась ответить, когда тонкий крик, вроде птичьего, наполнил воздух.

Мы сидели в пропахшем дождем молчании и глядели друг на друга: маленькая подружка Эдгара, печальная и нежная — и я. Птица кричала столь жалобно, что я коснулся своей руки и ощутил, что она холодна и покрыта гусиной кожей.

— Какие птицы так кричат? — В Мире Реки не было птиц. Вообще.

Женщина улыбнулась. — Это Роберт.

— Кто такой Роберт?

Но мне не требовалось спрашивать, ибо внезапно отлетела в сторону длинная циновка, служившая дверью, и на пороге встал мальчик, лет, наверное, десяти, смуглый, точно американский индеец, столь основательно забрызганный илом, что это выглядело как боевая раскраска. У парнишки были песчаного цвета волосы и настороженные голубые глаза. Он носил вокруг бедер полотенце, удерживаемое магнитной за-

стежкой. И в целом, он умудрялся придавать себе вид, равно устрашающий и торжественный, как это водилось у юных сорванцов с незапамятных времен. И несмотря даже на то, что он изрядно промок под дождем, от него пахло потом и вонью. На поясе у него качались ножны, и в них покоился клинок из кремния, тяжелый и смертоносный. И почти комический контраст с этим клинком составлял букетик в правой руке: голубые, желтые и розовые цветы, из тех, что растут на лесных опушках.

— Это тебе, — сказал Роберт.

Она улыбнулась ему и протянула хрупкую ладонь. Цветы в ее костлявых пальцах посреди этой убогой хижины были как взрыв ярких красок лета.

— Я зайду позже, — сказал мальчик. И, пока говорил, глазел на меня. Он не пытался скрыть неудовольствие, вызванное тем, что я здесь.

— Но, Роберт… Ты не хочешь, чтобы я представила тебя мистеру Хэммету?

— Нет, спасибо, — буркнул он. И пропал, хлопнув циновкой-дверью и сбежав по буром глинистому склону в холодную серебряную морось.

— Бедный Роберт, — вздохнула она после того, как ропот дождя окончательно заглушил шлепа-

нье ребячьих ног.

— Я бы сказал, что он переживает больше, чем просто четкое увлечение.

— Мне его так жаль. Я всегда влюблялась в тех, кто старше меня в его возрасте. Для взрослых это всегда забавно, но когда вы молоды… Это очень болезненно.

— Кто он?

Она пожала плечами.

— Он живет у женщины, которую называют Лесной Ведьмой.

— Слыхал о такой.

— Она не ведьма. А просто очень грязная баба с запасом тарабарщины, которую обрушивает на детишек, чтобы отпугнуть.

Я поднял стрелу.

— Возможно, я пойду в лес и повидаюсь с ней. Не исключено, что она сможет что-нибудь сказать мне об этом. — Я улыбнулся. — Учитывая, что она ведьма, и все прочее.

Я встал, стараясь не выпрямляться слишком резко. Хижины Мира Реки не рассчитаны на людей двадцатого столетия.

— Полагаю, я начну с О'Брайена.

— Остерегайтесь его. Он очень коварен.

Я подумал о годах, проведенных в тюрьме, я

отбыл их до конца, хотя простого раскаяния и неприверженности к коммунизму было бы достаточно, чтобы меня освободили. Я знавал немало пронырливых людишек в то время, равно в тюрьме и в комитете Конгресса, которые заботились о том, чтобы я сидел. Я подумал о старом Дике Никсоне, в сущности, не том лукавом типе, каким он казался, а скорее, о печальном безумце, которого слишком любила мать и недостаточно отец. Уайльд или кто-то другой сказал о родителях: «иногда мы их даже прощаем»?

— Думаю, я могу с ним справиться, — заметил я.

— Очень мило с вашей стороны.

Я поднял циновку, закрывавшую дверной проем.

— Избегайте ненужного риска. Она улыбнулась.

— Вам не стоит беспокоиться. Эдгар дал мне вот это. И в изящной руке тут же возник огромный каменный нож, извлеченный из-под листьев.

— Он также подсказал мне, куда всаживать. Прямо в мужскую промежность.

Она сказала это с таким напором и страстью, что я чуть было не схватился за мошонку из потребности в самозащите. Упоминание о ка-

страции не так-то легко пролетает мимо мужских ушей.

— Надеюсь, мне представится случай себя испытать, — призналась она. — И посмотреть, действительно ли я маленькая беспомощная девочка, или по-настоящему сильная молодая женщина.

Я рассмеялся.

— Почему-то я думаю, что вы пройдете испытание на отлично.

Она подхватила мой смех.

— Если честно, то я тоже. Мне, право, жаль дурня, который вздумает искушать судьбу.

Я кивнул в знак прощания и вышел из хибарки. И принялся спускаться по склону там, где росла трава. Она пахла свежо и крепко. В небе, изменчивом, точно калейдоскоп, перемещались и вихрились темные облака. Ребенком я всегда боялся грозы, внезапная прохлада и запах дождя всегда повергали меня в отчаяние. Полагаю, это началось после того, как моя сестра Реба пропала на полчаса, и мои родители с ума сходили, ища ее повсюду в окрестностях, а между тем на востоке собиралась гроза. Гроза всегда означала, что моя сестренка снова исчезла, хотя я уже взрослый, а Ребу давным-давно отыскали целую и невреди-

мую в соседском доме.

Глава 3

Становище было столь же убогим, сколь и все прочее в Мире Реки. Мы принесли сюда с собой все наши умения, верно, но нам не хватало нужных материалов. Хорошим примером служат «пригороды» — чуть больше, чем расставленные по кругу хижины на лесной полянке. У восточного края стоит мужчина, держа грубое копье, а позади него четверо детишек явно заняты игрой в шарики — сидят на корточках в кружок на грязной и голой земле.

Мужчина с копьем шагнул вперед и произнес:

— Вы мистер Хэммет.

— Я самый.

— Не то, чтобы вам не рады, мистер Хэммет, но мы предпочитаем жить сами по себе. Поэтому у нас двадцать четыре часа в сутки выставлен часовой.

Если в его обязанности входило свирепое поведение, то он с ними справлялся неважно. Здоровенный верзила, да, но уж больно учтив, а это не к лицу предполагаемому мордовороту.

— Я бы хотел видеть Мистера О'Брайена.

Он ухмыльнулся. Чем-то он смахивал на пере-

росшего ребятенка.

— Ну что же, это избавляет нас обоих от хлопот.

— Не понял…

— О'Брайена здесь нет… — Он наклонил копье в направлении глинобитных лачуг. В этот миг от домишка к домишку пробежал мальчик, за которым со смехом гналась оная девушка. — Он где-то там на Реке. — Верзила кивнул в сторону Реки. — И я не могу помешать ему туда ходить. Все, что я должен делать — это охранять поселок.

— А что именно кажется вам таким опасным в нас, что вы держитесь особняком?

— О, ничего личного, мистер Хэммет. Просто мы добропорядочные балтиморские христиане, приверженные устоям, а вы из Сан-Франциско. Для нас это все равно что другой мир. Но мы не питаем к вам ненависти. Каждый день наш проповедник, и мы с ним вместе молимся за ваши души.

— Ну, это чертовски любезно с вашей стороны. Он передернулся при слове «чертовски», а затем принялся раздумывать, а не насмехаюсь ли я над ним. Тут я оставил его и направился к Реке. Прежде чем я вышел из лесу и отыскал узкую извилистую тропу, бегущую параллельно воде,

я услышал вдали мерное «хлысть-хлысть». И понять не мог, что бы это значило.

Я двинулся по этой тропинке, не обращая больше внимания на капли, шлепавшиеся с зеленых листьев у меня над головой; и там, где тропа огибала великолепный, пушистый куст, я отыскал О'Брайена. Он был высок, с виду — типичный ирландец, и всей своей повадкой выражал угрозу, старательно и несколько театрально. В руках он держал большой лук, из которого одну за другой пускал стрелы в почерневший от дождя древесный ствол. Стрелы издавали то самое «хлысть-хлысть», которое я слышал. Маленькая женщина с печальным лицом, казавшаяся старше, чем она, вероятно, была, бегала за стрелами и приносила их обратно. Создавалось впечатление, будто она напрягала все свои силы, выдергивая их из дерева. Было нечто вызывающее в том, как он обращался с этой измученной женщиной.

Женщина первая меня увидела. Она несла ему последнюю стрелу, когда бросила случайный взгляд на меня и кивнула в моем направлении.

Он обернулся и воззрился на меня в упор.

— Это еще кто, черт побери?

— Это мистер Хэммет, — ответила женщина. — Он прославленный писатель и умер, примерно,

через тридцать лет после нас.

— Заткнись, безмозглая сучка, — сказал он, вручая ей лук. Затем шагнул ко мне. — Или не знаешь, как меня тошнит от того, что ты вечно встреваешь?

Женщина выглядела так, словно он ее отхлестал. Я остановился, примерно, в пяти футах от него.

— Вы О'Брайен?

— А если да, так что?

— Мне нужно с вами поговорить.

— О чем?

— Кое о чем личном. — Я кивнул в сторону женщины. — Может быть, ваша жена могла бы чуток отдохнуть.

— С каких это пор вас заботит моя жена? Женщина, усталая, грязная и взвинченная, подошла к нему, как если бы он был великим каменным идолом, а она неустанно молилась ему.

— Я вернусь в поселок и отдохну.

— Да. Как будто ты уже недостаточно наотдыхалась.

У меня возникло ощущение, что он вот-вот закатит ей пощечину. Я не забияка, и никогда не был забиякой, но он мне достаточно не понравился, чтобы мне доставило удовольствие вздуть

его даже, если потом он поколотит меня.

Он принялся пихать ее. Она едва не упала наземь, но я хватил ее за руку и поддержал. Она вперила в меня взгляд, полный извечной скорби и страха. Женщин вроде этой было немало по всему Западу в мои дни, их жизнь шла счастливо, пока им не стукнет шестнадцать, а затем они становились, считай, рабынями при свирепых мужьях и печальных одурелых детишках и жили горячим черным кофе, невысказанными словами и не встретившими отклика молитвами.

Я хотел ее поддержать, ничего чувственного, только поддержать из чистой доброты, в которой ей так долго отказывали.

А затем я замахнулся. Я не собирался его бить, в сущности, я едва ли осознавал, что делаю, но как раз, когда мой кулак устремился к его лицу, она толкнула меня под локоть, и мой кулак по дуге пролетел мимо.

— Я не хочу, чтобы вы пострадали, мистер Хэммет, — сказала она, торопливо обежала большой пушистый куст под косым серебристым дождем и пропала.

— А ты, похоже, задира? — рассмеялся О'Брайен.

— Ты бы вполне мог обходиться с ней чуточку

получше.

— А ты видишь, какая она из себя? Она позволила себе состариться. То же самое было и в Балтиморе. Черт, она не так уж скверно выглядела, когда возродилась у Реки, но тут же все опять покатилось к дьяволу. — Он ухмыльнулся. — Мне нужна какая-нибудь свежая милашечка, пока мои причиндалы еще на что-то годятся.

— Ты об Арде?

Его глаза сузились. Плоский нос, который, как ни странно, сообщал ему грубую привлекательность, стал на вид еще свирепей.

— А что там с Ардой?

— Кто-то пытается повредить ей. — Я наклонился и по-добрал одну из его стрел. Точь-в-точь, как та, которую Арда показала мне в своей хижине. Я поднял глаза и встретился с ним взглядом. — Недавно кто-то пустил в нее стрелу.

— Ей нужен мужчина.

— У нее есть мужчина.

— Это Эдгарчик, что ли? — Он скорчил рожу. — Он нюня, какого я еще не видел.

— Кажется, она так не думает.

— А какого дьявола тебе во всем этом?

— У нее создалось впечатление, будто кто-то пытается разлучить ее с По. — Я поднял стре-

лу. — Точно такую же стрелу пустил в нее покушавшийся.

— Ты хочешь сказать, что я в нее стрелял?

— Не исключено.

Тогда он попер на меня, но он был, слишком тяжелым, чтобы двигаться быстро, и я переместился вправо, пока он подавался влево.

— Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— Это мое дело.

— У тебя есть жена. Почему ты не попытаешься уделить ей немного времени?

Но я опять впадал в ханжество. Тогда я подумал о своей жене, то, которую оставлял на Эдди-стрит с дочкой, в то время как сам уходил, чтобы в подпитии принимать восхваления Лилиан и ее лощеных друзей. Я был не в том положении, чтобы читать моральные проповеди даже мужлану вроде О'Брайена.

Он выхватил из моей руки стрелу и сказал:

— Будь я на твоем месте, я бы отсюда смылся.

— Не забудь о том, что я тебе сказал. Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— А я считаю, что это других не касается. Он тут же развернулся и, подобрав лук, пустил стрелу прямехонько в твердую, отполированную сердцевину дерева. Нетрудно было вообразить, как

он стрельнет в меня.

Глава 4

Следующие двадцать минут я брел по тропе, которая завела меня в самую лесную чащу. Наверное, скорее, от тоски, нежели по иным причинам, я принялся исследовать различные тропинки, проверяя, куда они выходят.

В нашем прежнем мире я всегда изучал уйму карт, особенно когда работал на Пинкертона на различных железных дорогах, и, будучи прирожденным следопытом, получал от это-то немалое удовольствие.

В любом случае, как я уже заметил, Мир Реки не изобиловал возможностями для захватывающих занятий.

Я широко шагал по тропе, бежавшей под тяжелым кровом из ветвей и листвы, когда заметил женщину. Она лежала на земле лицом вверх.

Даже издалека я увидел, что она неряшливая и какая-то чудная. Мне также бросился в глаза кровоподтек на ее лице сбоку, который понемногу смывали капли дождя, проливавшиеся с листьев наверху.

Я подбежал поближе, встал рядом с не на колени и стал переворачивать ее, чтобы лучше

разглядеть сморщенное и грязное лицо, когда… Когда со мной сыграли одну из самых почтенных разбойничьих шуток.

Оставьте беспомощную женщину любого возраста на тропе, и какой порядочный мужчина не подойдет выяснить, что лучилось. Я и подошел, как любой другой — и как раз тогда кто-то вышел из-за дерева и лихо огрел меня по макушке. Я только и успел ощутить, что краткую вспышку боли, а затем меня обступила тьма.

Глава 5

Я очнулся в большой хижине. Огонь горел в яме посреди глиняного пола. От пламени исходило приятное тепло. Но вот только воняло в этом месте изрядно. Кто бы здесь ни жил, я не назвал бы их чистюлями.

Две женщины сидели по другую сторону от пляшущего огня и наблюдали за мной. В отсветах пламени кожа их прибрела оттенок, каким отличаются индейцы, а яркие черные глаза еще усиливали впечатление. Они сидели под целой рудой полотенец. У одной из уголка рта торчала трубка. Та самая неряха. Ее сестра — я предположил, что они сестры из-за их весьма примечательного сходства — трубки не курила и была совсем лысой. На ее блестящем черепе плясал алый и золотистый свет.

— Вы мистер Хэммет.

— Как будто.

— Мы рады познакомиться с вами, мистер Хэммет.

— Нетрудно догадаться по тому, как вы меня грохнули.

— Нам просто требовалось убедиться. — До сих

пор со мной говорила только лысая.

— Убедиться в чем?

— Что вы подходите для нашего поручения. — На этот раз подала голос седоволосая. — Кстати, я Елена, а это моя сестра Стефания.

Я не без усилия сел. Елена протянула мне чашку с чем-то дымящимся. Я заглянул внутрь и не увидел, чтобы на дне что-то ползало. Так что я начал прихлебывать. Это оказался чай. И хороший. Просто отменный.

— Знаю, вы, вероятно, думаете, что мы индейцы, но это не так, — сказала Стефания. — Мы вообще-то французы. Наши родители явились в Балтимор из маленького городка недалеко от Парижа. И во всяком случае мы попали в Мир Реки с мистером По и другими. К несчастью, у нас не было ничего общего с ними там, дома, и здесь тоже нет ничего общего.

Я поглядел на Елену.

— Это вы — Лесная Ведьма? Ее сестра захихикала.

— Не поощряйте ее. Она как раз этого и хочет. Она уже начинает верить всем тем выдумкам, которые наплели вокруг нее люди, — заметила Стефания.

— Значит, она не ведьма? Стефания снова

прыснула.

— Едва ли. — Улыбнулась. — Хотя, поспорю, мистер По желает, чтобы это было правдой.

— Почему? — полюбопытствовал я.

— Потому что однажды ночью Елена застукала его в лесу с другой женщиной. Будь она действительно ведьма, мистер По мог бы попросить ее наложить чары на Арду, так, чтобы Арда не злилась на него из-за его неверности.

Я подумал об Арде, о ее печальном маленьком личике и глазах, и о том, как драматично представляет По свою верность ей. Но даже с Ардой он не мог не обращать внимания на других девушек.

Я снова пригубил чай и сказал:

— Вы собирались, объяснить, зачем меня стукнули.

— Объяснение достаточно простое, мистер Хэммет, — ответила Стефания. — Мы хотим, чтобы вы кое-что украли для нас нынче ночью и всего лишь желали убедиться, что вы крепче, чем кажетесь.

— Мы слышали, что вы работали Пинкертоном, но, честно говоря, ваш вид не показался нам воодушевляющим.

— Ну, возможно, ради вас я согласился бы при-

бавить несколько фунтов.

На этот раз засмеялись обе мои собеседницы.

— И что я должен для вас украсть?

— Мы в точности не знаем, — ответила Стефания. — В том-то и сложность.

Елена предложила мне еще чаю. Я согласился. Елена сказала:

— Есть один маленький мальчик по имени Роберт, который живет здесь, в лесу.

— Да, я с ним знаком.

— Ну, так Роберт вообще-то очень славный парнишка, но у него есть тайна.

— Тайна?

— Да, и он не желает ею с нами поделиться, — сказала Стефания.

— Тогда откуда вы о ней знаете?

— А оттуда, что как-то ночью мы увидели, что его бьет мистер О'Брайен.

— Бьет Роберта?

— Да, — сказала Стефания. — Мне нравится бегать по лесу ночью — то есть, изображать ведьму. Это дает людям повод для сплетен, к тому же само по себе забавно. Короче, я бежала лесом и увидела Роберта, привязанного к дереву, и мистера О'Брайена, который ударял его снова и снова. Я попыталась остановить мистера О'Брайена, но

он просто-напросто прогнал меня. Похоже, он не боится ведьм.

— Это потому, что ты — не ведьма, — напомнила ей Елена.

— Одним словом, он все требовал и требовал, чтобы Роберт открыл ему свою тайну. Но Роберт не открыл. Он очень храбр для такого маленького мальчика, — она вздохнула. — Затем он взял что-то у Роберта. Кусок бумаги. Вытащил из кармана и побежал. Я пряталась в кустах, и все это видела. И когда он исчез, я подбежала и отвязала Роберта.

— И Роберт не сказал вам, что украл у него О'Брайен?

— Нет. И мало того, когда я об этом заикнулась, мальчик разревелся и убежал.

— Так что вы хотите, чтобы я украл…

— Клочок бумаги, который мистер О'Брайен отнял у бедного маленького Роберта в ту ночь.

— Превосходно, — заметил я. — Итак, у меня уже два клиента.

— Вы иронизируете, мистер Хэммет, верно? — сказала Елена. — Насчет того, что превосходно иметь двух клиентов?

— Разумеется, иронизирует, Елена. Пинкертоны всегда иронизируют.

— Разве вы не хотите помочь бедному ма-

ленькому Роберту, мистер Хэммет? Разве не хотите? — произнесла Елена.

Ну и что я ей должен был на это ответить?

Глава 6

Весь остаток дня ушел у меня на то, чтобы найти Роберта, и все-таки я нашел его по чистой случайности, приблизившись по тропе к огромному каменному грибу, где он стоял, глядя на Реку.

Я подошел к нему настолько осторожно, насколько мог. Я не хотел его спугнуть. Но он учуял меня, развернулся, увидел, кто это, нахмурился и припустил прочь. Он помчался по тропинке вдоль Реки. Дождь сделал бег по ней небезопасным. Несколько раз он поскользнулся, удирая. Несколько раз, преследуя его, поскользнулся я.

Я знал, что окончательно упущу его, если не прибегну к чему-нибудь недостойному. Я остановился, нагнулся и подобрал камешек. Бросил его с восхитительной точностью и угодил мальчику прямехонько в подколенную ямку. Боль от удара была достаточной, чтобы он упал, и, как раз когда он шлепнулся в грязь, я налетел на него.

Когда я рывком поднял его на ноги и прислонил к ближайшему дереву, он был весь в грязи. Он выглядел так, как если бы гримировался, чтобы представлять негра. Он здорово сбился с дыхания, я тоже, и вот мы стояли, и косой серебристый

дождь смывал с него грязищу, а мы оба, приоткрыв рты, издавали прерывистое «хы-хы-хы» в лицо друг другу.

— О'Брайен отнял у тебя клочок бумаги как-то ночью, — сказал я. — Я хочу знать, что там было.

— Не твое дело.

— Малыш, я могу сломать тебе руку.

— Ломай. Мне начхать.

— Кто-то пытается убить Арду. Тебе и на это начхать?

— Я люблю Арду.

Подавляющее большинство мальчишек так запросто об этом не сообщило бы. Мальчишки, как правило, слишком робки и замкнуты, чтобы нечто такое выдать. Но было столько отчаяния и боли в скорых словах этого сорванца, что я понял: ему нужно произносить их вслух и часто.

— Ты ей тоже нравишься. Она мне сказала. Его глаза обшаривали глинистую тропу, по которой мы сюда прибежали.

— В этом-то и беда.

— В чем?

— Я люблю ее, но ей только нравлюсь. Тут я поступил так, как обычно поступают взрослые, когда говорят с ребятишками о романтической любви.

— А ты не думаешь, что она малость старовата для тебя?

— Она может быть старовата для меня, но она слишком молода для этого По.

— Полагаю, здесь ты попал в точку. Его лицо стало печальным, и я пожалел, что так повел разговор и не подумал, как следует, что же ему сказать.

— Тебе нравится жить в Мире Реки? Он передернул плечами.

— Здесь ничуть не хуже, чем в Балтиморе, где я жил. Хотя бы крыс нету. — Он поднял глаза и заговорил голосом, слишком усталым для его юных лет. — Я никогда раньше никого не любил.

— Это может быть довольно болезненно.

— У меня в желудке тошнота, насколько это болезненно. Она не должна любить его. Она должна любить меня.

Я не без усилия напомнил себе, что ему всего десять лет. И спросил:

— Ты ее когда-нибудь ненавидел? Это его озадачило.

— Ненавидел? Нет. Я же сказал: я ее люблю. И это правда.

— Ну, иногда, когда очень сильно кого-нибудь любишь, можно его при этом и здорово ненави-

деть за то, что у него над тобой столько власти.

— В этом нет никакого смысла.

— Может, смысла и нет, но это правда. Он улыбнулся.

— Когда я слышу что-то в этом роде, я думаю, а хочется ли мне вообще стать взрослым. Я рассмеялся.

— Думаю, это миф.

— Что?

— Да будто вообще существуют какие-то взрослые. Мы просто ребятишки покрупнее. И всяко быть так называемым взрослым — это гадость. Действительно.

— Ты на самом деле думаешь, что кто-то хочет ее убить?

— Ну, если даже и нет, то он, несомненно, очень ловко притворяется, будто да.

— Я бы не стал выяснять, кто это. Я сам его убью, если узнаю. — Он коснулся своего жуткого ножа, облаченного в кожу. Я помедлил с минуту и попросил:

— Расскажи мне о бумажке, которую у тебя отнял О'Брайен.

— Это касается только меня и О'Брайена.

— А я подумал, что мы с тобой скоро станем друзьями. Это здесь совершенно ни при чем. Бумажка

— это тайна. — Лицо его стало суровым, взгляд тоже. — Я заполучу ее назад так или иначе.

Она может тебе повредить.

— Я его не боюсь.

— Ты не собираешься рассказать мне о бумажке?

— Не-а.

— И не хочешь, чтобы я тебе помог? Он пожал плечами.

— О'Брайен боится тебя не больше, чем меня.

— Но все-таки мы вдвоем… Он опять улыбнулся.

— Хотите верьте, хотите нет, мистер Хэммет, но тьма народу боялось меня там, в Балтиморе.

— Охотно верю.

— Может, я маленький и не шибко крутой, но я решительный, — он снова коснулся своего ножа. — И когда кто-нибудь меня обсирает… — Новое пожатие плеч. — Ну, я способен стать совершенно безжалостным.

— Держу пари, что это так, малыш. Держу пари. И с этими словами я покинул его. Там, на тропе. Кивнул в знак прощания и потопал туда, откуда пришел. Он выждал минуту-другую, а затем двинулся следом за мной через подлесок. Я несколько раз пытался оторваться от него, пускаясь бегом.

Он ударялся в панику и производил слишком много пума в зарослях. Не заметь я его прежде, наверняка обнаружил бы теперь. Но парню было всего десять, и для своего возраста он казался истинным Кожаным Чулком. Когда мне было десять, я жил-поживал в славном уютном домике среднего класса и охотился на уточек с отцом в солоноватых болотах у Чесапикского Залива.

Мне не приходилось заботиться о себе и поддерживать себя настолько, насколько довелось бедняге Роберту.

Глава 7

Два часа я лежал у себя в хижине, слушая шум дождя. Он вызывал в памяти Сан-Франциско и то время, когда я еще жил с женой и дочерью, а она, совсем маленькая, вечно спрашивала: «Мокро, папочка? Мокро, да?» — чуть завидит переливающиеся, как хрусталь, бусинки на окнах нашей небольшой квартирки.

Я поспал, во всяком случае, часть времени, но то был тревожный сон несчастливца, и, когда я пробудился, я взвыл, ибо по моему колену ударил камешек — и тут же упал.

В липком мраке хижины я прыгнул вперед и схватил камешек. Кто-то обернул его запиской и для верности основательно обвил записку бечевой. Записка гласила: «В сумерках на поляне у грейлстоуна.»

Эти указания вызывали одно осложнение: учитывая, что идет дождь и кругом мгла, как я смогу догадаться, что дело — к сумеркам?

Я прождал два часа на вершине густого дерева близ поляны. Мятный аромат листьев наполнял мне ноздри. Кора была скользкой, точно драконья спина.

Стало темно. Дождь не унимался. Существует меланхолия, которую может навеять на меня только холодный дождь, и нечто подобное я испытывал, сидя на ветке. Мне хотелось поговорить с женой и дочкой.

Она была в плаще и в капюшоне, и сперва я не признал ее, когда она бежала через поляну от одного края леса до другого.

И как только я осознал, что вижу Арду, что-то маленькое в тени выступило вперед, и с тетивы сорвалась стрела. Я услышал зловещее «вввив-ззж» наконечника, погружающегося в плоть. Затем женщина завопила, сдавленно, ибо звук приглушила мокрая земля, в которую жертва зарылась лицом. К этому моменту я уже знал и то, кто на нее покушался. Возникло побуждение пуститься вдогонку за Робертом и отлупить его, чтобы излить свой гнев, но я понимал, что первым делом следует подойти к Арде.

* * *

Она была совсем легкой, когда я нес ее вверх по склону к хижине, где жили они с По. По наверняка услышал мое приближение. Прежде чем я поравнялся с хижиной, он стоял в дверях. И вот, как всегда, театрально побежал мне навстречу,

раскинув руки. И, пока я вносил ее в хижину, семенил сбоку. Он не предложил, чтобы я поделился с ним моей ношей, и не сделал ничего другого, разве что жалобно ворковал какую-то чушь, обращаясь к Арде. Мы усадили ее у стены поближе к огню.

— Ты можешь вытащить стрелу? — спросил По, с желтым в сиянии пламени лицом. Он был не в себе.

— Наверное, это стоило бы сделать тебе. Она — твоя подруга.

Меня от этого… затошнило бы. Чувствовать, как эта дрянь выходит из ее тела… Нет, я для такого не гожусь. — Мольба равно был в его голосе и глазах. Я вздохнул. Мне тоже не доставляло никакого удовольствия вытаскивание стрел.

Я приблизился к Арде и опустился на колени. Она была без сознания. Я пощупал ее лоб. Ее уже лихорадило от яда. Пульс был слабый. Я действовал со всей возможной быстротой. Когда стрела была уже на полпути, я услыхал шум в дверях и взглянул туда.

Роберт без лука стоял там и глядел на меня.

— Как она, мистер Хэммет? — Он был весь в слезах и дрожал.

— Какого дьявола ты еще спрашиваешь, ма-

лыш? После того, что натворил?

Он порывался было еще что-то сказать, но я его оборвал:

— Заткнись ко всем чертям. Я пытаюсь сосредоточиться.

В свете огня засверкали слезы в его глазах. Затем дверной проем опустел. Роберт исчез.

Я извлек стрелу минут за двадцать, и прошло вдвое больше, пока Арда не очнулась и не принялась горестно рыдать, глядя на По с любовью, столь очевидной, что меня одолело смущение. Ну какого черта ей приглянулось такое ничтожество?

Он находился в дальнем от нас конце хижины. Нет, он не придуривался тогда, отказываясь мне помочь. Он и сейчас старался не взглянуть мимоходом на рану.

Я убрал стрелу, очистил рану и перевязал плечо. И как раз собирался встать, когда увидел, что ее веки затрепетали и поднялись. Она легонько притянула меня к себе и приложила свои мягкие теплые губы к моему уху. И поведала мне наконец обо всем.

* * *

Капли дождя били по воде, точно пули. Луны не было. Я нашел его на самом берегу. Он сидел себе, не чувствуя ни сырости, ни холода, и не тяготясь одиночеством. Я сел рядом с ним в темноте.

Дождь был холодный и непрерывный. Я сказал:

— Она рассказала мне.

— Так я и думал.

— Она могла умереть.

— Знаю, — он вздохнул. — Раньше всякий раз бывало легче. Нам ничего не требовалось делать. Просто она говорила ему, что кто-то пытался утопить ее, столкнуть ее со скалы, пустил в нее стрелу. И ей не приходилось ничему такому неприятному подвергаться.

— Но на этот раз она попросила тебя по-настоящему ее ранить.

— Правда, — сказал он.

Она все объяснила мне там, в хижине, которую делила с По. Она знала, что он ей постоянно изменяет. И перепробовала все, чтобы остановить его. Ничто не действовало.

Вместе со своим другом Робертом она стряпала байки о том, как кто-то пытается ее убить. Она

думала, что уж это-то должно подействовать. Эдгар начнет настолько беспокоиться за нее, что прекратит бегать по бабам. Несколько недель По был верен ей, но затем принялся за старое: выскальзывал наружу по ночам и спешил в лес на очередное свидание.

Именно тогда Арде пришла мысль, что ее должны ранить. Пусть Роберт стащит лук О'Брайена и стрелу — точно так же, как стащил одну стрелу раньше, чтобы показать Эдгару. Но на этот раз пусть ранит ее на самом деле. После такого события, разумеется, даже По не сможет больше изменять.

Но Роберт разозлился на нее однажды ночью, потому что понял, что она любит его не так, как своего По. Он написал Эдгару письмо, где сообщил о плане, который придумали они с Ардой. О'Брайен подсмотрел, как он пишет, и отнял у него письмо. Он замыслил шантажировать Арду. Либо она станет с ним спать, либо он передаст По письмо Роберта. Роберт был в ужасе. Он понимал, что ему не следовало писать такое письмо, понимал, что никогда по-настоящему не вручил бы его адресату.

Но теперь то, что письмо у О'Брайена, ничего не значило. Там, в хижине, Арда уже рассказала

По обо всем.

— И он опять удерет от нее к кому-нибудь, да, мистер Хэммет?

— Ты имеешь в виду По?

— Угу.

— Боюсь, что да, Роберт.

— Не больно. — то он мне нравится.

— Мне тоже.

— Вот только хотел бы я не так сильно ее любить.

— Когда-нибудь ты ее совсем разлюбишь.

— Вы имеете в виду, я смогу смотреть на нее так, чтобы у меня желудок не стягивался в узел?

— Ты сможешь смотреть на нее и поражаться, какого черта ты потратил столько времени на любовь к ней.

— А с вами такое когда-нибудь случалось?

— Много раз.

— Она жутко красивая.

— Жутко красивая, — согласился: я.

— И ее стоит любить, потому что она не беспокоится, где тебя носит все время.

— Ну, полагаю, в пользу этого есть некоторые обстоятельства.

Он вздохнул.

— Может быть, я пока не готов перестать лю-

бить ее, мистер Хэммет.

— Странно от тебя такое слышать, Роберт. — Может быть, однажды она еще увидит, каков По на самом деле.

— Вполне возможно, Роберт.

— И тогда, может быть, захочет пойти за меня замуж.

— Такая вероятность всегда сохраняется, Роберт. Он долгое время хранил молчание, затем поглядел на меня и сказал:

— Вы разбираетесь в этом не лучше, чем я, а, мистер Хэммет?

Ну, уж здесь-то мне точно следовало расхохотаться. Я взъерошил ему волосы и произнес:

— Нет, черт меня возьми, Роберт, нет, черт возьми.